

Д. Е. ХАЙТУН

ТОТЕМИЗМ
ЕГО СУЩНОСТЬ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

547

Глубоковскому
Леониду Павловичу

Торангу

от автора

19 3/4 58.

*Товарищу и другу—
моей жене
Юлии Артемьевне
Шibaевой
посвящаю.*

ВВЕДЕНИЕ.

Великие географические открытия привели европейцев в соприкосновение с новым огромным миром, населенным разнообразными племенами, социальная организация, нравы, обычаи и религиозные верования которых столь резко отличались от того, к чему привык европейский человек, что не могли не поразить путешественников и конкистадоров, купцов и кондотьеров, хлынувших в новооткрытые земли в погоне за легкой наживой. Вот почему в описаниях путешественников этого времени отмечаются и особо удивлявшие их „куръезы“ и из области религиозных верований. К таким „куръезам“ они относили и элементы сложного комплекса явлений, получившего позже название тотемизма.

Термин „тотем“ впервые проник в литературу в конце XVII века. Его применил английский купец Лонг в работе „Путешествие и странствование индийского переводчика и купца“ для обозначения веры в родство с животными. Он встретился с ним у индейцев оджибве или чиппевеев, говорящих на языках алгонкинской группы, у которых слово „от-отем“ или „от-отам“ означало „его род“.

С легкой руки Лонга термин „тотемизм“ стал общепринятым в этнографии, и когда позже, с расширением круга исследуемых племен, явления, подобные открытым Лонгом, были зафиксированы в Австралии, Полинезии, Меланезии и т. д. и т. д., когда в других местах была обнаружена вера в происхождение или существование родственной связи с предметами и с явлениями природы, то термин „тотемизм“ распространился и на все вновь открытые явления, хотя у других племен они носили другие названия („кобонг“ в Западной Австралии, „нгаитъе“ в Южной Австралии и т. д.).

Значение тотемизма для науки открыл шотландский юрист Джон Фергюсон Мак Леннан, который выступил в 1869—70 г. г. с сводной работой „Почитание животных и растений“.

Проблема тотемизма, в частности его происхождения, привлекла широкое внимание зарубежных ученых. Ей были посвящены десятки, если не сотни специальных исследований. Решать эту сложную и трудную проблему пытались такие крупные буржуазные учёные, как Г. Спенсер, Тэйлор, Э. Лэнг, Джевонс, Робертсон Смит, Фрэнсер, Рейтершилль, Вундт, Ван Геннеп, Дюркгейм и др. Свои соображения, ценные для выяснения отдельных сторон этой многогранной проблемы, высказали и многие советские учёные (С. П. Толстов, С. А. Токарев, А. П. Окладников, Ю. П. Францов, А. М. Золотарев, В. К. Никольский и др.). Но ряд вопросов проблемы, в особенности вопрос о происхождении тотемизма, не имеет ещё безусловно приемлемого решения.

Отсутствие монографии по тотемизму на русском языке и, вместе с тем, важность этой проблемы не только для решения более общих вопросов происхождения религиозных верований и их первоначальных форм, но и для борьбы с религиозными суевериями, — ибо тотемизм оставил свой след во всех мировых религиях, — побудило нас посвятить данное исследование этой сложной, но важной и интересной проблеме.

Мы ставим целью выяснение состояния проблемы в современной науке, анализ и критику существующих концепций, установление того, что уже достигнуто в науке и что ещё окончательно не решено.

* * *

Сложность проблемы, её многогранность заставляет нас выделить те основные вопросы, которые ещё не решены или имеют особо важное значение. Каждый из этих вопросов мы для удобства исследования рассмотрим отдельно.

Прежде всего мы рассмотрим, что входит в тотемистический комплекс, какие его элементы являются подлинно тотемистическими, какие привходящими.

Только решив вопрос об основных элементах тотемистического комплекса возможно, нам кажется, выяснить и второй, более общий вопрос — прослеживаются ли элементы этого комплекса у других племен и народов мира, т. е. решить вопрос об универсальности тотемизма.

Установление основных элементов тотемистического комплекса и решение вопроса о его универсальности позволяет перейти к рассмотрению вопроса о том, когда возник тотемизм и каковы были его первоначальные формы.

Выяснение всех указанных вопросов позволит нам подойти и к решению проблемы происхождения тотемизма.

Размеры работы не позволяют, к сожалению, использовать все имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Мы вынуждены, поэтому, привести лишь основные факты и аргументы, необходимые для доказательства выдвигаемых нами положений.

I. ТОТЕМИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС У НАИБОЛЕЕ ПРИМТИВНЫХ ПЛЕМЕН МИРА

Исследование проблемы тотемизма абсолютно невозможно без выяснения его сущности.

Необходимость выяснения этого вопроса диктуется тем, что существуют разнообразные формы тотемизма, что крайне разнообразен тотемистический комплекс, что в понятие тотемизма часто включаются элементы, не имеющие прямого отношения к этому явлению, что по вопросу о том, что представляет собою тотемизм—религию или социальную организацию или то и другое, универсален ли он или нет, существуют многочисленные и притом противоречивые точки зрения; тем, наконец, что даже определений тотемизма существует множество. Эта множественность суждений, мнений, нюансов создает колоссальную путаницу и осложняет вопрос, очень часто направляет его решение по неправильному руслу, так как в зависимости от того, какая тотемистическая группировка признается древнейшей, на каком элементе тотемистического комплекса акцентируется внимание исследователя, в зависимости от определения тотемизма, признания его исторической закономерностью или, наоборот, случайностью, соответственно изменяется и решение проблемы.

Большинство исследователей базировали свои теории на признании изначальным или наиболее важным одного из звеньев тотемистического комплекса или одной из форм тотемизма, причем остальные ингредиенты тотемизма ими, как правило, вообще игнорировались. Неудивительно, что как только доказывалось, что их отправная точка неверна, что то, что ими принималось за наиболее архаическую группировку или наиболее важный элемент тотемистического комплекса, отнюдь не является наиболее архаическим или наиболее важным, то и вся теория рушилась в целом. Следовательно, чтобы избежать возможных ошибок, следует заново пересмотреть тотемистический комплекс в целом, во всех его связях и опосредствованиях, следует внимательно пересмотреть все проявления тотемизма и элементы тотемистического комплекса, откинуть всё привходящее и, поскольку это доступно исследованию, установить, что является более древним.

Выяснение этих вопросов требует прежде всего установления конкретного понятия тотемизма.

По вопросу о сущности тотемизма есть три основных точки зрения. Одни рассматривают тотемизм как систему полусоциальную-полурелигиозную. Эту концепцию наиболее четко формулирует известный английский этнограф Джеймс Фрэйзер.

В последней редакции его определение гласит: „Тотемизм это система полусоциальная, полусуеверная, которая весьма распростра-

на среди дикарей прошлого и настоящего времени и согласно которой племя или коммуна разделена на несколько групп или кланов, члены которых считают себя соединенными и родством и общим почитанием какого-нибудь вида среди явлений природы, каковым обычно является животный или растительный вид. Этот вид, животный или растительный, или охватывающий предметы неорганической природы, называется тотемом клана и каждый член клана проявляет свое почтение к тотему путем воздержания от нанесения ему вреда. Это почтение тотема часто объясняется верованием, согласно которому члены клана являются родственниками и даже потомками тотема, и представляет собой суеверный аспект тотемизма. Что касается социального аспекта системы, то он проявляется в ограничении, препятствующем членам одного и того же клана вступать в брак между собой, так что они оказываются вынужденными искать себе жен или мужей в другом клане¹.

Другие считают, что тотемизм является лишь особой социальной организацией. Эту точку зрения защищает английский этнограф Уильям Риверс.

Тотемизм, как социальная организация, имеет, по его мнению, три основных черты:

1. Связь между видом животных или растений, или неодушевленных предметов и определенной социальной группой, обычно экзогамной, или кланом.

2. Вера в родство между членами социальной группы и животным, растением или предметом. Эта вера часто проявляется в виде веры в происхождение от животного, растения или неодушевленного предмета.

3. Почтение, оказываемое животному, растению или неодушевленному предмету. Типичная форма этого почтения выражается в том, что животное, растение не могут быть употреблены в пищу, а неодушевленным предметом или нельзя пользоваться совершенно или только с известными ограничениями.²

Как мы видим, оба эти определения по существу совпадают. Отличаются они только тем, что одни и те же явления один считает организацией социальной, другой — полурелигиозной-полусоциальной.

Основной недостаток обеих формулировок и заключается, главным образом, в том, что оба они признают наличие какой-то особой, в действительности, как мы убедимся ниже, несуществующей тотемистической общественной организации.

Советские учёные, исходя из марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях, считают, что тотемизм является не особой социальной организацией, а только религией.

А. М. Золотарев, который первым из советских учёных выдвинул это положение, определял тотемизм, как „веру в тесную связь между видом природных объектов, по большей части животных, и родовой группой“³. Он считал тотемизм религией, „адекватным идеологическим отражением родовой структуры на первых шагах её развития...“⁴.

Формулировка эта неточна, так как, во-первых, как мы увидим ниже, тотемизм это не только вера в интимную связь тотемного вида с родом. Во-вторых, тотемизм, как и всякая религия, является не адекват-

¹ Frazer J. Les origines de la famille et du clan. P., 1922., стр. 7—8.

² Rivers W. H. R. The history of Melanesians society. Cambridge, 1914, т. II, стр. 75.

³ Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 9.

ным, а ирреальным, извращенным отражением базиса. Однако важно то, что А. М. Золотарев считал тотемизм религией.

Точку зрения, что тотемизм лишь религия, разделяют ныне большинство советских учёных.

Вопрос о том, является ли тотемизм религией или социальной организацией, или одновременно и тем и другим, мы рассмотрим ниже более подробно. Пока мы отметим только, что и советские учёные и даже Фрэзер и Риверс считали основным носителем тотемистических идей, если так позволительно выразиться, „субъектом“ тотемизма клан, т. е. род. Однако этнографам известны и другие тотемистические группировки когда носителем тотемизма является племя, фратрия, брачный класс, семья, один человек, даже возрастные группы и пол.

Для выяснения интересующего нас вопроса необходимо установить, какая из этих тотемистических группировок является более архаичной, ибо в последней тотемистический комплекс должен, как правило, полнее сохраниться и более соответствовать наиболее древним формам тотемизма.

Наш анализ мы начнем с тех тотемистических группировок, которые возникают, несомненно, позже, являются продуктом длительного развития тотемизма.

Так называемый *племенной* тотемизм или его пережитки обнаружены лишь у некоторых племен Индонезии¹, Океании², Африки³ и притом у племен, стоящих на поздних ступенях развития первобытного общества. Полное отсутствие тотемов племени у более примитивных по общественной организации племен является очевидным доказательством его более позднего происхождения.

Два интересных факта помогают нам выяснить вопрос о степени древности племенного тотемизма и, может быть, его происхождения:

1) У племени ваннамвези, считающего змею своим предком, змея же является сакральной и для некоторых родов племени⁴;

2) У группы племен машона Бэллок обнаружил в 1901 г. родовой тотемизм, а в 1926 г. он нашел уже племенной тотемизм, а родовой исчез⁵.

Приведенные факты показывают, что племенной тотемизм вырастает из родового, возникает позже него. Но отсюда, возможно, следует сделать и другой вывод, что тотемом племени становится, по видимому, тотем одного или нескольких родов, может быть, тех родов, которые играли особо важную роль в племени.

Более позднее возникновение племенного тотемизма отмечено фактически еще Фрэзером, который, анализируя племенные знаки африканских племен, утверждал, что такие знаки вообще нельзя считать тотемистическими, ибо тотемистические группы являются подразделениями племени, а здесь налицо знаки, принадлежащие племени в целом⁶. Утверждение Фрэзера, что племенные знаки не являются тотемистическими, нам кажется ошибочным, как ошибочным нам представляется и утверждение А. Н. Максимова, что во всех случаях,

¹ Hose C. The pagan tribes of Borneo. 1912, т. II, стр. 85—86.

² Frazer J. G. A supplement to „Totemism and exogamy.“ L., 1937, стр. 269—270.

³ Meek C. G. Tribal studies in northern Nigeria L., 1931, т. I, стр. 455—458; Bullock, C. The Mashona. Johannesburg. 1927, стр. 77—78; Frazer J. G. Totemism and exogamy, L., 1910, т. II, стр. 450, 465.

⁴ Frazer, указ. соч., т. II, стр. 450.

⁵ Bullock, указ. соч., стр. 77—78.

⁶ Frazer, указ. соч., т. IV, стр. 197.

когда целое племя или народ имеет покровителем одно животное, то налицо лишь явление зоолатрии, мотивы которой многообразны¹. Мы считаем, что прав А. М. Золотарев, который считал, что племенной тотемизм это „конечный продукт развития тотемистических верований“² и, что племенной тотемизм является лишь пережитком родового.

Несомненно, более позднего происхождения и *семейные* тотемы, ибо патриархальная семья возникает позже материнского рода. Это положение после работ Бахофена, Мак-Леннана и Л. Моргана, после классических работ Маркса и Энгельса, нанесших сокрушительный удар библейской патриархальной теории, опровергнуть трудно.

Тот факт, что семейные тотемы передаются по отцу, что они имеются лишь в Индонезии, Океании и Африке, у племен с патриархальным родовым строем,—является только дополнительным доказательством позднего происхождения семейных тотемов.

Также, несомненно, позднего происхождения и *индивидуальный* тотемизм. Правда, ряд буржуазных ученых настаивает на его приоритете и принимает за исходный вид тотемизма, но этому утверждению мы можем противопоставить следующие возражения:

Во-первых, во всех странах, кроме Австралии, индивидуальные тотемы имеются лишь в развитых родо-племенных обществах, т. е. на сравнительно поздних ступенях развития. У австралийцев же с их первоначальной родо-племенной организацией они совершенно отсутствуют у наиболее примитивных двухклассовых племен.

Личный тотемизм здесь зафиксирован в центральной части материка у аранда³, алуриды⁴, в Новом Южном Уэльсе у племен юалайи⁵ и вирадьюри⁶, в юго-восточной части Виктории у племен бидуелли⁷, юни⁸, нариньери⁸, курнаи⁹, в восточном Квинсленде у племен, обитающих в округе Мэриборо¹⁰, в Кимберлее у племен караджери¹¹, ворора, уггариньин¹², иеджи, мораран, нура, умболгари, арнга, куру, барангола, бемба, волма, андеджа, вирнджир, вулу, вембриа, вона, вириал, алибо¹³, на полуострове Йорк у джараиканна¹⁴ и на Северной территории у племени вадуман¹⁵.

Во-вторых, нам неизвестен ни один случай передачи личного тотема по материнской линии, но зато имеются многочисленные факты передачи их по отцовской линии.

В-третьих, если бы индивидуальный тотемизм предшествовал родовому, то очевидно, что у наиболее примитивных племен был бы обнаружен индивидуальный тотемизм без родового, во всяком случае

¹ Максимов А. Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири. Ученые записки РАНИОН, т. 7, М., 1928, стр. 5.

² Золотарев А. М. Указ. соч., стр. 4.

³ Basedow H. The australlian aboriginal. L., 1925, стр. 218.

⁴ Elkin A. P. Cult. t.temism and mythology in Northern South Australia. „Oceania“, т. V, № 2, 1934, стр. 178.

⁵ Parker K. The Euahlayi tribe. L., 1905, стр. 20—21.

⁶ Howitt A. W. The native tribes of South-East Australia, L., 1904, стр. 144.

⁷ Howitt, указ. соч., стр. 133, 147.

⁸ Frazer, 1910, т. 1, стр. 482 и сл.

⁹ Howitt, указ. соч., стр. 387 и сл.

¹⁰ Там же, стр. 147.

¹¹ Elkin A. P. Totemism in North-Western Australia (The Kimberley Division). „Oceania“, 1933, т. III, № 3—4, стр. 26.

¹² Elkin, указ. соч., стр. 453.

¹³ Там же, стр. 471—472.

¹⁴ Frazer, указ. соч., т. 1, стр. 525—536.

¹⁵ Spencer B. Native tribes of the Northern territory of Australia. L., 1914, стр. 196—197.

в родовых тотемистических группировках обнаружилась бы пережитки или хотя бы следы индивидуального.

Однако таких фактов в распоряжении этнографии не существует. Имеющийся в нашем распоряжении единственный, но весьма характерный факт, наоборот, это опровергает: Хоуитт, автор наиболее важной работы по тотемизму у курнаев, указывает на существование у них личных тотемов-чундунгов. Он правильно считает, что они являются пережитком группового родового тотемизма¹. А это означает, что в единственно известном нам в Австралии случае существования индивидуального тотемизма без наличия родового последний ему предшествовал.

Отсутствие пережитков индивидуального тотемизма в родовом у всех племен мира, наличие пережитков родового тотемизма в личных тотемах курнаев, равно как и все высказанные нами соображения, заставляют сделать вывод, что индивидуальный тотемизм—явление более позднее.

Нам известен лишь один случай наличия *возрастных* тотемов у африканского племени туркана (в Барниго). Существование подобных тотемов лишь у одного племени, стоящего притом на стадии разложения патриархального рода, полное отсутствие его у других более примитивных племен указывает, с нашей точки зрения, на его несомненно позднее происхождение.

Перейдем к рассмотрению весьма своеобразной тотемистической группировки, к так называемому *половому* тотемизму. Это специфическая форма тотемизма характерна тем, что каждый пол, все мужчины с одной стороны, и женщины, с другой стороны, имеют свой тотем, считают, что состоят в дружественных или родственных отношениях с каким-либо видом животных или растений.

Половой тотемизм распространен относительно слабо и обнаружен лишь у некоторых племен Австралии и Африки и у одного—в Полинезии.

В Австралии эта форма тотемизма с достоверностью обнаружена у племен Центральной Австралии—аранда, лоритья², у племени турбал³ в Квинсленде, у племен юнн⁴, юалайн⁵, вата-вата, та-та-ти⁶, мурринг⁷ в Новом Южном Уэльсе, у племен на террасе Раймонда⁸, у племени около порта Стефенса⁹, у племен Виктории-бидуелли¹⁰, вотьобалук, у курнаев¹¹, у племен юго-западной Виктории¹², у племени около порта Линкольн¹³.

В Африке половой тотемизм прослежен у племен абабуа, мо-

¹ Howitt, указ. соч., стр. 146.

² Strehlow C. Die Aranda und Loritja Stämme in Zentral Australien. Frankfurt am Main, 1907—1920, т. IV, стр. 98.

³ Howitt, указ. соч., стр. 150.

⁴ Там же.

⁵ Parker, указ. соч., стр. 50.

⁶ Cameron A. Notes in some tribes of N. S. Wales. „The Journ. of the Royal Anthropol. Inst.“, (ниже „J. A. I.“), 1885, т. XIV, № 4, стр. 350.

⁷ Frazer, указ. соч., т. I, стр. 48.

⁸ Vatter E. Der Australische Totemismus. „Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg“, X, 1925, стр. 95.

⁹ Там же.

¹⁰ Howitt, указ. соч., стр. 103.

¹¹ Vatter A. W. The Dieri and other tribes of Central Australia. „J. A. I.“, 1891, стр. 148 и сл.

¹² Frazer, указ. соч., 1910, т. I, стр. 48; Vatter, указ. соч., стр. 95.

¹³ Там же.

одунвале, бавенго и баконго¹ в Конго, а его пережитки—у пле-
мени бакнида² в районе Виктория-Ньянца, где половые тотемы имеют
лишь женщины и мужчины королевской семьи.

В Полинезии пережитки полового тотемизма сохранились на
о-вах Поумоту³, где половых патронов (морской угорь) имели лишь
женщины.

Большой интерес представляет для нас вопрос о том, что является
половым тотемом и в каких формах проявляется половой тотемизм.
В особенности интересны племена Австралии, наиболее архаичные по
своей общественной организации.

Было бы излишним приводить подробные данные о тотемах и даже
формах тотемизма каждого племени. Для разрешения интересующего
нас вопроса достаточно, нам кажется, показать лишь общее для всех
и специфичное для отдельных племен.

Общим является то, что половыми тотемами являются, как пра-
вило, и млекопитающие, и птицы, и растения, и притом разных видов
(у аранда и лориття—порода птиц и вид растений, у курнаев—эму и
малиновка, у та-та-ти—летучая мышь и сова и т. д.), причем едва
ли можно решить, что превалирует. Лишь в одном случае, у племен
порта Линкольна в качестве половых тотемов выступают пресмыкаю-
щиеся—самец и самка одного и того же вида ящерицы.

Не менее интересным является и то, что во всех случаях, когда
мы можем проследить этот вопрос по источникам, половыми тотема-
ми не являются ни один из существующих тотемов племени, что они
являются дополнительными к существующим.

Специфично проявление полового тотемизма у курнаев, та-та-ти
и у племен порта Линкольна: у первых двух племен при убийстве по-
лового тотема противоположного пола начинается драка между муж-
чинами и женщинами, а у последнего—каждый пол стремится унич-
тожить тотем противоположного пола.

По поводу сущности полового тотемизма, степени его древности,
происхождения имеются разные точки зрения⁴.

Распространенная теория реакционного этнографа патера В. Шмидта
о наибольшей древности полового тотемизма не выдерживает критики
уже потому, что он исходит из постулата о существовании якобы
„культурных кругов“ и совершенно произвольно относит половой
тотемизм к древнейшему культурному кругу, т. е. пытается доказать
древность этого института положением, антинаучность и реакционность
которого давно доказана.

Что касается его объяснения происхождения тотемизма противо-
положностью или тем более антагонизмом полов, то, приняв это поло-

¹ Frazer, указ. соч., т. II, стр. 624, 609 и сл.

² Boas F. The origin of totemism. „Amer. Anthr.“, new series, т. 18, № 13, 1916,
стр. 47.

³ Williamson R. The social and political system of Central Polynesia. Cambrldg.
1924, стр. 285.

⁴ Мэтью (Matew J. Eaglehawk and Crow, I.—Melburn, 1899, стр. 21) и Файсон
(Fison L. and Howitt A. W. Kamilaroi and Kurni. Melb.—Sidn.—Adel.—Brisb., 1880,
стр. 165—171) полагали, что половой тотемизм имеет общие корни с родоним. Шмидт
(Schmidt W. Die soziologische und religiöse ethnische grupplering der australische Stäm-
me. „Zeltschr. für Ethnol.“, 1909, стр. 342—343), Фаттен (Vatter, указ. соч., стр. 98) и
Ньювенгунс (Nieuwenhuis A. W. Die Ansichten der Primitiven Völker über des Ge-
schlechtsleben des Mens hen. „Intern. Arch. für Ethnogr.“, 1928, стр. 21 и сл.) объяс-
няют его происхождение противоположностью полов. Колер (Kohler J. Zur Urgesch-
ichte der Eh.e. „Zelts. hr. für vergl. Rechtsw.“, т. II, Stuttgart, 1897, стр. 341—346) рас-
сматривают его, как способную форму перехода от материнской к отцовской фами-
лии, при которой за мужчиной сохраняется тотем отца, а за женщиной—матери.

жене, мы должны были бы признать, что такой антагонизм существовал уже на заре истории, т. е. практически признать его вечной категорией, а это невероятно и противоречит всему тому, что мы знаем о первобытно-общинном строе.

Именно по этому поводу мы имеем интересное и, несомненно, глубоко правильное высказывание Энгельса. В „Происхождении семьи“ он пишет: „В одной старой, ненапечатанной рукописи, составленной Марксом и мною в 1846 г., я нахожу следующие слова: „Первое разделение труда было между мужчиной и женщиной для производства детей“. К этому я могу теперь добавить: первая появляющаяся в истории **противоположность** классов совпадает с развитием антагонизма между **мужем и женой при единобрачии...**“¹ А несколько выше он отмечает, что моногамный брак означает „... провозглашение неведомого до тех пор... антагонизма полов“² (Подчеркнуто всюду нами—Д. Х.). Стало быть Энгельс подчеркивает, что антагонизм полов появляется впервые с возникновением моногамного брака и противоположности классов, т. е. при разложении родового строя, а не при его возникновении.

Теория происхождения полового тотемизма из противоположности, тем более антагонизма полов является совершенно необоснованной, ибо антагонизма полов не было не только на заре истории, но и у тех гораздо более развитых племен с материнским родом, которые нам известны по письменным источникам.

Более правдоподобным кажется объяснение полового тотемизма, как своеобразной формы перехода от материнской к отцовской филиации счета родства, своеобразной формы билатеральности, при которой за мужчиной сохраняется тотем отца, за женщиной—матери.

Однако, если принять эту гипотезу, то останется непонятным, почему все мужчины будут иметь один тотем. Ведь при матернитете мужья будут принадлежать к определенным, но зачастую к разным тотемам. Естественно, что каждый мужчина постарается сохранить свой тотем, а это должно неизбежно привести к множественности тотемов для мужчин, но не к одному. В силу этого мы считаем, что и эта теория не объясняет происхождения этого института и не отвечает на интересующий нас вопрос о его древности.

Более вероятна гипотеза происхождения этого института, предложенная Элькиным. Он объясняет половой тотемизм своеобразными представлениями австралийцев о происхождении, при которых считается вполне возможным происхождение всех женщин от одного предка, а мужчин от другого³. И действительно, при непонимании причин рождения, отрыва рождения от зачатия возможна вера в происхождение разных полов от разных прародителей. Своеобразные же представления австралийцев, по которым рождение животных от людей и людей от животных—явление нормальное, объясняют почему этими прародителями являются животные.

Очевидно, что такие представления относятся к древнейшим. Можем ли мы, однако, отсюда утверждать, что половой тотемизм возникает ранее тотемизма фратрий или родового?

Этого мы не можем сделать по следующим соображениям:

Во-первых, как нами уже отмечено, у австралийских племен

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, М., 1950, стр. 66.

² Там же.

³ Elkin, A. P. Studies in Australian totemism. The nature of Australian totemism, „Oceania“, 1933, т. IV, № 1, стр. 116.

с дуальной организацией и материнской филиацией так называемый половой тотемизм встречается исключительно редко, притом у обществ, обнаруживающих тенденцию перехода к патриальности.

Во-вторых нам неизвестны племена, у которых, при наличии полового тотемизма, родовой сохранился бы и шиде пережиток. Наконец, у наиболее примитивных племен мифы о половых тотемах наблюдаются лишь при наличии полового тотемизма, при отсутствии последнего нет и подобной мифологии. Между тем, если бы половой тотемизм, предшествовал родовому, подобные мифы должны были бы обильнее сохранились как пережиток, как мифологическое отражение более ранних представлений. Строгая локализация этих мифов, наличие их лишь у племен, где половой тотемизм существует как действующий институт, позволяет, нам кажется, сделать вывод, что мифы эти были созданы для объяснения уже существующих представлений там, где половой тотемизм функционировал.

Этого, однако, мало. Мы неслучайно употребляли выражение "так называемый" половой тотемизм. Сейчас, после анализа его ингредиентов, вполне законно поставить вопрос, имеют ли эти явления вообще отношение к тотемизму?

Подавляющее большинство исследователей неслучайно подчеркивало религиозный аспект тотемизма. (Споры ведь шли в большинстве случаев лишь о том, является ли он религией и социальной организацией или только религией). Но в явлениях полового тотемизма нет элементов религии: в убийстве тотемов противоположного пола нет места вере в сверхъестественные силы, без которой немислима религия; с религиозными обрядами и культом это не связано.

Рассматривая половой тотемизм лишь с этой точки зрения, Лэнг не без основания утверждал, что в этом институте нет ничего тотемистического.¹

Есть, однако, и другая сторона полового тотемизма, сближающая его с родовым и фратриальным: наличие веры в происхождение в одном случае полов, в другом — рода или фратрии от животных и неодушевленных предметов. Очевидно, что корни происхождения этих представлений во всех случаях одинаковы. Вот почему в этом смысле мы должны и явления полового тотемизма отнести к тотемистическим.

Поскольку, однако, половой тотемизм возник, по-видимому, позже родового и фратриального, поскольку в нем к тому же отсутствуют все ингредиенты тотемистического комплекса, кроме происхождения от животных, очевидно, что мы базировать на нем наше исследование не можем. Остаются, значит, тотемистические фратрии, брачные классы и роды.

В ряде случаев первобытные племена делятся на две обособленные половинки, в каждую из которых входит определенное количество мужчин и женщин. В свою очередь, эти половинки делятся, как это наблюдается в Австралии, на особые группы, известные под названием брачных классов. Одновременно с этим последним делением австралийские племена имеют и более мелкие подразделения, так называемые тотемистические группы, на которые половинки делятся или непосредственно или наряду с делением на брачные классы.

Эти половинки племен носят у разных исследователей разные названия: их называют секциями, классами, половинками, фратриями. Так как многообразие обозначений вносит путаницу и так как установление ясности в этом вопросе поможет нам в выяснении сущности ин-

¹ Lang A. The secret of the totem. L., 1905, стр. 177.

тересующей нас проблемы, мы считаем необходимым сначала остановиться на принимаемой нами терминологии.

Первым применил термин „фратрия“ Морган для обозначения половин индейских племен, по аналогии с греческими фратриями. Под фратриями Морган понимал „органический союз двух или более родов одного и того же племени для определенных общих целей“¹. В какой же мере австралийские „половины“ соответствуют фратриям? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим функции половин, в сравнении с функциями какой-либо фратрии, описанной Морганом.

О функциях половин наши сведения ограничены, хотя, вообще говоря, о них написано очень много. Но и то, что нам известно, представляет большой интерес и позволяет сделать некоторые важные выводы.

Суммируя наши сведения о разных племенах Австралии, мы можем сказать, что функции эти сводятся к следующему:

1. Половины играют большую роль, как и брачные классы, в регулировании браков и являются, как правило, экзогамными.²

2. В ряде случаев каждая половина топографически отделена от другой; на стоянках члены каждой половины занимают особую территорию (племя варрамунга, аранда, кулин и т. д.)³, а в сражениях или драках каждая половина занимает особое место⁴.

3. При игре в мяч иногда одна половина выступает против другой, выделяя лучших игроков⁵.

4. У отдельных племен (диери), когда кто-либо умирает, члены его половины, хотя и копают покойнику могилу, держатся вдали от него, а члены противоположной половины сидят около умирающего и выражают свою печаль, кидаясь на его труп⁶.

5. При приеме гостей у варрамунга, если гости, например идут с северо-востока, их торжественно встречают люди северной половины племени⁷.

6. Половины играют известную роль в мифологии и религиозных обрядах: вся природа делится у ряда племен Виктории, Нового Южного Уэльса, Квинсленда на половины⁸. При выполнении ряда религиозных церемоний половины отделяются друг от друга. Противоположная половина является только по приглашению. А если церемония совершается всеми членами племени, их стоянки все же отделяются одна от другой.⁹ В ряде случаев обряды, особенно инициации, про-

¹ Морган Л. Древнее общество. Л., 1934, стр. 52—53.

² Исключение представляют племена: камиларон (Fison and Howitt, указ. соч., стр. 45—46), грингаи (Howitt, 1904, стр. 266—267), нгеумба, воннамурра, мураварри, баддиери, китабоол и некоторые другие (см. Максимов А. Н. „Материальное право в Австралии.“ М., 1930, стр. 57), у которых брак разрешен между членами одного и того же брачного класса, т. е. внутри половины, но при условии, чтобы брачующиеся пары принадлежали к разным тотемам. На этом основании Мэтьюз вообще отрицал экзогамность австралийских племен (Mathews R. H. Bemerkungen über die Eingeborenen Australiens. „Mittel. d. Anthr. Gesellsch. in Wien.“ т. 36, 1906, стр. 167). Очевидно, однако, что это нарушение экзогамии половин явление позднее.

³ Spencer B. and Gillen F. The northern tribes of central Australia. L., 1904, стр. 28—32; Spencer B. Wandern in wild Australia. L., 1928, стр. 207; Howitt, 1904, стр. 126—127.

⁴ Spencer B. and Gillen F. The native tribes of Central Australia. L., 1899, стр. 31—32; 1927, стр. 23.

⁵ Howitt, указ. соч., стр. 770. По-видимому эти игры составляли часть обрядовых церемоний (Элькин А. Коренное население Австралии.) М., 1952, стр. 96).

⁶ Там же, стр. 446—447.

⁷ Spencer and Gillen. 1904, стр. 29—30.

⁸ Curr E. The Australian race. Melb.-L., 1886, т. III, стр. 28, 461; Parker, указ. соч., стр. 11.

⁹ Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 164.

водятся членами противоположной половины, по просьбе той половины, которая нуждается в проведении церемонии или обряда¹.

Очень интересно сравнение функций половин с функциями ирокезских фратрий. Л. Морган, как известно, отмечает, что функции ирокезской фратрии сводятся к следующему:

- 1) При игре в мяч фратрии выступают одна против другой;
- 2) в совете племени сахемы и военачальники каждой фратрии сидят вместе, одна группа против другой и каждый оратор обращается к представителям каждой фратрии, как особой корпорации;
- 3) при убийстве, если убийца и убитый принадлежали к разным фратриям, пострадавший род часто обращается за содействием к братским родам своей фратрии;
- 4) в случае смерти выдающегося лица, организацию похорон брала на себя противоположная фратрия. В случае смерти сахема противоположная фратрия сообщала союзному совету об освобождении вакансии;]
- 5) при выборе сахема, в случае возражения противоположной фратрии, выборы считались недействительными;
- 6) раньше у ирокезов существовали особые религиозные мистерии, которые устраивались двумя братствами, причем каждая из фратрий имела по одному братству.

Морган высказывает также предположение, что у индейцев Мексики фратрии, как у греков или у германцев, имели значение и как военные единицы².

Как мы видим, австралийские половины имеют сходные черты с индейскими фратриями, но имеют и некоторые различия. Общее заключается у них в игре в мяч, в участии в похоронах членов противоположной фратрии или половины (хотя здесь наблюдаются некоторые различия). Но фратрия у ирокезов не играет роли при заключении браков. Религиозные обряды играли роль в ирокезской фратрии в прошлом, военной единицей фратрии опять-таки являлась у ирокезов в прошлом, в мифологии фратрия сейчас почти никакого отражения не имеет.

У австралийцев, как мы видим, эти отмершие или отмирающие элементы играют ещё важную роль. Зато у австралийцев половины не играют никакой роли при кровной мести (впрочем, может быть, что улаживание мелких конфликтов, ошибочно приписано брачным классам, что это следует приписать половинам), при выборе старейшин и вождей. Не являются они еще и военными единицами.

Очевидно, что австралийские половины — те же фратрии. Некоторые различия в функциях ирокезских и австралийских фратрий объясняются тем, что они являются разными стадиями истории одного и того же древнейшего дуально-экзогамного деления племени. Энгельс отмечает, что "...фратрии большей частью представляют первоначальные роды, на которые сперва распадалось племя; ибо при запрещении браков внутри рода, каждое племя по необходимости должно было охватывать по крайней мере по два рода, чтобы быть в состоянии самостоятельно существовать. По мере размножения племени каждый род, в свою очередь, распадался на два и более родов, которые теперь стали роды самостоятельными, тогда как первоначальный род, в ко-

¹ Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 607—608.

² Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934, стр. 56—58.

горый входит все дочерние роды, продолжает существовать как фратрия".¹

Половины и являлись теми двумя социальными организациями, которые в прошлом были родами и посредством сегментации дали начало тотемистическим группам, представляющим, как мы это увидим, в свою очередь возникающий род.

Значит, по отношению к этим группам половин, как это отмечено еще С. П. Толстовым и А. М. Золотаревым², являются первоначально родовыми организациями, т. е. теми же фратриями. Следовательно, никаких оснований называть эти фратрии половинами, секциями, или тем более классами, у нас нет.

В тех случаях, когда фратрии делятся лишь на небольшие группы, мы будем называть последние, как это общепринято, тотемистическими группами. И, наконец, когда между фратриями и тотемистическими группами будут промежуточные деления, мы их будем называть, как это общепринято, брачными классами³. Правда, за последнее время многие учёные не без основания считают этот термин малоудачным, так как термин „класс“ подразумевает социальные различия, которых у первобытных племён нет и предлагают его заменить более нейтральным термином „секция“⁴, но мы воздержимся от этого из опасения, что это внесет путаницу.

Перейдём к фратриям и брачным классам.

Тотемизм *фратрий* может быть прослежен у ряда племен Америки, Африки, Австралии в виде пережитка или в названиях.

Наибольший интерес, вполне понятно, для нас представляют австралийцы, как наиболее примитивные из всех существующих племен по своей общественной организации.

Тотемизм здесь может быть прослежен преимущественно в названиях. Однако не следует забывать, что „будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления“⁵.

Язык фиксирует и религиозные воззрения, которые существовали на древнейшем этапе развития общества и отражали в фантастической форме бессилие человека в борьбе с силами природы и сохраняет их очень долго.

Тотемные названия социальных группировок первобытного общества являются, с нашей точки зрения, серьёзным доказательством существования у них в прошлом тотемизма.

Фратрии существуют почти у всех племен Австралии. Их нет лишь у некоторых береговых племён (курнаи, еркал-мининг, нариньери, юин, чепара, группы иванджи, какаду, южные лоритья и племена о-вов Мелвилл и Батерст). Однако очень часто они названий не имеют, или названия нам неизвестны. Из известных же нам около 70 названий мы объясняем значение лишь около 30-ти, другие остаются непонятными. Названия, которые мы считаем понятными, как сейчас

¹ Энгельс указ. соч., стр. 91.

² Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. Пр. ист. докап. форм. № 9—10, 1935; Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей Хабаровск, 1939.

³ В тех случаях, когда племя делится на два подразделения, мы их будем называть не брачными классами, а фратриями (см. Максимов А. Н. Брачные классы австралийцев. Эти. обозр. № 2—3, 1909).

⁴ См. напр. Элькин, указ. соч., стр. 97. Эту точку зрения разделяет и С. А. Токарев (см. там же, примечание).

⁵ Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950, стр. 18.

увидим, оказываются в подавляющем большинстве случаев названиями животных, чаще всего птиц.

Так как выяснение этих названий представляет для нашего дальнейшего изложения большой интерес, мы постараемся дать их подробную сводку.

Но в Австралии, как мы уже отмечали, существуют фратрии, не имеющие деления на брачные классы, и такие, которые делятся на 2 или 4 брачных класса. А так как часто и брачные классы имеют тотемистические названия, так как для установления наиболее архаической тотемистической социальной единицы весьма важно отметить, где именно сохранились эти названия, мы сначала рассмотрим фратрии, не имеющие деления на брачные классы, затем делящиеся на 2 и, наконец, делящиеся на 4 брачных класса.

В восточной части Южной Австралии и прилегающей юго-западной части Квинсленда, т. е. преимущественно в районе озера Эйр у племен урабуинна (арабана)¹, диери, ванкамала, вонгконгару, нгамени, джаурорка, ендакарангу, кумани, алури, хиллари, парикалла² племена делятся на две фратрии—Маттери или Маттури и Карару или Кирараява. Название Карару сближают со словом курару (или куррера, каравора), обозначающим на языках этих племен клинохвостого орла³.

В новом Южном Уэльсе племена та-та-ти и керамини, живущие на реке Муррей, баркинджи—по р. Дарлинг, берриант—между р. Дарлинг и р. Муррей, племя барриджи на р. Нару и ряд других племен делятся на 2 фратрии—Муквара и Килпара. Первое название Камсрон переводит как орел, второе—ворона⁴. В мифе о происхождении фратрии у племен на р. Муррей, эти названия носили борющиеся птицы—клинохвостый орел и ворона⁵. Согласно мифу, в результате борьбы этих птиц было установлено деление на фратрии и запрещен брак внутри каждой из них. Эти борющиеся птицы объединены здесь под именем Нуралне. У других племен этой группы про Нуралне рассказывают, что он жил ранее на земле, где установил законы, а затем ушел на небо, где превратился в созвездие, и поныне виден людям в этом образе⁶. Установление регулярного и нормального функционирования фаз луны, установление смены дня и ночи приписывается ему же⁷. Племя ваимбио на р. Муррей делится на 2 фратрии—Мукуара (клинохвостый орел) и Кильпера (ворона)⁸. Такое же деление на фратрии наблюдается, по указанию Хоуитта, у групп племен, объединенных им в „нации“ ичумунди и карамунди⁹.

В западной Викторнии у племен Маунт Гамбир имеется деление на фратрии—Кроки и Кумите¹⁰. Вариации этих названий фратрий—Кроккич и Капуч—имеет племя гоуриндичмара¹¹. Названия эти обозначают: кроки—черное какаду и кумите—белое какаду. У племен группы ку-

¹ Spencer and Gillen, 1899, стр. 59—60.

² Howitt, 1904, стр. 91—95, 175—187. Максимов А. Н. Материнское право в Австралии, стр. 21.

³ Фаттер, опираясь на неопубликованную рукопись миссионера Рейтера, переводит название Маттери, как „Огненный, горячий“ (холерический), а название Карару, как „спокойный, задумчивый“ (флегматический) (Vatter, указ. соч., стр. 65). Нам кажется, что здесь смешаны фратрии с „кровьями“.

⁴ Cameron, указ. соч., стр. 344—370.

⁵ Genner van A. Mythes et legendes d'Australie. P., 1905, стр. 117—118.

⁶ Howitt, 1904, стр. 489.

⁷ Genner, указ. соч., стр. 35—36, 43—44.

⁸ Howitt, указ. соч., стр. 100.

⁹ Там же, стр. 97—99.

¹⁰ Curr, указ. соч.; Howitt, указ. соч., стр. 163.

¹¹ Howitt, указ. соч., стр. 124.

лин (вогъобалук, вурунджерри, мукджариваунт) имеется деление на две фратрии—Ваанг и Буиджил. Эти названия переводятся как клинохвостый орёл и ворона¹.

В области обитания этих племен имеется верование в существование мифического образа—предка Буиджил. Он представляется у разных племен этой группы, как человек, живший ранее на земле, а потом переселившийся на небо, создатель солнца и людей, обучивший их искусствам. Он разделен племена на фратрии для регламентации браков. Его брат, дети, жена носят уже имена животных, причем у детей это одновременно и название звезд. Брат—Паллина (летучая мышь) вывел, согласно легенде, из воды первых женщин². Запрета убивать и есть клинохвостого орла у фратрий нет. Говорят, что где-то было изображение его и собаки на скале³.

В восточной Виктории у племени игарига фратрии называются Мерунг и Джукембрук, а у племени волгал—Маллан и Умбе. Значение первой у обоих племен—клинохвостый орёл, второй—ворона⁴. У племени вурунджерри фратрии называются Буиджил и Ваанг⁵ и означают, как отмечалось, тоже название этих птиц.

Племя парраинг-га или турра на полуострове Йорк делится на 2 фратрии—Вилту и Мулта, что означает клинохвостый орёл и тюлень⁶. Впрочем, как это отметил еще А. Н. Максимов⁷, тот же Хоупт в своей более поздней работе⁸ делит это же племя не на две, а на 4 фратрии: Карп (эму), Ваун (красное кенгуру), Вилту (клинохвостый орёл) и Вилтуту (акула); очевидно позже Мулта превращается в субтотем или тотем Вилту, причём, что весьма интересно, фратрии перестают быть экзогамными. По-видимому это следует объяснить изменениями, совершившимися за 24 года, прошедшие после первого исследования.

Перейдём к рассмотрению племен, делящихся не только на фратрии, но и брачные классы, у которых прослежены тотемистические наименования фратрий.

В Новом Южном Уэльсе племя виральюри делится на две фратрии—Мукула и Будтурунг. Последнее название означает на севере черная утка (кстати один из тотемных родов имеет черную утку своим тотемом⁹) и на юге—летучая белка.¹⁰

Племя камилароев, живущее на р. Дарлинг, имеет две фратрии—Купатин и Далби. Мэтью переводит последнее название как родственное диббиль—клинохвостый орёл¹¹. Племя юалайн делится на фратрии—Гвайгуаллиа и Гванмудтен. По утверждению Паркер, последнее название переводится как „светлокровные“, первое как „темнокровные“.¹²

Племя вакелбура в Квинсленде делится на фратрии—Малера и Ватера. Малера, вероятно, означает чёрный валяби (у соседнего племени—кенгуру чёрный валяби называется мулоару.) Впрочем возможно, что это название означает корморан (у диери—малура).

¹ Howitt, 1904, стр. 150.

² Howitt, указ. соч., стр. 484, 489—492.

³ Howitt, указ. соч., стр. 941.

⁴ Howitt, указ. соч., стр. 101—103.

⁵ Lang, указ. соч., стр. 163.

⁶ Fison and Howitt, указ. соч., стр. 880, 284—285.

⁷ Максимов, 1930, стр. 29.

⁸ Howitt, указ. соч., стр. 130.

⁹ Там же, стр. 107.

¹⁰ Там же, стр. 106.

¹¹ Mathew, Two representative tribes of Queensland. L.-Leip., 1910, стр. 18.

¹² Parker, указ. соч., стр. 6—17.

Большая группа племен, обитающих в Квинсленде по берегам реки Маккай, Марапон, Буллу, Томсон, Вильсон, Доусон и т. д. делится на фратрии Вутеру или Витеру и Юнгару¹.

Мэтью сближает название юнгару с юнга — «белый какаду, а ватери с ватга — ворона². Хоуитт приводит сообщение Рота о существовании на р. Аннан (сев. Квинсленд) племени, делящегося на две фратрии — Валар и Мурла, что означает наименование двух видов пчел³.

По исследованиям Элькина племена вурара и унгаринии, обитающие в Кимберлее, делятся на фратрии — Амалад и Ориад или Яра и Джульвун. Последние названия, по его мнению, означают кенгуру и ночная птица. Фратрии имеют и более поздние названия — Валанба и Вотой. Эти названия он переводит как кенгуру и наименование вида птицы, с которой у этих племен ассоциируется дождь⁴.

По сообщению Томаса, у племен юго-западной Австралии широко распространено название фратрий — Вартунгмот и Муничмат. Первое из этих названий означает ворона, второе — белый какаду⁵.

Известен, кажется, лишь один случай существования легенды о происхождении фратрий от животных, имя которых, согласно толкованию некоторых исследователей, они носят, а именно — у названных племен Нового Южного Уэльса. И только в одном случае налицо исключение, когда фратрии не носят названия животных: у племени юалайн, где, как мы указывали, имеются фратрии «темиокровных» и «светлокровных».

Но можно полагать, что прав А. Н. Максимов, считавший, что, по-видимому, Л. Паркер ошибалась и описывала под именем фратрий «крови»⁶. Деление же на «крови» и «тени», наблюдалось лишь у некоторых племен Квинсленда и Нового Южного Уэльса⁷ и недостаточно изучено.

Значение названий известных нам брачных классов по числу значительно превосходит известные названия фратрий, но в отличие от последних им крайне редко присуще наименование по животным, растениям и т. п. Только в двух случаях названия брачных классов переводятся как тотемистические.

Упомянутое нами племя на р. Аннан делится на 4 брачных класса: Ванди, Валар, Джорро и Кучал. На языке этого племени, по сообщению Хоуитта, эти слова означают: валар и джорро — наименование двух видов пчел, ванди — клинохвостый орел и кучал — морской орел⁸. У племен Квинсленда куинмурбурра и тарумбуль имеется деление на брачные классы: Курпал, Куиалла, Карилбура и Мунал. Эти названия переводятся Хоуиттом как хорошая вода, игуана, рыба барримунди и сокол⁹.

В некоторых случаях названия брачных классов можно сблизить с названиями животных, птиц, растений. Так, названия брачных классов племени каби (юго-восток Квинсленда) — Балгони, Бунда, Паранг

¹ Howitt, 1904, стр. 111—113; Curr, указ. соч., т. III, стр. 45 и сл.

² Mathew, указ. соч., стр. 130.

³ Howitt, там же., стр. 118.

⁴ Elkin, 1933, т. III, № 3—4., стр. 453.

⁵ Thomas N. W. Kinship organization and group marriage in Australia. Cambridge, 1906, стр. 50.

⁶ Максимов, 1930, стр. 59.

⁷ См. так же Vatter, указ. соч., стр. 129; Mathew, 1899, указ. соч., стр. 141, 142.

⁸ Howitt, 1904, стр. 118; А. Н. Максимов обращает наше внимание на то, что Вальтер Рот, на которого ссылается Хоуитт, переводит слово «валар» как «борола», а название джорро у него вообще отсутствует. Если Рот и прав, то значение остальных названий, во всяком случае, сомнений не вызывает.

⁹ Howitt, там же, стр. 111.

и Теирвани, может быть, следует перевести как красный валляби или туземный медведь, кенгуру, черный валляби или эму и кенгуру, а название брачных классов большого числа племен Нового Южного Уэльса (виральюри, камиларон, игеумба и т. д.) Ишван, Мурри, Кубби, по-видимому, означают клинохвостый орел или сокол (у разных племен), кенгуру, опоссум¹. Томас считает, что название брачных классов в Новом Южном Уэльсе означают: Морун—эму, Банджур—туземный медведь, Кубару—дерево сидеа, а Мунджилли—бриллиантовая змея². Он же переводит название брачных классов Балларук и Нагарнук в юго-западной Австралии как опоссум и рыба³.

Между исследователями имеются разногласия по вопросу о том, что является более архаичным—фратрии или брачные классы Австралии. Одни считают, что брачные классы возникают вследствие расщепления фратрий для запрещения брака между близкими родственниками, т. е. позже их; другие утверждают, что наоборот, брачные классы возникают раньше, что фратрии возникают путем слияния классов. А. Н. Максимов, основываясь, главным образом, на существовании различия названий фратрий и классов, делает вывод, что теперешние фратрии и теперешние классы были первоначально организациями, независимыми друг от друга⁴.

Выводы А. Н. Максимова нам кажутся не вполне обоснованными, ибо одно различие названий не является достаточным для решения вопроса о времени происхождения этих институтов.

Доказательства сторонников изначальности фратрий или брачных классов базируются на одном и том же факте. Там, где имеются одновременно и фратрии и классы, два класса входят в одну фратрию, два—в другую. И все-таки мы склонны отдать предпочтение той точке зрения, что фратрии древнее брачных классов, ибо это подтверждается рядом иных данных. Самым серьезным доказательством большей древности фратрий является то, что они построены на принципе материнства, в то время как брачные классы имеют происхождение по материнской линии там, где соединяются с фратриями и по отцовской—где соединены лишь с территориальными делениями⁵, ибо здесь прослеживается явная зависимость брачных классов от фратрий. И если А. Н. Максимов, сделав столь важный вывод о построении фратрий на основах материнства, не признал все же их наиболее древней организацией, то это можно объяснить лишь тем, что он, совершенно без всяких оснований и доказательств, отвергает положение Бахофена и Моргана, общепринятое в советской науке, о предшествовании материнского счета родства отцовскому.

В пользу большей древности фратрий говорит также и то, что обычно австралийцы на вопрос: „кто они?“—называют свой брачный класс; название же фратрий у них получить труднее⁶. Часто эти названия первоначально остаются даже незамеченными исследователями и обнаруживаются позже. Это можно объяснить лишь тем, что сейчас названия фратрий употребляются реже брачных классов. Последнее, в свою очередь, вызвано, по-видимому, тем, что фратрии перестали играть ту роль, которую они некогда играли. Древность фратрий до-

¹ M. thew, 1910, стр. 150—151; Thomas, 1906, стр. 46.

² Там же, стр. 21—44.

³ Там же, стр. 46.

⁴ Максимов, 1930, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 86.

⁶ Roth W. E. Ethnological studies among N.—W.—C. Queensland aborigines. Brisbane—L., 1897, стр. 59.

кажется и тем, что как нами выше отмечалось, они или носят названия, непонятные туземцам, или не имеют их вовсе. Правда и брачные классы носят названия, непонятные туземцам, но зато они всегда их имеют.

Отсутствие названий опять-таки может найти свое объяснение лишь в том, что социальные функции, которые ранее выполняли фратрии, от них отпали; следовательно, отпала необходимость в их обозначении, ибо было бы трудно предположить, что фратрии первоначально были анонимными.

Доказательством наибольшей древности фратрий является, наконец, то, что в Австралии они отсутствуют лишь у наиболее высоко развитых племен (курнаи, паранг-га, лоритья, нариньери¹ и некоторых других).

Что тотемистические группы более позднего происхождения, чем фратрии — несомненно, и, поскольку нам известно, это положение не является предметом дискуссии. То, что во всех известных нам случаях при существовании рассеянных тотемистических групп и при наличии одинаковой филиации тотемов и фратрий группа входит в одну из фратрий² — полностью это подтверждает.

Более сложен вопрос о том, что является более архаичным образованием — брачный класс или тотемистическая группа.

„Тотемистические группы“ существуют у всех племен Австралии, за исключением, может быть, курнаев и гоуридикмара, у которых они могут быть прослежены лишь в качестве пережитка и наблюдаются в виде действующего института или пережитка у подавляющего большинства племен мира.

Различаются два типа таких групп: локальный и „рассеянный“.

Локальной принято называть „тотемистическую группу“ в том случае, если она в значительной степени совпадает с локальными группами т. е. если она состоит в большинстве из лиц, имеющих один или несколько тотемов.

А. М. Золотарев, ссылаясь на Фаттера, утверждал, что такая группа получается в том случае, если патрилокальный брак сочетается с матрилинейной филиацией³. Ссылка на Фаттера лишена оснований, ибо последний утверждал, что подобная группа получается при сочетании патрилокального брака с патрилинейной филиацией⁴. Но, если утверждение Фаттера верно лишь относительно, то формулировка Золотарева, если она не является опечаткой или опиской, ошибочна по следующим соображениям: при одновременном существовании матрилинейной филиации и патрилокального брака тотем будет передаваться детям по матери, но так как мать и дети будут жить на территории отца, а последний будет иметь свой тотем, то на одной территории будут находиться в большинстве члены разных тотемов. Буквально то же произойдет, если филиация будет отцовской, а брак матрилокальный с той лишь разницей, что количество тотемов будет расти за счёт мужей дочерей, внуков, правнуков и т. д. Вот почему тотемизм может быть локальным в том случае, если филиация тоте-

¹ Vatter, указ. соч., стр. 115.

² При локальном тотемизме, если последний связан с тотемистическими центрами, получение тотемов случайно, и в силу этого возможно расхождение тотемов и фратрий. При различии же филиации часть тотемистических групп входит в одну фратрию, часть — в другую.

³ Золотарев А. М. Происхождение экзогамии. Изв. ГАИМК, вып. 2—4, 1931, стр. 22.

⁴ Vatter, указ. соч., стр. 113.

мов и локальность брака совпадает, т. е. при матриликальном браке и матрилинейной филлиации или патрилокальном браке и патрилинейной филлиации, ибо в обоих случаях на одной и той же территории будут находиться в большинстве члены одного тотема, за исключением в первом случае мужей, в другом случае замужних женщин, пришедших из других групп.

Локальный тотемизм с наличием отцовской филлиации тотемов может быть прослежен в Австралии у группы племен кулии в Западной Виктории¹, у племени иеркла-мининг на юге Западной Австралии, на берегу Большого Австралийского Залива², у племени парранга-га на полуострове Йорк³, у племени парришьери у устья реки Муррей⁴, у ряда племен Центральной Австралии, живущих к северу от аранда в центре Северной территории (варрамунга, гнанджи, биинбинга, анула, мара и т. д.⁵), и, по-видимому, у ряда племен Аргемовой земли⁶. Он прослежен и в Северной и Южной Америке, и в Океании, и в Африке, хотя в последних он большей частью проявляется в своеобразных формах. Интересно также отметить, что локальный тотемизм отмечается в Океании (о-в Палау) при материнской филлиации и матриликальном браке⁷.

Но в Австралии распространен и другой тип локального тотемизма, связанный с локальными тотемистическими центрами, при котором получение тотема не связано непосредственно с отцовской филлиацией. Классическим примером такого тотемизма является тотемизм аранда, сравнительно полно изученный Спенсером и Гилленом.

У аранда рождение ребенка приписывается вхождению в утробу матери „духа ребенка“. Эти последние находятся на территории группы в определенных сакральных местах, там, где они были якобы оставлены их мифическими предками—фантастическими существами, полуживотными-полулюдьми во время их странствований. Ребенок получает у аранда тотем не обязательно по матери или по отцу, но по тому предку, проходя мимо сакрального убежища которого женщина почувствовала себя беременной. И так как женщина может почувствовать себя беременной и вдали от территории своей орды, то очевидно, что группа может иметь и имеет несколько тотемов. Впрочем, количество тотемов последнего типа в группе должно быть сравнительно небольшим так как женщины, в большинстве случаев, находятся на территории своей группы вблизи сакрального места своей орды.⁸

Локальный тотемизм этого типа имеется и у некоторых других племен Северной Австралии, в частности у племен илпарра, лоритья, илиаура, унматчера⁹.

Третий тип локального тотемизма, несколько отличный от аранда, был открыт Броуном в Северо-Западной Австралии у племен карьера, игалума и мардудхунера, живших к востоку от Северо-Западного

¹ Howitt, 1904, стр. 126—127.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, 130.

⁴ Там же, 131.

⁵ Spencer B. and Gillen F. The northern tribes of C. Australia. L., 1904, стр. 169, 176.

⁶ Там же, стр. 179.

⁷ На острове Палау такая форма тотемизма обнаружена в 1885 г. Кубари (Frazer, 1910, т. II, стр. 83).

⁸ Spencer and Gillen, 1890, стр. 123—125; Curt, т. II, стр. 52—53.

⁹ Spencer and Gillen, 1904, стр. 152.

миса¹, и был обнаружен позже „на широком пространстве, идущем от западного побережья в северном направлении реки Гаскоини до залива Карпентария и в восточном направлении вплоть до дельты“². Он обнаружен, в частности, у племен караджери, джандор, ворора, ушариньин³, лунга, миривунг и джару⁴, игоминер, барди, джабара-джабер, ньюль-ньюль, джани⁵ и ряда других в северном и северо-западном Кимберлее у племен кайтну, коко-олколо на полуострове Норк⁶, у племен обитающих на островах Медвилл, Батерст⁷.

Основное отличие данного типа тотемизма от тотемизма аранда заключается в том, что, во-первых, вместо одного тотемистического центра здесь их имеется несколько⁸, количество их доходит до 42 (племя виригир⁹), а во-вторых, „дух ребенка“ появляется во сне у одних племен—отцу (лунга, караджери, джару), у других—матери (мирвунг). Ребенок получает тотем того центра, около которого был „найден“ во сне¹⁰.

„Рассеянной“ тотемистическая группа называется тогда, когда она состоит из членов различных тотемов, когда члены тотемной группы рассеяны по всем локальным группам племени. Рассеянная тотемистическая группа может образоваться при наличии материнской филиации и патрилокального брака или отцовской филиации и матрилокального брака.

Согласно прямым указаниям, мы можем установить в Австралии существование „рассеянных“ тотемистических групп у племени Северной территории юни¹¹, иваиджа¹², в западной Виктории у племен вотжо, мукджара ванит¹³, у ряда племен, обитающих в области озера Эпр¹⁴ и р. Дарлинг¹⁵ и некоторых других. Несмотря на небольшое число прямых указаний источников, мы можем все же утверждать, что большинство австралийских тотемистических групп относится к этому типу, ибо преобладающее большинство австралийских групп имеет материнскую филиацию при патрилокальном браке.

Многие исследователи считают, что брачные классы древнее тотемистических групп¹⁶. Мы все же позволяем себе выразить сомнение в правильности этого положения.

¹ Brown A. R. Three tribes of W. Australia. „The Journ. of the Royal Anthropol. Inst.“, т. 18, 1913, № 43, стр. 145—146.

² Mac Connell U. Totem stones of the Kanya tribe Cape—York—Paninsula. North Queensland. „Oceania“, 1932, № 2, 3, 4, стр. 295.

³ Elkin, 1933, т. III, стр. 265.

⁴ Elkin A. P. Kinship in south Australia. „Oceania“, т. VIII, 1938 № 4, стр. 56.

⁵ Elkin, 1933, стр. 438; Kamberry M. P. Spirit—children and spirit—centres of the north Kimberley division. „Oceania“, 1936, т. VI, стр. 393.

⁶ Mac Connell, 1932, стр. 292—293.

⁷ Hart C. W. The Tiwi of Melville and Bathurst islands. „Oceania“, 1930, № 2, стр. 176.

⁸ Elkin, 1933, т. III, стр. 265—266.

⁹ Kamberry, указ. соч., стр. 397.

¹⁰ Kamberry, указ. соч., стр. 312—394.

¹¹ Howitt, 1904, стр. 135. Фаттер относит это племя к локальным тотемистическим группам (Vatier, указ. соч., стр. 103). Он, однако, несомненно ошибается, ибо Хоуитт определенно указывает на существование у племени юни децентрализованных тотемов, т. е. относит их к „рассеянным“ тотемистическим группам.

¹² Spencer, указ. соч., 1904, стр. 201—202.

¹³ Howitt, указ. соч., 1904, стр. 301—305.

¹⁴ Там же, 1904, стр. 96.

¹⁵ Mathews, указ. соч., 1906, стр. 162.

¹⁶ Из советских учёных эту точку зрения разделяет Н. А. Бутинов (Бутинов Н. А. Проблемы экзогамии, сб. „Родовое общество“, М., 1951, стр. 3—27); В. К. Никольский считал, что тотемистические группы древнее (В. К. Никольский, Антинаушность буржуазного мифа об исконности семьи и частной собственности. Уч. зап. Моск. Обл. П. И. т. XIV, 1950, стр. 41); С. А. Токарев полагает, что в некоторых местах Австралии брачные классы возникают раньше тотемистических групп (См. Элькин А. Коренное население Австралии, М., 1952, стр. 93, прим. 1).

И в самом деле—чем мы можем подтвердить, что брачные классы древнее? Как будто только несомненной архаичностью названий, тем, что названия эти непонятны. Но если архаичность названий была нами использована как доказательство древности фратрий, то ведь там это фигурировало в качестве одного из доказательств. Так, мы, в частности, отмечали и наличие анонимных фратрий и трудность получения названий от туземцев. Другое дело—брачные классы: здесь они всегда существуют и хорошо известны. То, что названия непонятны, доказывает лишь их архаичность, но не отвечает на вопрос об относительной древности брачных классов и тотемистических групп. Можно ведь допустить, что названия брачных классов возникли позже или одновременно с названиями тотемистических групп, но затем смысл названий первых был забыт в силу того, что не играл никакой роли для группы, а смысл названий тотемистических групп сохранился, ибо имел, наоборот, большое значение. Но прежде чем перейти к выяснению этих причин, рассмотрим, что говорит в пользу большей архаичности тотемистических групп.

Факты, имеющиеся в нашем распоряжении, немногочисленны, но нам кажутся убедительными.

Во-первых, как доказал еще А. Н. Максимов, племена, имеющие деление лишь на фратрии и тотемистические группы, подчинены нормам материнского права, а имеющие деление и на фратрии, и на брачные классы, дают или материнскую или отцовскую филиацию¹. Это указывает, как мы полагаем, на наибольшую древность тотемистических групп, ибо в обоих случаях последние существуют, но в первом случае с материнской, а во втором случае и с отцовской филиацией.

Во-вторых, у ряда племен с дуальной организацией происходит процесс образования 4-х классово-системы. Е. Ю. Кричевский, как нам кажется, очень убедительно доказал, что распределение терминов родства у диери фактически осуществляет принцип четырехклассной системы не только терминологически, но и в отношении брачных прав.² Значит, брачные классы у диери возникают позже тотемистических групп. Но то же самое обнаружено у большей части тотемистических групп, делящихся только на фратрии и, в частности, у племен вати-вати.³ Значит, вывод можно распространить на все племена, имеющие такое деление. Стало быть, тотемистические группы, повсюду древнее классов.

Впрочем, независимо от степени древности происхождения брачных классов, последние не могут явиться объектом нашего исследования уже потому, что существование в них тотемизма более, чем сомнительно...

Чтобы выяснить вопрос о тотемистичности брачных классов, следует рассмотреть их функции. Это представляет для нас тем больший интерес, что поможет выяснить и вопрос об их происхождении, и, может быть, причину, вследствие которой их названия стали непонятными.

Все исследователи отмечают, что брачные классы играют большую

¹ Максимов А. Н., указ. соч., 1930, стр. 86.

² Кричевский Е. Ю. Марксизм и социальнo-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества. Изв. ГАНМК, № 90, 1934, стр. 48—49.

³ Сажерон, указ. соч., 1885, стр. 291.

роль в регулировании брачной жизни австралийцев. Камерон, в частности, отмечает, что членов брачного класса наказывают за связь с женщиной запрещенного класса.¹ Остальные функции брачных классов недостаточно ясны. Кажется, только Пальмер и Рот говорят о них. Пальмер отмечает, что у многих племен Северного Квинсленда каждый брачный класс имеет какое-либо животное, которое считает своим родственником, с ним символизируется, относится к нему с почтением и не только не убивает, но реагирует на убийство его человеком другого класса или племени, и что вся природа разделена у этих племен между разными классами². Рот отмечает, что у некоторых племен Северного Квинсленда (питта-питта и др.), кроме брачных ограничений, брачные классы играют большую роль при инициациях, что они улаживают мелкие домашние споры, что наконец, членам каждого рода запрещается есть мясо некоторых животных, но не убивать их.³ Может быть, к этому следует добавить улаживание конфликтов между родственниками. Значит, только запрет убивать или есть отдельных животных может иметь отношение к тотемизму. Однако Рот в своих описаниях племен, у которых, по мнению Пальмера, имеется тотемизм брачных классов, о тотемизме вообще ничего не упоминает, а у племен Северного Квинсленда, у которых Рот, как мы выше отмечали, обнаружил запрещение брачным классам есть некоторые виды животных⁴, сам он все же не признает это табу тотемистическим.

Наблюдения Пальмера и Рота касаются разных племен одной области, и поэтому трудно установить, кто из них прав. И все же мы склонны согласиться с Ротом, ибо сам Пальмер отмечает, что названия классов неизвестны и никакого отношения к табуированным животным не имеют⁵, а при тотемизме название и табуированное животное должны совпадать.

Основным назначением брачных классов, по-видимому, является систематизация родственных обозначений, их классификация, стремление привести систему родства в известный порядок, притом удобный для запоминания, возможно для уравнивания перемежающихся поколений⁶.

Приняв это положение, мы, может быть, сможем объяснить, почему названия классов сейчас непонятны, а тотемистических групп понятны: для систематизации родственных номенклатур содержание названий решающей роли не играет, между тем как для тотемистических групп они имеют громадное значение, ибо предполагают наличие общего предка и связанных с ним обрядов. Вот почему "забывчивость" возможна в первом случае и невозможна в другом.

Таким образом, как мы видим, брачные классы не только возникают позже тотемистических групп, но и едва ли являются тотемистическими вообще.

Однако, несмотря на то, что фратрии мы признали более древней организацией, чем тотемистические группы, мы не можем избрать их основным объектом исследования потому, что хотя и в прошлом фратрии и являлись социальными организациями, но сейчас они таковыми

¹ Cameron, указ. соч., стр. 251—252.

² Palmer E. Note on some Australian tribes. The Journ. of the Royal Anthrop. Inst., 1884, т. XIII, стр. 300.

³ Roth, указ. соч., стр. 57—58.

⁴ Там же, стр. 58—59.

⁵ Palmer, указ. соч., стр. 320 и сл.

⁶ См. Кричевский Е. Ю. Зигель и вопросы развития социальной организации австралийцев. Пр. ист. док. форм., № 7—8, 1935, стр. 46.

не являются, хотя и имеют известные общественные функции. Искать в них разрешение проблемы тотемизма мы не можем уже потому, что мы в этом случае рассмотрели бы проблемы тотемизма в отрыве от социальной организации, отражением которой тотемизм является. К тому же из всего тотемистического комплекса в фратриях сохранились лишь названия и, в некоторых случаях, мифы о происхождении от тотемов. В силу этого, избрав фратрии объектом исследования, мы заранее исключим из тотемистического комплекса все его остальные ингредиенты, что, безусловно, неверно. Однако при окончательном решении проблемы, мы, конечно, обязаны будем вернуться к фратрии, ибо здесь, по-видимому, следует искать „первоначальное ядро“ тотемизма.

Таким образом, основным объектом исследования может быть лишь „тотемистическая группа“, так называемый „клановый тотемизм“, ибо эта группировка была признана нами после фратрий наиболее архаичной, здесь тотемистический комплекс сохранился во всей его полноте, во всех его связях и опосредствованиях. В анализе тотемистического комплекса этой группы мы и будем искать разрешения поставленных перед нами задач. Но тотемизм и как пережиток и как действующий институт распространен очень широко. Какую же область избрать как объект изучения? Выбор объекта для нас далеко не безразличен, ибо, если он будет сделан неудачно, нам грозит опасность пойти по пути тех многочисленных исследователей, которые потому и не смогли решить проблемы, что случайное приняли за характерное, пережитки тотемизма—за его первоначальную форму.

При выборе объекта, нам кажется, следует прежде всего выдвинуть требование, чтобы избранная область была хорошо изучена исследователями, ибо без этого предварительного условия решение проблемы вообще невозможно. Во-вторых, эта область должна быть населена племенами наиболее примитивными из всех нам известных по общественной организации, ибо именно у таких племен должен сохраниться тотемистический комплекс в его наиболее архаичной форме, меньше всего затемненный позднейшими наслоениями. Затем, весьма желательным является, чтобы область была по возможности замкнута, ограждена от влияний иных культур, ибо наличие диффузии значительно усложнит исследование. Наконец, объект изучения должен в наибольшей мере сохранить разнообразные, по возможности, все нам известные тотемистические группировки, чтобы иметь достаточно материала для сравнения и противопоставления. И если бы все племена области стояли на одинаковой ступени развития, обладали примерно одинаковой, но не совершенно однородной культурой, этот объект был бы идеален, ибо, сравнивая разные племена, было бы возможно установить наиболее примитивные и у них выявить наиболее архаичные элементы тотемистического комплекса.

К наиболее исследованным районам, притом сравнительно изолированным, относятся Меланезия, Америка, в особенности северная. достаточно полно освещенная американскими этнографами (Алис Флетчер, Хилл-Таут, Боас и др.), и Австралия, обстоятельно изученная Спенсером и Гилленом, Пальмером и Ротом, Файсоном и Хуонтом, Штреловым и Элькиным и рядом других исследователей.

Из этих областей мы избираем Австралию. Выбор нашего объекта не случаен.

Австралийский тотемизм сравнительно хорошо изучен. Район, несомненно, изолирован и сравнительно меньше всего подвергся посторонним влияниям. Здесь, как отмечает Элькин, „тотемизм не только

найден повсюду на континенте, но были обнаружены почти все мыслимые его варианты¹. Область эта достаточно обширна и населена многочисленными племенами, стоящими на одинаковой ступени развития² и вместе с тем не совершенно однородными. Наконец, что является основной причиной, заставляющей нас отдать предпочтение именно Австралии—это то, что племена, ее населяющие, являются, несомненно, наиболее примитивными по общественной организации³.

Правда, в свое время Е. Ю. Кричевский выдвинул парадоксальное положение о том, что у австралийцев имеется по существу патриархальный род, что "...перешедшее в ряде мест уже к патриархальности австралийское родовое общество является.... более развитым, чем матрилинейные, а тем более матрилокальные общества индейцев Северной или Южной Америки бакарири или прокезов"⁴. В данном вопросе мы полностью присоединяемся к В. И. Равдоникасу, что "матрилокальность и патрилинейность являются, конечно, необходимыми, но отнюдь недостаточными условиями, чтобы можно было говорить о наличии патриархального рода. В категорию патриархального родового общества мы включаем наличие патриархальной семьи, крупных племенных объединений, общественного разделения труда, наконец, патриархального рабства"⁵. Патрилокальный брак при раздельном имуществе супругов далеко не обозначает патриархата, как матрилокальность не всегда обязательна для матриархата. Так, у прокезов, вопреки утверждению Кричевского, существует, пользуясь терминологией М. О. Косвена⁶, дизлокальный брак, ибо у них "муж и жена живут раздельно, но муж посещает жену ночью"⁷, а между тем существование у них матриархата после работ Моргана и Энгельса никем, в частности и Кричевским, не оспаривалось.

Точно также мы заранее отвергаем возможные утверждения о деградации австралийцев, как абсолютно необоснованные⁸.

Вслед за многочисленными исследователями, мы рассматриваем австралийцев как племена наиболее примитивные из известных нам и в силу этого, отдаем им предпочтение, как объекту для изучения тотемистического комплекса.

Однако в Австралии имеется более пятисот племен. Едва ли возможно рассматривать тотемистический комплекс у всех этих племен, да в этом и нет необходимости. Для решения нашей задачи достаточно будет изучение нескольких наиболее примитивных племен, чтобы на основании их изучения, путем привлечения для сравнения необходимых данных из других племен, сделать нужные выводы. На каком же племени остановить наш выбор?

Лучше всего было бы избрать племя матрилинейное и матрилокальное, которое должно явиться наиболее примитивным. При условии сохранения матрилинейности и матрилокальности у этого племени должен быть обнаружен локальный тотемизм. В таком случае наш выбор было бы сделать не трудно, ибо, если племен с материнской филиацией очень много, то количество племен матрилокальных огра-

¹ Elkin, указ. соч., 1933, т. III, № 3, стр. 258.

² Исключенные составляют лишь племена, населяющие п-в Норк, которые уже знают лук и стрелы, но заимствовали их с о-вов Океании.

³ См. Ф. Энгельс, указ. соч., стр. 21.

⁴ Кричевский, 1934, стр. 291.

⁵ Равдоникас В. И. О периодизации истории докалассового общества. Пр. вст. доклад. форм., № 7—8, 1934, стр. 77.

⁶ Косвен М. О. Матриархат "Революция права", № 6, отдельн. оттиск, стр. 80.

⁷ Ronhaar J. H. Women in primitive Motherright societies. L. 1931, стр. 91.

⁸ См. Spencer and Gillen, 1904, стр. 73-74.

ничено. Фаттер относит к последним, как к достоверным, лишь курнаев и днери и как к вероятным, — вакелбурра и куинмурбурра¹. Однако Фаттер, несомненно ошибается: у курнаев иных делений, кроме территориальных, не существует². Родовой тотемизм у них вообще отсутствует, хотя, как выше отмечалось, может быть прослежен в виде пережитка³. Индивидуальные тотемы передаются по отцу⁴.

Племя куинмурбурра имеет материнскую филиацию⁵, но, по свидетельству Хоунтта, брак у них патрилокальный, ибо жена после брачного обряда уходит в лагерь мужа. Вакелбурра имеют материнскую филиацию⁷, но сам Фаттер ставит под сомнение существование у них матрилокального брака, а это значит, что едва ли у них имеется и локальный тотемизм. К тому же племена эти делятся, кроме фратрий и на 4 брачных класса⁸. Высказанные нами выше соображения о степени древности фратрий, брачных классов и тотемистических групп делают крайне нежелательным изучение тотемизма вакелбурра в качестве основного объекта. Остаются, значит, днери, которые делятся только на фратрии и тотемистические группы и имеют материнскую филиацию⁹. Следует, однако, учесть, что прямых указаний на существование у днери локального тотемизма нет. Сообщение Хоунтта позволяет скорее сделать обратный вывод, ибо он отмечает, что у племен озера Эйр (а здесь обитают и днери) тотемистические имена разбросаны по всем племенам области¹⁰. Если мы учтем сказанное выше о наследовании членами племени от отца мурра-мурра (прапредка), его легенду и культовый акт, в котором последняя выражается, то существование у них „рассеянного“ тотемизма вполне закономерно, ибо здесь налицо переход к отцовской филиации.

Таким образом, мы не можем признать с полной достоверностью ни одно австралийское племя матрилинейным и матрилокальным.

Было бы очень соблазнительно взять в качестве объекта изучения одну из тотемистических группировок с локальными тотемистическими центрами, ибо на первоначальных этапах развития, когда каждое племя обитало на определенной территории, тотемистические центры должны были располагаться на территории группы, т. е. должны были быть строго локальными. Однако, не отказываясь, конечно, от привлечения материала этих племен, мы все же не можем избрать ни одно из них в качестве основного объекта изучения: возможность получения ребенком тотема отца показывает более высокое развитие этих племен.

Но если ни одна из локальных тотемистических группировок неприемлема в качестве основного объекта изучения, то значит наше внимание придется сконцентрировать на одной или нескольких матрилинейных „рассеянных“ тотемистических группировках, ибо последние, несомненно, сравнительно более архаичны. Поскольку тотемистический комплекс в них сохранился более или менее полно, изучение этого комплекса не представит затруднения, так как хотя тотемы и рассеяны на сравнительно большом пространстве, однако тотемисти-

¹ Vatter, указ. соч. стр. 120.

² Curt, указ. соч., т. III, стр. 516.

³ Howitt, 1904, стр. 146.

⁴ Максимов, указ. соч. 1930, стр. 77.

⁵ Howitt, указ. соч., стр. 221.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 219.

⁸ Там же, стр. 221.

⁹ Там же, стр. 47.

¹⁰ Там же.

ческие обычаи и обряды соблюдаются всеми членами группы независимо от их местонахождения, а для выполнения церемонии они собираются вместе.

Какая же из „рассеянных“ тотемистических группировок является наиболее подходящей для изучения?

Выше мы признали, что фратрии древнее брачных классов и тотемистических группировок, а последние—древнее брачных классов. В силу этого правильным будет выбрать племя с дуальной организацией. Из таких племен одним из наиболее примитивных многочисленными исследователями признается матрилинейное племя арабана¹. К примитивным же по общественной организации племенам относятся и диери, хотя по справедливому утверждению Е. Ю. Кричевского, брачные классы диери, по сравнению с арабана, позднейшего происхождения. Как мы помним, у диери распределение терминов родства осуществляет уже принцип 4-х классной системы, т. е. является переходным от двухклассовой к четырехклассовой системе. К тому же оба племени живут рядом у озера Эйр, их обычаи, обряды, верования изучены одинаково хорошо, причем при описании их тотемистических представлений их часто сравнивают или, описывая какой либо обряд, миф одного племени отмечают наличие аналогичных представлений, мифов, обрядов и у другого.

Если мы учтем, что у обоих племен не обнаружен ни тотемизм фратрий, ни брачных классов, ни половой², ни индивидуальный, что следовательно, родовой тотемизм у этих племен выступает, так сказать, в чистом виде, то станет очевидным, что изучение арабана и диери представляет особый интерес, что именно эти группы и следует избрать в качестве основного объекта изучения. Однако, во избежание упрека в односторонности, мы будем привлекать, по мере необходимости, данные и о других племенах, в частности, имеющих локальные тотемистические центры.

Итоги многочисленных исследований показывают, что в тотемистический комплекс включаются следующие элементы:

1. Вера в происхождение от тотема или от предков, общих с тотемом;
2. Общее для группы название по тотему;
3. Осознание родства членов тотемистической группы и тотема и почитание последнего, главным образом, выражающееся в полном или частичном запрете наносить вред тотемному виду;
4. Вера в перевоплощение членов тотемистической группы в тотем и обратно;
5. Запрещение вступления в брак членам одной и той же тотемистической группы;
6. Выполнение членами группы известных обрядов, связанных в той или иной степени с тотемом (интичнума, инициации).

К анализу этих элементов тотемистического комплекса группы мы и перейдем.

Начнем с *экзогамии*:

Мы уже отмечали, что экзогамия фратрий и брачных классов является правилом для австралийских племен, из которого известны крайне редкие исключения, показывающие, что старая брачно-классо-

¹ См., например, Lang, указ. соч., стр. 18; Spencer and Gillen, 1904, стр. 144; Николаевский В. К. Очерк первобытной культуры, 4 изд., 1928, стр. 18; Кричевский, 1934, стр. 283.

² Зиберт, правда, утверждает, что у диери существует половой тотемизм, но нам, это кажется сомнительным, ибо Фэйсон и Хоунгт и Спенсер и Гиллен, изучившие это племя до него, полового тотемизма у диери не обнаружили. Если признать, что он прав, то остается предположить, что половой тотемизм у диери возник позже родового.

дан система рушится, вытесняется родовой. Рассмотрим сейчас, как обстоит дело с экзогамией тотемистических групп.

Данные этнографии показывают, что и экзогамия тотемистических групп точно также является правилом для австралийских племен. Исключения из этого правила крайне редки и наблюдаются, в частности, у курнаев¹, аранда², нарранг-га³. Нарушение экзогамии обычно карается строго, вплоть до убийства виновников членами группы.

Наблюдаются четыре вариации экзогамии тотемистических групп.

1. Брак разрешен с членом любого тотема протиположной фратрии. Эта вариация наиболее распространена и наблюдается в частности у арабана⁴, диери⁵, турра⁶, вотьобалук⁷, варраи, ларакна, джанан и др.⁸.

2. Брак допускается с несколькими определенными тотемными группами противоположной фратрии. К таким племенам относятся кунимурбурра⁹, джедакарангу¹⁰, вирадьюри¹¹.

3. Брак разрешен лишь с одним тотемом противоположной фратрии. Такая экзогамия наблюдается у карамунди, группы племен итчумунди¹² и некоторых других племен.

4. Последнюю группу представляют племена, у которых брак разрешен с определенными тотемами, но сами тотемы не строго распределены между фратриями и в силу этого могут встречаться в обеих фратриях. К таким племенам относятся биллионера, мудбурра, нганнман, вадуман¹³.

Впрочем, у ряда племен разрешается нарушение экзогамии в известных случаях. Эти исключения крайне интересны и поэтому мы их приведем.

У племен Центральной Австралии накануне передачи невесты ее будущему мужу с ней имеют общение ряд лиц, в частности члены её фратрии¹⁴. То же наблюдается и при обмене жен¹⁵.

У племен Квинсленда при церемонии дефлорации с девушкой могут иметь сношения мужчины её брачного класса¹⁶.

У племени нариньери молодые люди после инициаций пользуются известное время половой свободой и могут иметь общение даже с женщинами своего тотема¹⁷. В редких случаях, по-видимому, возможен даже инцест: у племени курнандабури при заключении брака практикуется неограниченная свобода половых общений, не исключая такого общения даже невесты с её отцом¹⁸; у южных лоритья, по сообщению Штрелова, вдовец может жениться на своей кузине, тетке, даже дочери¹⁹.

¹ Howitt, 1904, стр. 269-270.

² Spencer and Gillen, 1899, стр. 121-123.

³ Howitt, указ. соч., стр. 258.

⁴ Elkin указ. соч., стр. 451-452. Спенсер и Гиллен считают, что брак у них разрешен только с одной тотемной группой противоположной фратрии.

⁵ Howitt, 1904, стр. 175-176.

⁶ Fison and Howitt, указ. соч., стр. 284-285.

⁷ Gränner F. Wanderung und Entwicklung sozialer Systeme in Australien. „Globus“, 1906, 90, стр. 223.

⁸ Spencer B. Wanderings in wild Australia. L., 1928, стр. 179.

⁹ Howitt 1904, стр. 218.

¹⁰ Там же, стр. 187-188.

¹¹ Там же, стр. 509.

¹² Там же, стр. 189.

¹³ Spencer, указ. соч., стр. 195, 179.

¹⁴ Spencer and Gillen, 1899, стр. 96.

¹⁵ Там же, стр. 97.

¹⁶ Roth, 1897, стр. 174.

¹⁷ Howitt, 1904, стр. 261.

¹⁸ Там же, стр. 193.

¹⁹ Strehlow, указ. соч., т. IV, стр. 102.

Как мы видим, во-первых, экзогамия тотемистических групп в громадном большинстве случаев совпадает с экзогамией фратрий (а отсутствуют они, как нам известно, у наиболее развитых племен) тотемистической группы экзогамна сама по себе.

Мы видим, во-вторых, что нарушение экзогамии, тем более экзогамии тотемистических групп, является крайне редким исключением. По-видимому, эти нарушения являются реликтом предшествовавшей полной свободы половых общений. Что это так, показывает то, что в ряде случаев предложение женщины своего класса, а может быть и тотема, имеет место, но мужчиной отклоняется. Подобное явление наблюдается, например у племени варрамунга¹.

Пока мы, по ряду соображений, откажемся от выяснения отношения экзогамии к тотемизму и перейдем к рассмотрению остальных элементов тотемистического комплекса, в которых Фрэзер усматривает религиозный аспект тотемизма.

Как нами уже отмечалось, каждая тотемистическая группа имеет один или несколько тотемов.

Как правило, каждая группа обладает одним тотемом. Исключения представляют, насколько нам известно, лишь племена северо-запада: карьера, нгалума, мардудхунера², караджери³, йанор и соседние с ним племена⁴ и племя викмункан на п-ве Йорк⁵, которые имеют по несколько тотемов.

Все эти племена имеют локальный тотемизм, личные тотемы и отцовскую филиацию либо к ней переходят, т. е. сравнительно высоко развиты. Значит, наличие одного тотема является, по-видимому, первичным явлением.

Тотемы эти носят названия по животным, растениям, предметам и явлениям природы.

Большой интерес представляет выяснение вопроса, что именно является тотемом и какой вид тотемов превалирует.

Попытки подсчёта общего количества австралийских тотемов нам неизвестны. Впрочем, полного подсчёта сделать и невозможно, ибо списки тотемов далеко неполны, да и едва ли это что-либо даст без учёта района распространения тотемов и зависимости видов тотемов от местности. Подсчёт же тотемов у отдельных племен, в отдельных районах производился очень многими исследователями (Штрелов, Спенсер и Гиллен, Элькин и др.). Выводы делаются не всеми исследователями. Иногда выводы разных исследователей противоречат друг другу. Так, Штрелов указывает, что в центральной Австралии тотемные животные местных племен распространены в более значительных количествах, чем в других частях Австралии⁶; Спенсер и Гиллен, обследовавшие этот район раньше и весьма обстоятельно, этого не говорят. Они отмечают только, что в районе озера Эйр трудно найти животное или растение, которое не являлось бы тотемом.⁷

Так же обстоит дело и в отношении северо-западной Австралии: по утверждению Броуна, тотемных животных здесь имеется больше.

¹ Spencer and Gillen, 1904, стр. 138-139.

² Brown, указ. соч., стр. 160.

³ Elkin, указ. соч., 1933, т. III, стр. 266.

⁴ Там же, стр. 271, 479.

⁵ Mac Connel., 1930, стр. 182; Mac Connel U Totemic hero-cults in Cape-York Peninsula, North Queensland. „Oceania“, 1936, т. IV, № 4, стр. 456-457.

⁶ Strehlow, указ. соч., т. I, стр. 4.

⁷ Spencer and Gillen, 1899, стр. 9.

нежели в соседних районах¹, по Элькин, обстоятельно исследовавший соседние племена, этого не говорит, а приводимые им списки тотемов² позволяют сделать противоположный вывод.

Несомненным является лишь то, что какая-то зависимость тотемов от местности имеется: тотемом, как правило, является объект, имеющийся в данной или близлежащей местности (случай, когда тотемное животное или растение взято из отдаленной местности, крайне редки). Во всяком случае тотемный вид группы известен. И чем больше тотемный вид распространен, тем большее число тотемов этого вида наблюдается в данной местности.

В этом отношении большой интерес представляет сделанный С. А. Токаревым и любезно предоставленный нам подсчет распределения тотемов по-районно.

Несмотря на то, что, как он отмечает, подсчет этот груб и приблизителен, различие отдельных областей и зависимость тотемов от флоры и фауны района выступает достаточно ярко.

В области озера Эйр, пустынной и сухой, из подсчитанных им 195 тотемов 9 племен, птицы фигурируют 56 раз (около 34%), корморан—9 раз, эму—8, ворона—8, виды журавля—8, клинохвостый орел—6 и т. д. Разных мелких животных (крысы, землеройки, кролики, мыши)—32 (17%). Насекомых—22. Растительных тотемов—17. В их числе имеется и знаменитое наркотическое растение *pitcheri*, добываемое издалека. Ящериц—14, змей—11. Лягушек имеется 10, а динго—9. Из явлений неживой природы—дождь повторяется 7 раз, а красная охра—6. Рыбы повторяются в списках 4 раза; меньше всего—2 раза повторяются облака.

Более крупные для Австралии животные, кроме упомянутых эму и больших ящериц, почти отсутствуют: кенгуру повторяется 3 раза, опоссум и валляби—по одному.

Следует учесть, что пища туземцев этой местности, по сообщению Гэсона, „главным образом, растительная, так как животных здесь очень немного, если исключить крыс и других того же рода, а также змей и прочих пресмыкающихся, которых здесь ограниченное количество. Кенгуру нет, эму очень мало, причем последнее составляет любимую пищу...“³

Совершенно другая картина наблюдается на Южном побережье, где подсчет произведен по пяти племенам (иеркла-мининг, нарранг-га, нарриньери, буандик, курнаи): из насчитанных 67 тотемов на первом месте стоят также птицы, повторяющиеся 25 раз (37%). Однако на втором месте стоят рыбы (11—17%), которые вместе с морскими животными (кит, тюлень и пр.) повторяются 15 раз (22%). Растения повторяются 6 раз, змей—5, динго—4, кенгуру—3, ящерица—2 раза. Насекомые вообще отсутствуют. Нет и предметов неорганического мира, равно как и метеорологических и астрономических явлений.

Таким образом, здесь усиливается значение рыб и исчезают насекомые и мелкие роющие животные.

В Западной Виктории, богатейшей части континента, известны только 34 тотема по 3 племенам. И здесь впереди идут птицы—19 раз (в их числе виды какаду и попугаев—5 раз, пеликан—4). Другие тотемы количественно не выделяются: змей—4, кенгуру—2, растений—3. Из астрономических явлений 1 раз встречается солнце, из прочих—горячий ветер, море и нещера.

¹ Brown указ. соч., стр. 167.

² Elkin, 1933, т. III, стр. 271—276.

³ Curr, указ. соч., т. II, стр. 47.

У племен Нового Южного Уэльса в обширной области, начиная от племени юалайи на севере до юин на юге, имеются списки тотемов для 9 племен. Господствующее положение остается у птиц (39 раз—45%), из них выделяются эму (8 раз), клинохвостый орел, разные утки (по 3), ворона и сокол (по 3). Не последнее место занимают змеи (9) и ящерицы (8). Здесь впервые выступают в значительном числе крупные для Австралии млекопитающие: кенгуру (9), опоссум (7), бандикут (7), виды валляби (4). Мелких млекопитающих здесь 8, рыб—6, насекомых всего 4 (из них 3 пчелы), растительный тотем только один. Из прочих следует отметить какую-то звезду и мед. Здесь чувствуется разнообразная и сравнительно богатая природа, в особенности фауна.

В Западной части Нового Южного Уэльса, в бассейне реки Дарлинг в области ее впадения в Муррей, известны 70 тотемов для 8 племен. Здесь опять господствуют птицы (26—37%), из них выделяются клинохвостый орел (8), эму и виды уток (по 6), ворона (3). Нередки млекопитающие: кенгуру (6), валляби (6), бандикут (5), опоссум (3). Змей и рыб по 5. Совершенно нет насекомых, растений и каких-нибудь неорганических предметов.

Для Квинсленда С. А. Токарев сделал подсчет 102 тотемов без перечисленных Ротом табуированных животных).

Эти тотемы распределяются следующим образом: птиц—37(35%), из которых чаще встречаются клинохвостый орел (7), утки (6) и эму (5); сравнительно много крупных животных: кенгуру, опоссум и валляби встречаются по 6 раз, динго—4 раза. Ещё больше змей (11%) и ящериц (8), впервые появляется черепаха (2). Растительных тотемов 5, из них 2 дерева. Чаще появляются предметы неживого мира: вода (впервые)—3 раза, астрономические явления—тоже 3, мед—2, дождь, огонь и ветер—по одному. Рыба встречается лишь один раз, насекомые (пчелы)—2 раза.

Для 12 племен от аранда до мара на берегу залива Карпентария 255 тотемов распределяются следующим образом:

На первом месте, как всегда, стоят птицы (61 раз—24%), из которых чаще повторяются сокол—10 раз, попугай и какаду—9, эму—6, клинохвостый орел, индейки и журавль по 4, каравайка—3. Сильно выделяется число змей—27 (10,5%) и ящериц—23 (9%). Крупных животных меньше: кенгуру и валляби по 8, опоссум и динго по 6. Мелких млекопитающих—7. Вновь появляются в большом числе растительные тотемы: их 24, в том числе разных семян 12, клубней, корней и плодов 8. Насекомые тоже встречаются гораздо чаще, чем в других районах: их здесь 17, в том числе разных личинок 6, разных муравьев 4, жуков и москитов по 2. Рыбы встречаются 11 раз, но из них 9 у двух северных береговых племен—мара и ануда. Из прочих тотемов вода повторяется не менее 12 раз, мед и соты пчел—8, астрономические явления—7 раз (в том числе солнце и вечерняя звезда по 2 раза). Здесь впервые появляются в качестве тотемов человеческие изделия—бумеранг, а также предметы совершенно неожиданные—„смеющийся мальчик“—2 раза, „взрослый мужчина“ и, что весьма интересно, мифическое существо—змея Воллунгуа.

Сравнительно небольшое количество растений и насекомых, а из более крупных животных—змей и ящериц—напоминает нам о скудном и пустынном характере этой области, по крайней мере ее южных частей.

Иную картину распределения тотемов мы видим на крайнем севере Австралии, на Аригемовой земле, где природа опять делается более разнообразной.

Здесь из 192 тотемов 7 племен имеется: птиц 32 (17%), рыб 26, змей 22, ящерниц и крокодилов по 9 и черепах 4. Из крупных млекопитающих имеются: кенгуру (18), валляби (10), динго (6). Много встречается растений (26). Из них видов ямса—10 и водяной лилии, излюбленной пищи этого района—7. Насекомых очень мало (2), зато часто встречается мед (12). Встречаются и неорганические предметы и явления природы—дождь (3), вода (2), астрономические явления (2) и орудия—топор и зажигалка. Весьма интересным является подсчет тотемов племени кариера, обитающего в пустынной области на крайнем северо-западе Австралии, проведенный С. А. Токаревым: из 88 тотемов 7 видов, а локальных групп—51 рыб и 4 водяных животных, змей—7 береговых птиц лишь 2 и только одно мелкое млекопитающее. В 11 же группах, расположенных вдали от побережья, рыб имеется только 4 (из них 3 пресноводных) и 2 вида рыбьего яда. Зато птиц имеется 6, млекопитающих—4, змей, ящерниц и лягушек—9.

Насекомые и растения в обеих группах распределяются в общем равномерно: первых—6 и 8, вторых—8 и 11. Астрономических и метеорологических явлений приходится тоже почти поровну: 4 и 5.

Таким образом, подсчеты С. А. Токарева подтверждают зависимость тотемов от флоры и фауны той или иной области. Вместе с тем распределение тотемов по районам показывает, что, как это отмечает С. А. Токарев, при наличии более крупных животных, при выборе тотемов предпочтение отдается им.

Мы можем констатировать, что тотемами являются и млекопитающие, и птицы, и насекомые, и рыбы, и пресмыкающиеся, и растения, и явления природы, и предметы, изготовленные человеком, даже сам человек, животные крупные и мелкие, предметы съедобные и несъедобные, полезные и бесполезные.

Главным образом, однако, тотемами являются животные. Первое место среди них, за редким исключением, занимают птицы (по нашему грубому подсчету от 40 до 20%). Исключение представляют лишь племена крайнего северо-запада, о которых мы говорили выше. На втором месте, в зависимости от местности, стоят рыбы (на южном берегу Австралии—ок. 20%), пресмыкающиеся (у аранда—ок. 25%, на западе Нового Южного Уэльса—18%), мелкие животные (район озера Эйр—около 16%). Сравнительно небольшое место занимают крупные, в условиях Австралии, животные (от 3 до 8%). Редки случаи, когда тотемами являются астрономические явления, ещё более редки предметы, изготовленные человеком (бумеранг, острие для охоты на нырка, топор, зажигалка, курительная трубка, даваемая при инициациях юношам). Единичны случаи, когда в качестве тотема выступает сам человек (кариера, варрамунга) или, например, „половое влечение“ (кариера), „экспедиция за красной охрой“ (диери), мифическая змея—Воллунга (варрамунга).

Вера в происхождение от тотема, вера в перевоплощение членов тотемистической группы в тотем и обратно, вера в наличие кровного родства между членами группы и тотемным видом животных, растений и т. д., а отсюда и почитание тотемного вида, составляют неразрывные части тотемистических представлений, их основное ядро.

Вера в происхождение от тотема находит свое наиболее яркое отражение в мифологии.

Мифы, которые мы можем отнести к тотемистическим, зафиксированы не всегда с одинаковой полнотой и не всегда вообще известны. Полнее всего известны тотемистические мифы центральной Австралии, меньше—юго-востока, почти неизвестны у племен Квинсленда.

Однако это не должно нас смущать: несмотря на отсутствие записей мифов, мы можем не сомневаться, что они существуют у всех племен. Дело в том, что у австралийцев, как и у всех остальных племен мира, мифы эти представляют наиболее ценное сокровище племени, почитаются как святыня. Элькин отмечает, что старики, которым только и известны мифы, не дают белым и малейшего повода заподозрить, что такие мифы существуют. Хранители этих мифов сами решают, могут ли они доверить эти знания молодому поколению. И они скорее умрут, унося с собой тайну, умрут в скорби, будучи уверенными, что в результате забвения мифов и церемоний их племя неизбежно угаснет, нежели передадут эти мифы лицам, которых они считают недостойными, или при обстоятельствах неблагоприятных, ибо уверены в том, что разглашение мифов привело бы к тому, что последние потеряли бы их мистическую силу, а это угрожало бы самому их существованию.¹

Мифы рассказывают, главным образом, о происхождении людей и тотемов, о происхождении тотемистических делений, тотемистических церемоний, о жизни и похождениях „предков“. Мифы тесно связаны с особенностями той или иной местности, с тотемными обрядами и некоторыми священными предметами. Форма их изложения довольно однообразна: завязка отсутствует, конец рассказа наступает неожиданно, не является следствием развития фабулы. Отдельные мифы одного и того же племени между собою не связаны, даже если они освещают похождения одного и того же лица, часто даже противоречат друг другу, причем, что весьма характерно, австралийцы не замечают этих разноречий. Крайне характерным при этом является то, что мифы не освещают вопроса о причинах связи человека с тотемом; в мифах эта связь просто констатируется, как сама собою разумеющаяся.

Содержанием мифов является, главным образом, повествование о похождениях тотемистических предков. Эти предки жили и действовали в мифическое время, которое они называют вингара (арабана), алчериинга (аранда). По мнению австралийцев, это время было очень давно, но эта давность исчисляется всего несколькими поколениями. „Предки“ эти, как и животные, населявшие тогда землю, отличались от современных людей и животных. Во-первых, у них не было жен, они рождались и умирали не обычным путем, а выходили из земли и уходили в землю, оставляя знаки своего пребывания в виде скал, камней особой формы, ручья, реки или священных предметов. Во-вторых, они обладали способностью превращаться в людей, животных и растения по своему желанию, причем это превращение не принижало их достоинства, а являлось вполне нормальным. Эти „предки“ представлялись фантастическими существами: то людьми, то животными, то полулюдьми-полуживотными, или полурастениями. Иногда они изображались беспомощными и бесформенными существами с закрытыми глазами и ушами, небольшим круглым отверстием вместо рта, сросшимися вместе пальцами рук и ног, скрюченными руками, приросшими к груди, и ногами, прижатыми к телу.

У арабана мифы представляются в следующем виде: во времена Вингара существовало сперва небольшое число особей, которые были полулюдьми, полуживотными или полурастениями. Их происхождение неизвестно. Эти получеловеческие существа, обладавшие несравненно большим могуществом, нежели кто-либо из живущих мужчин и женщин (они могли и ходить под землей и летать по воздуху).

¹ Элькин, указ. соч., стр. 151.

были предками разных тотемных групп. Одна особь большой ковровой змеи дала начало группе ковровых змей, от двух детей одного вида ящериц произошли все ящерицы этого вида, один или два дождевых червя дали начало группе дождевых червей.

Эти древние получеловеческие предки бродили по области, занятой в настоящее время племенем арабана, совершая священные церемонии, и в это время помещали в земле или в каких-либо объектах природы, выделявшихся как примета данного участка (скала, лужа), известное количество детей—духов—май-аурли. Через известное время некоторые из последних превращались в мужчин и женщин, которые образовали первые ряды тотемных групп. Таким образом, некоторые из май-аурли, оставленные предком—ковровой змеей, после смерти превращались в мужчин и женщин—ковровых змей, другие май-аурли, оставленные предками-ящерицами, превращались соответственно в мужчин и женщин—ящериц, и так по всем разнообразным тотемическим группам.¹

Приведем один из этих мифов:

Во времена Вингара появились зеленая и коричневая змеи. Сначала они водворились в одной скважине, называвшейся Якиди, и занимались витьем веревок из шкур. Выйдя на свет из скважины, они отправились странствовать и пришли в Мурамура, где они вили веревки, ели травяные зерна и оставили после себя май-аурли, которые вышли из их тел. Оглянувшись назад, они увидели дым в направлении реки Макумба, где местность была вся объята огнем.

В пути коричневая змея шла впереди, зеленая следовала за ней. Это были те две змеи, которые во время своих странствований образовали все родники, которые сейчас характерны для этой местности. Среди прочих они создали родники Кальтикальтинга, так называемый Тридцатимильный родник и родник Фонтан. Здесь они снова вили веревки из шкур и ели травяные зерна... Там, где они бросали травяные былинки, выросли кусты, чтобы по ним замечать данный участок. Во время своего странствования они создали родник Маргариты и на месте, носящем ныне название бугра Маргариты, они соорудили 2 каменных убежища, в которых и расположилась каждая отдельно. Продолжая свой путь, они проложили русло заливычка Умбинга и создали родники Белые Бринкли, Долон и Стрэтуйеис. После создания еще нескольких родников они повернули обратно, и зеленая змея сказала коричневой: „Я—Кирарава, а ты—Маттури“. Они оставили после себя май-аурли на всех лагерных стоянках. Наконец, в месте Каррикатнирина зеленая змея увидела желтую и погналась за ней. Последняя зарылась в землю. Зеленая последовала её примеру и зарылась недалеко от нее. Коричневая змея сделала то же на другом участке. Возникли три родника в качестве приметы того места, где змеи окончательно исчезли“².

У диери имеются различные варианты мифов о происхождении тотемов и людей.

По одной легенде тотемы—мурду (но мурду по Хоунтту, также и фратрии и брачные классы)³ первоначально были животными, а затем они становятся человеческими существами, и от них происходят диери и другие племена Эйр.⁴

¹ Spencer and Gillen, 1904, стр. 145.

² Там же, стр. 146—147.

³ Nowlin, 1904, стр. 70.

⁴ Указ. соч., стр. 90—91.

По другой легенде вначале земля открылась посреди озера Перигунди, и оттуда вышли одно мурду за другим—Ворона, Эму и т. д. Это были неформившиеся существа, без членов и органов чувств. Они лежали на дюнах, окружавших тогда, как и ныне, озеро. Здесь, лежа под солнечными лучами, они через некоторое время окрепли, стали подобны человеческим существам и разошлись по всем направлениям, дав начало разным тотемным группам¹.

По другому варианту, вначале существовали четыре неформившиеся существа, соединенные вместе. Мифическое существо мура-мура—предок днери—сгладил их тело своими собственными руками, вытянул их члены, разорвал пальцы, сформировал рот, нос и глаза, заострил уши и таким образом превратил их в человеческие существа². Эти мура-мура, как правило, изображаются уже человеческими существами и лишь в отдельных легендах полулюдьми-полуживотными или просто животными³.

Как мы уже выше отмечали, каждый человек получает от отца принадлежность к одному мура-мура, наследует легенду о нём, религиозную церемонию, с которой легенда связана, и песни, которые исполняются при проведении церемонии. Так как каждый мура-мура связан с известным предметом или явлением природы, то потомок получает возможность заставить тотемный вид размножаться путем выполнения этого обряда.

Вместе с мура-мура человек получает и территорию, на которой расположились сакральные убежища предка. В этой области он имеет право охотиться.

Одновременно с этим каждый человек получает мура-мура, легенду о его происхождении и область обитания от своей матери.⁴

Приведем для сравнения миф о происхождении тотемов и людей племени аранда:

Спенсер и Гиллен передают этот миф так:

„В период Алчеринга страна была покрыта водой. После того, как вода была отогнана людьми на север, на земле существовали бесформенные и беспомощные существа—*инапертва*. Это были не мужчины и не женщины, вернее мужчины, смешанные с женщинами, которые, находясь группами в воде, принимали различные формы. Они не имели ни определенных очертаний, ни органов зрения, ни слуха, ни обоняния и не ели пищи. Затем с севера появились два существа—Ингамбикула (т. е. „из ничего“ или „самосуществующие“) и придали им человеческий вид, отделив мужчин от женщин, сформировав ноги, руки, отделив пальцы, прорезав им глаза, рот. Эти „доделанные“ люди принадлежали к различным тотемам и превратились в тотемных животных и растения. Оформители также превратились в породу ящериц⁵“.

Штрелов излагает этот миф почти также. „Неоформившихся людей“ он называет иначе (*релла-манеринья*), но изображает их, как и Спенсер и Гиллен. Ввиду того, что это описание представляет для нас особый интерес, приведем это место полностью: „Их глаза и уши были закрыты, на месте рта находилось маленькое отверстие, пальцы

¹ Nowitt, указ. соч., стр. 476.

² Там же, стр. 476.

³ Там же, стр. 487—488.

⁴ Там же, стр. 786—787.

⁵ Spencer and Gillen, 1899, стр. 389.

рук и ног срослись вместе, скорченные руки приросли к груди, а ноги были прижаты к телу¹.

В одном вопросе Штрелов резко расходится с Спенсером и Гилленом: по его утверждению „неоформленные“ люди сразу делились на 8 классов и 2 фратрии, из которых одна жила на воде, другая на земле. Демиурги или „оформители“ людей, являлись двумя тотемами ящерицы и мухолова².

Аналогичный миф о создании людей имеется у племени уинматчера. Он весьма характерен и потому, что демиург рисуется здесь получеловеком-полуживотным, и потому, что в нем мы видим характерные для этих мифов разноречия. Поэтому мы приведем интересующее нас место полностью:

„В Алчеринга старый мужчина—ворона сидел в Унгура (ныне река Вудфорд). Он произошел от чуринги. Когда он стал смотреть на самого себя, он сказал: „Я думаю, что могу быть орлом, но я слишком черен“. Потом он подумал, что он коршун, но решил, что у него слишком большое крыло. Потом он посмотрел на свои руки, которые были покрыты черными перьями и сказал: „Я ворон“. Село солице. Он взшел на верхушку холма, потом вернулся обратно в лагерь чуринг и заснул там. Однажды он увидел на расстоянии толпу инминьтера („незаконченные“ мужчины и женщины), принадлежащих к племени уинматчера. Он решил пойти и сделать их мужчинами и женщинами. Он сделал это своим клювом и потом вернулся обратно в лагерь, сделал здесь чурингу, с которой вернулся обратно и обрезал их. Между тем двое старых мужчин-ящериц пришли с юга и своими зубами обрезали и надрезали мужчин и совершили операцию у женщин³“.

Анализ интересующих нас мифов показывает, прежде всего, что мифические предки изображаются иногда только предками, но иногда они играют роль и культурных героев и демиургов. Иногда это люди, иногда животные, обладающие способностью реинкарнации, иногда „неоформившиеся люди“, иногда фантастические существа—полулюди-полуживотные, полулюди-полурастения и т. д.

Теснее всего образ тотемистического предка связан с демиургом и культурным героем, как мы это видели у одного из наиболее примитивных племен Центральной Австралии—диери, менее—у аранда. Если у диери этот „предок“—культурный герой и демиург, если у аранда (по одной версии) демиурги позже сами превращаются в тотемов, то у ряда племен демиурги—самостоятельные персонажи мифов и являются создателями тотемистических групп. К таким можно отнести племена Аригемовой земли—мунгарин⁴ и какаду.⁵

Особенно тесно эти образы слились у племен западной Виктории кулин. У этих племен мифический предок Бунджил (клинохвостый орёл)—и демиург, и культурный герой. Он, по легенде, был некогда человеком, жил на земле, но ныне находится на небе, превратившись в звезду. Он создал мужчин из глины и дал им жизнь. Он научил людей искусствам и т. д.⁶

Затем мы не можем не подчеркнуть противоречивость мифов. В них можно различить две противоположные концепции: в некоторых из них весь мир и существующая социальная система изображаются,

¹ Strehlow, указ. соч., т. I, стр. 3.

² Там же, стр. 3, 6—8.

³ Spencer and Gillen, 1901, стр. 399—400.

⁴ Spencer, указ. соч., стр. 214 и сл.

⁵ Там же, стр. 279 и сл.

⁶ Howitt, 1901, стр. 484—492.

как существующие извечно, в других же всё существующее, в частности социальная система, создано тотемистическими предками или культурными героями — демиургами.

Так, в части мифов запрет есть тотем существовал всегда, в других вводится тотемом¹, в некоторых мифах люди нарушают экзогамию², в некоторых мифах деление на классы и фратрии существовало извечно³, по другим введено тотемом⁴.

Выяснение, какой из этих мотивов является более арханчным, представляет несомненный интерес, но, к сожалению, на наш взгляд, эта задача ныне неразрешима, хотя в отдельных случаях мы как будто и можем с большей или меньшей достоверностью установить, что является более, что менее арханчным.

Так из факта, что мифы, в которых говорится о нарушении запрета на экзогамию и поедание тотема, существуют у аранда, у которых на практике наблюдается нарушение этих запретов, и отсутствуют у племен, у которых запрещенное есть тотемов и табу на экзогамию выполняются строго, можно, как будто сделать вывод, что эти мифы возникают позже. Но утверждать, что такая хронологизация мифов соответствует действительности, мы не можем, ибо у ряда племен, даже у аранда, мы находим разные другие вариации этих мифов, противоречащих первым. В силу этого, уверенности, что приведенные мифы отражают этап, когда оба эти института начинают отмирать, у нас нет, так как возможно, что эти мифы являются смутным отголоском того времени, когда запрета есть тотем и экзогамии вообще не существовало.

Вот почему, как бы не соблазнительна была такая классификация, мы вынуждены от нее отказаться⁵.

Несомненным для нас остается лишь наличие тесной связи тотемистического предка, культурного героя и демиурга с тотемной группой и тотемистическими обычаями и церемониями и представлениями о нём, как о фантастическом существе, полуживотном-получеловеке, полуживотном-полурастении, обладающем способностью реинкарнации.

Вера в *перевоспложение* тотемистических предков в членов группы довольно широко распространена в Австралии. Особенно широко это верование распространено в центральной и южно-центральной Австралии. Как подчеркивают Спенсер и Гиллен, это верование не ограничивается такими племенами, как аранда, варрамунга, бингабинга и др., т. е. племенами патрилинейными, но существует „как раз в самом развитом виде“ у племени арабана, у которого происхождение и по фратрии и по тотему строго материнское⁶.

Именно поэтому верования арабана в *перевоспложение* нас особенно интересуют.

Описывая несколько выше мифы арабана о происхождении тотема и людей, мы привели сообщение Спенсера и Гиллена, что их получеловеческие „предки“, совершая церемонии, оставляли на земле или объектах природы отдельных духов — май-аурли, давших начало первым рядам человеческих групп. Эти май-аурли образуют особые участки, ими населенные — „палтинга“ (у аранда — „окпанкилла“).

¹ Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 320—323, 394.

² Spencer and Gillen, 1899, стр. 418—419.

³ Strehlow, указ. соч., т. 1, стр. 3.

⁴ Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 389; Howitt, указ. соч., стр. 476.

⁵ Понятку такой классификации сделали Спенсер и Гиллен (Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 387—388).

⁶ Spencer and Gillen, 1904, стр. 145.

причем в одних случаях они населены духами одного тотема, в других случаях — двух и более тотемов. Так, например, вблизи лагеря, где помещались Спенсер и Гиллен, группа гранитных валунов, появившихся во времена вингара для отметки места, где танцевали и забавлялись предки группы голубь, населены исключительно духами, происшедшими от тел этих предков. С другой стороны, на расстоянии 1/4 мили была лужа, населенная духами, которых здесь оставили после себя предки: Эму, Дождь, Червяк.

Иногда тут обнаруживается особая связь между тотемистическими группами, которые оказывались соединенными на одном определенном участке; так, например, в одной луже размещались духи, принадлежащие к следующим тотемистическим группам: Ярвинния (комар), Момо (мясная муха), Мурилья (мартовская муха) и Куднапит-жинара (обыкновенный москит)¹.

По верованиям арабана с этих древних времен, когда были установлены разнообразные человеческие группы, май-аурли подвергались постоянному перевоплощению. Каждый член племени является воплощением май-аурли, происшедшего от тела предка времен Вингара.

Что весьма интересно, по верованиям арабана, май-аурли может войти в женщину только в том случае, если она принадлежит к той же фратрии и к тому же тотему, что и май-аурли, но при каждом новом перевоплощении ребенок, если верить Спенсеру и Гиллену, меняет пол, фратрию и тотем. Так, например, если умрет мужчина Кирава тотема Эму, то его май-аурли возвращается туда, где был оставлен „предками“, и после некоторого пребывания в этом месте рано или поздно обязательно перевоплощается, но в женщину не Кирава, а Маттури и, следовательно, неизбежно меняет и свой отем (если бы он воплотился в женщину Кирава, то, по убеждению арабана, ребенок родился бы недоношенным и умер). Меняет он точно так же, как отмечалось, и пол. Неизбежным результатом этого является тот факт, что рожденные от воплощения одного какого-либо май-аурли всегда принадлежат к одной фратрии племени, ибо если он воплотится в мужчину Кирава, его дети будут Маттури, после нового воплощения его в женщину Маттури ее дети будут Маттури, но после смерти последняя воплощается в мужчину Кирава; его дети опять-таки будут Маттури и т. д.²

Такие верования наблюдаются и у племени варрамунга. Но у племени, обитающих к северу от аранда, май-аурли не может войти в женщину своего брачного класса и тотема, и притом май-аурли не меняет пола. Однако происхождение у этих племен строго отцовское, и поэтому дети май-аурли точно так же будут принадлежать к одной фратрии.

У племени аранда имеются некоторые отличные от арабана верования. И так как аранда имеют локальный тотемизм, так как их верования характерны, как мы видели выше, для ряда племен, мы приведем эти особенности.

По верованиям аранда, их „предки“, странствуя, оставили после себя в разных местах свои чуринги или тьюринги, в которых заключена их „духовная часть“; чуринга представляет собою обычно продолговатый плоский камень или кусок дерева, украшенный орнаментом, главным образом, из concentрических кругов, полукругов, спиралей, параллельных линий и т. д., символически изображающих

¹ Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 147.

² Там же, стр. 148—149.

странствования предков¹. Эти чуринги находятся в особых тотемистических центрах—местах пребывания предков, ожидая своего воплощения. Завидя проходящую женщину, они входят в нее в виде „детского зародыша“ или „духа ребенка“. Следствием этого является, как мы помним, что у аранда (и у других племен, имеющих аналогичные формы локального тотемизма) ребенок не получает ни тотема отца, ни матери: его тотем зависит от того, около какого тотемистического убежища женщина почувствовала себя беременной. Каждый человек, таким образом, является воплощением предка и тотема, имя которого группа носит. После же смерти душа его переходит в священное убежище и ждет нового воплощения².

Штрелов излагает представления австралийцев о перевоплощении иначе: они считают, что рождение ребенка может произойти и другими способами: сам предок может выйти из того места, где некогда ушел в землю, и бросить в проходящую женщину маленькую палочку „наматуна“, которая входит в нее через ребро, или же, что случается более редко, бросив палочку, сам в нее войти. При вхождении „детского зародыша“ предпологается что рождаются узколицые, при вхождении „наматуна“—широколицые, при вхождении предка—ребенок будет иметь светлые волосы. Это воплощение, как указывает Штрелов, для каждого предка может быть только один раз. После смерти человека его душа вновь не может воплотиться и скоро уничтожается. По его мнению, австралийцы вечного перевоплощения не знают. Детский же зародыш, по его утверждению, не является духом или душой ребенка, а представляет собою маленького, невидимого для глаз, но совершенно развитого ребенка с душой и телом³.

Что весьма интересно, Штрелов отмечает, что женщина иногда может забеременеть, взглянув на кенгуру, который быстро исчезает, и справедливо усматривает в этом кенгуру того же тотемистического предка, принявшего вид этого животного⁴.

Крайне трудно ответить на вопрос, кто из них прав. Нам кажется объяснение Штреловым понимания аранда „детского зародыша“ более соответствующим представлениям австралийцев, но поскольку мы не имеем возможности проверить его утверждение, окончательный вывод было бы делать неосмотрительно. Впрочем, для нас достаточно, что все они признают наличие веры в перевоплощение тотемистических предков. Вопрос же о том, в какой форме происходит это перевоплощение, является ли это актом однократным или многократным, для интересующей нас проблемы не имеет особого значения. Существенного значения не имеет даже и то, что у арабана, как и у варрамунга в отличие от аранда, нет представления о какой-либо специальной связи отдельного человека с чурингой⁵. Для нас достаточно, что они имеют какую-то связь с тотемом⁶, ибо это разные типы представлений о воплощении, а наличие такой веры у арабана, как, кстати, и у диери, факт несомненный.

Перейдем к вопросу об *отношении к тотему*.

Мы уже отмечали, что у австралийских племен наблюдается признание родства между человеком и его тотемом. Это явление повсе-

¹ Spencer and Gillen, 1899, стр. 145.

² Spencer and Gillen, 1904, стр. 143—144, 506; их же, 1899, стр. 123—125.

³ Strehlow, указ. соч., т. II, стр. 52—56.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ Spencer and Gillen, 1904, стр. 258.

⁶ Там же, стр. 275.

местное. Ввиду этого австралиец называет тотем „мой отец“¹, „мой брат“ „мое мясо“², „друг“³ и т. д., что по существу является разным способом выражения родства. Мало того, рядом исследователей констатируется отождествление австралийцев с тотемом. Так, у племени юалаин существует представление, что человек находится в тотеме, а тотем — в человеке⁴; у племени вотьобалук существует поговорка, отражающая отношение к тотему „жизнь летучей мыши есть жизнь мужчины“⁵. Правда, это имеет отношение к половым тотемам, но идея отождествления с животным здесь выражена не менее ясно. Точно так же отождествляют себя с тотемом курнаи. Они уверяют, что тотем и они — как бы одно лицо⁷. Позже мы попытаемся объяснить, почему возникают такие представления. Пока же мы просто констатируем существование веры в родство между человеком и тотемом, наличие близости, доходящей до отождествления человека с его тотемом.

Если по отношению к тотему, нами констатировано наличие чувства родства, то это не в меньшей мере относится и к отношениям друг с другом лиц одинаковых тотемов.

Особо важны для нас племена, имеющие не локальную, а „рассеянную“ форму тотемизма, ибо в последнем случае эта связь более рельефна, её нельзя принять за какую-либо иную форму связи не тотемистического порядка. Однако и у племен с „рассеянной“ формой тотемизма повсеместно члены одного тотема считают себя братьями и сестрами. Об этом в отношении разных племен говорят многочисленные исследователи.⁸ Об особо интересующих нас племенах арабана и диери мы имеем определенные указания Хоуитта и Спенсера и Гиллена. О диери Хоуитт говорит, что при встрече членов этого племени первым вопросом является: „какой твой тотем?“, что люди одного тотема держатся вместе, спят и живут вместе и ссужают друг другу женщины. Даже чужеземцы, живущие за 300—400 миль, получают у них радушный прием⁹. Об арабана в такой форме, кажется, указаний нет, но, описывая их социальную организацию, Спенсер и Гиллен подчеркивают, что родственные отношения туземцев являются одним из наиболее важных вопросов, с которым и должен быть ознакомлен каждый член племени¹⁰. И так как они отмечают, что при вступлении в брак особую роль играет к какому тотему относится член племени, так как, кроме того, описывая обычаи диери, они неоднократно ссылаются на существование аналогичных обычаев у арабана и обратно, то мы можем предположить, что и отношения друг к другу арабана аналогичны диери.

Выражением отношения к тотему, его почитания является его частичная или полная табуация. К сожалению, источники очень часто умалчивают об этом или говорят в общих выражениях, так, что установить существует ли запрет убивать и есть тотем, распространяется ли табуация на одно племя, или на группу племен, нет ли у отдельных племен каких-либо отклонений, очень часто бывает трудным или

¹ Palmer, указ. соч., стр. 300; Howitt, указ. соч., стр. 147—148.

² Basedow, указ. соч., стр. 272.

³ Pison and Howitt, указ. соч., стр. 169; Howitt, указ. соч., стр. 145.

⁴ Spencer and Gillen, указ. соч., 1899, стр. 468.

⁵ Parker, указ. соч., стр. 2.

⁶ Howitt, указ. соч., стр. 148.

⁷ Там же, стр. 387; Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 168, 202.

⁸ См. напр. Howitt, указ. соч., стр. 203; Basedow, указ. соч., стр. 272.

⁹ Howitt, указ. соч., 1891, стр. 41—42.

¹⁰ Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 67.

даже невозможным. Иногда эти источники прямо противоречат друг другу и даже сами себе. Так, по Хоуитту, у племени нарриньери запрещается убивать и есть тотем¹, но Кэрру этот запрет у нарриньери отсутствует²; у диери по Гэсону тотем может употребляться в пищу³, а по Эйльману на него существует табу⁴. О племени варрамунга Спенсер и Гиллен сообщают, что у них наблюдается строгий запрет убивать и есть тотем⁵, а в другом месте той же работы подчеркивается, что член племени варрамунга при известных условиях без колебания убьет тотемное животное, но не будет есть его⁶.

Таким образом, мы можем констатировать наличие у разных племен разных степеней запретов. Табуация может быть строгой и нестрогой, касаться и убийства и вкушения тотема, или же только убийства, или только запрета есть тотем.

Строгий запрет убивать и есть тотем существует у племен малак-малак,⁷ юии, м. б. у племени района террасы Раймонда⁸ (о последнем неясно, запрещается ли его есть), у племени вакелбура⁹ у племен северо-запада Австралии (за исключением унгарииньи¹⁰); у племени лоритья¹¹ и воргана¹² в отношении тотема матери, у юалайи¹³ (лишь в отношении индивидуального тотема: тотем группы можно есть, если он убит другим).

Стогое запрещение лишь убивать тотем отмечено у племен ватт-ватти, керами, баринджи, та-та-ти, бангиарлее, паркинжи,¹⁴ вадуман,¹⁵ варраи.¹⁶

У иных племен тотем убивают, но лишь в исключительных случаях и крайне неохотно. К таким племенам относятся племена воть-обалук, вондхибон, курнаи, бандик.¹⁷

Строгий запрет употреблять тотем в пищу зафиксирован у племен бинбинка, влингура, аллаул, умбана, мара, гнаджи, тджингилли (у залива Карпентария),¹⁸ у арабана,¹⁹ по-видимому у диери.²⁰

Едят свой тотем неохотно, только в случаях крайней нужды и в ограниченных количествах племена буандик, вотьобалук, курнаи, вондхибон,²¹ аранда, лоритья, ильпирра, кантиш, уиматчера.²² У племени вадуман есть тотем можно, но при условии, если он будет убит и предложен человеком иной тотемистической группы.²³

¹ Howitt, 1904, стр. 147.

² Curr, указ. соч., т. II, стр. 243—244.

³ Gason S. Of the tribes Dieyerie, Aumintie, Jandrawonthe, Jarawuarka, Pilladra. Journ. of the Royal. Anthropol. Inst... T. 24, 1895, стр. 118.

⁴ Eylmann E. Die Eingeborenen der Kolonie Südastralra. B., 1908, стр. 166.

⁵ Spencer and Gillen, 1904, стр. 167—168.

⁶ Там же, 1904, стр. 327.

⁷ Eylmann, указ. соч., стр. 168.

⁸ Howitt, 1904, стр. 147.

⁹ Там же, стр. 147—148.

¹⁰ Elkin, 1933, т. IV, № 2, стр. 464.

¹¹ Strehlow, указ. соч., т. II, стр. 60..

¹² Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 166.

¹³ Parker, указ. соч., стр. 20.

¹⁴ Cameron, указ. соч., стр. 350.

¹⁵ Spencer, указ. соч., стр. 21.

¹⁶ Там же, стр. 194.

¹⁷ Howitt, указ. соч., стр. 145—147.

¹⁸ Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 166, 171—176.

¹⁹ Spencer and Gillen, 1899, стр. 467.

²⁰ Eylmann, указ. соч., стр. 166.

²¹ Howitt, указ. соч., стр. 145—147.

²² Spencer and Gillen, указ. соч., стр. 167—168; 1904, стр. 291.

²³ Spencer, указ. соч., стр. 21.

Совершенно отсутствует табуация тотемных животных лишь у племен какаду¹, воргант² на крайнем севере Австралии, у племен унгарининг³, карисера, нгалума, мардудхунера⁴ на северо-западе.

Никакого наказания за нарушение запрета со стороны группы, как это имеет место при нарушении экзогамии, кажется, нет. Только в одном случае имеется утверждение, что в Квинсленде виновный в нарушении табуации будет убит, если будет застигнут на месте преступления.⁵

Как мы видим, полное отсутствие запретов отмечено лишь у племен патрилинейных и патрилокальных, представляющих собою локальные тотемистические группы и имеющих локальные тотемистические центры, т. е. у наиболее высоко развитых племен Австралии.

Было бы крайне интересно установить у каких племен сохраняется в той или иной мере табуация и на основании этого попытаться выяснить наиболее архаичные элементы. Однако это для нас невозможно, ибо в каждой из групп имеются самые разнородные племена и с отцовским и с материнским счетом родства, и двух, и четырех, и даже восьмиклассовые и с „рассеянным“, и с локальным тотемизмом.

Неразрывной частью тотемистического комплекса являются тотемистические *обряды*, распространенные в Австралии повсеместно. Правда, ряд исследователей, основываясь на том, что одновременно с такими обрядами существуют и просто празднества с представлениями и плясками, подражающими очень часто повадкам животных, так называемые „корробори“, очень часто отрицают тотемистический характер тех или иных обрядов. Но это объясняется лишь тем, что по внешнему виду их бывает действительно трудно отличить, ибо основное в тотемистических обрядах заключается в связи с преданиями группы, в связи с их тотемистическими предками. А это сокровенное, священное, старики, как правило, стремятся скрыть от белых, которые их жестоко эксплуатируют и стремятся сделать вид, что священного не существует. Неудивительно, что Клаач отрицал наличие тотемизма на северо-западном побережье, хотя проводимые там церемонии и пляски настолько похожи на тотемистические, описанные Спенсером и Гилленом, что, по его словам, можно было бы свободно сфотографировать их и написать: „исполнение священной церемонии дюгонга, ньюль-ньюль и т. д.“⁶ Но Элькин, который пользовался большим доверием аборигенов, доказал тотемистический характер этих церемоний.⁷

Эти обряды бывают двух типов: одни имеют своей целью размножение тотема и известны под названием интичиумы, (по Спенсеру мбанбиума, а по Штрелову—у аранда—мбатьялька-тиума), другие сопровождают посвящения юношей в категорию взрослых (инициации). Как указывает Штрелов, по представлениям австралийцев, тотемистические предки исполняли эти обряды для указанных двух целей од-

¹ Spencer, указ. соч., стр. 21.

² Там же, стр. 204.

³ Elkin, 1933, т. III, стр. 464.

⁴ Brown, указ. соч., стр. 160.

⁵ Roth, указ. соч., стр. 57.

⁶ Klaatsch H. Schlussbericht über meine Reise nach Australien in den Jahren 1904—1907. „Zeitschr. für Ethnol“, 1907, т. 39, стр. 638—639.

⁷ Elkin, там же.

повременно, но сейчас австралийцы для каждой из целей применяют особый тип церемоний.¹

Отличаясь в частности, все они имеют характерные общие черты. Так, обряды инициума всюду и везде имеют своей целью размножение: у группы тотема Змеи—размножение змеи, у группы тотема Дождь—появление дождя и т. д. Церемонии базируются на убеждении в возможности магического воздействия на тотем, причем это воздействие основано на принципах симпатической магии: для появления ящериц отбиваются и разбрасываются во все стороны куски камня, для размножения личинок ударяют камнем по животам и говорят: „Ты ел моего пищи“, причем имитируют выход личинок из куколки; для получения дождя имитируются движения первых вызывателей дождя—людей-облаков и т. д. Вместе с тем, у всех австралийских племен инициума связана с мифами о „предках“ времен алчеринга, происхождения которых инсценируются, драматизируются или воспеваются. Присутствие этих „предков“ считается необходимым для действенности церемонии.

Обряды это проводятся около сакрального места—„тотемистического центра“, связанного по воспоминаниям с этими „предками“. До окончания обряда во всех случаях воспрещается вкушение пищи и питье воды, а по окончании тотемистической главари ест немного мяса своего тотема (если он съедобен) и, затем передает его другим, причем есть тотем можно только в ограниченных количествах и самые невкусные его части.²

Правда, Спенсер и Гиллен считают, что выполнение обрядов „не связано в уме туземцев с идеей призывания помощи какого-либо сверхъестественного существа“³, но Штрелов дает подлинные тексты песен, содержание которых представляет эпизоды странствований предков и описание жизни и привычек тотемистических животных и растений.⁴

У арабана, например, миф рассказывает, что во времена алчеринга старик Киравава, по имени Мутапатта, принадлежащий к тотему Дождя, появился у водной скважины Тжантжуанперта, где находился центр тотема Дождя, со своим маленьким внуком. У старика было много гипса, который он тщательно растер и разбросал, чтобы вызвать облака. Через известное время старик и его внук спустились на землю в виде дождевых туч, затем они снова поднялись на небо в виде облаков, и вскоре полил дождь, наполнив все сосуды. Снова они спустились на землю уже в виде людей и отправились в долгое странствование, но время от времени снова поднимались на небо, образуя длинную низкую цепь облаков и вызывали дождь. У родника, где они поселились, их встретил один старик—вождь, прибывший из страны араида. Последний украл у Мутапатта четыре из пяти полосок из мягких перьев, которые тот носил на животе, и вернулся в свою страну... На большом расстоянии от этого места жил другой человек—вождь племени арабана, по имени Минтали. Он увидел издалека появляющиеся и исчезающие облака и тоже создал известное число людей-дождь, которые поднялись на небо в виде облаков. Два облака встретились друг с другом и смешались. В конце-концов все они направились в область вонкоугару, где они опустились на землю

¹ Strehlow, указ. соч., т. III, стр. 1—2.

² Spencer and Gillen, 1899, стр. 168 и сл., 199 и сл.

³ Там же, стр. 170.

⁴ Strehlow, там же, стр. 56.

и оставили после себя большое количество май-аурли. И в напоми-
вание об этом событии дождь вызывает тотемистический главарь
Тжантжуанперта. Для этого он при совершении обряда надевает
особый головной убор из волосяных веревок, сплошь покрытый белыми
перьями, который расстилается по его плечам и груди. Поперек его
живота кладется единственная полоска из этих перьев, по одному
перу кладется по обе стороны позвоночника. Пучки перьев сокола
свешиваются с его пояса, пучок перьев какаду венчает его головной
убор. В руках он держит копьеметалку.

Церемония *интичнумы* несложна:

Тотемистический главарь садится на корточки впереди нескольких
человек-слушателей. По обе стороны его сидят по одному человеку,
которые ударяют о землю, в то время как все поют хором несложный
припев.

Совершающий обряд затем поднимается в согнутой позе с земли,
выбрасывая и двигая копьеметалкой вперед и назад, дрожа всем те-
лом и поворачивая свою голову во все стороны. В промежутках он
приподнимает свое тело, как бы пытаясь подняться с земли, и в то
же время пристально смотрит на небо, подражая тем людям-облакам,
которые в стародавние времена имели обыкновение отправляться на
небо, образуя облака, из которых шел дождь. Затем он внезапно са-
дится, и весь обряд оканчивается.¹

Еще более просто происходит обряд *интичнумы* тотема белого
какаду в Центральной Австралии. Главарь держит условное изобра-
жение какаду, подражая его крику всю ночь. Когда он устает, его
сменяет сын.²

Так примерно, происходит и обряд *интичнумы* у других тоте-
мистических групп и племен с той лишь разницей, что он может быть
и более сложным.

Как сообщает ряд исследователей, обряды эти проводятся повсе-
местно тотемистическим главарем, который и назначает точный срок
обряда, причем обычное время, на которое он назначает, приходится
на наступление того сезона, когда тотемное животное начинает раз-
множаться, растение цвести и т. д. Весьма интересным является то,
что по сообщению Спенсера и Гиллена, у варрамунга обряд размно-
жения ящерицы выполняла женщина.³ Не менее интересным является
сообщение Броуна, что на крайнем северо-западе Австралии обряды
совершались всеми членами локальных групп, не исключая и женщин⁴,
что не наблюдается в Центральной Австралии.

Инициации распространены среди австралийских племен не ме-
нее широко. Эти обряды бывают разных типов. Одни из них связаны
с посвящением юношей, другие, высшего порядка, допускаются толь-
ко для вполне взрослых мужчин.

Присутствие на этих обрядах разрешается только полноправным,
посвященным членам племени.

На посвящениях низшего порядка перед юношей раскрывают пре-
дания старины, тайны верований. Перед их глазами происходят свя-
щенные мистерии, содержание которых, всегда разнообразное и завни-
сющее от того, кто их проводит, воспроизводит отдельные эпизоды
из жизни тотемистических предков. Каждый обряд этого типа обяза-

¹ Spencer and Gillen, 1904, стр. 284—286; Spencer, 1928, стр. 8.

² Spencer and Gillen, 1899, стр. 226—227, 286.

³ Spencer and Gillen, 1904, стр. 311.

⁴ Броун, указ. соч., стр. 460.

тельно связан с этими „предками“ и священными реликвиями — чурчигами, оставленными будто бы этими предками.¹

Посвящение высшего порядка известно у арабана и диери под названием вильяру, у араанда — под названием энгура. Эти посвящения у арабана сопряжены с обрядом испытания огнем и надрезыванием и тоже связаны с „предками“ алчеринга.

Только вполне взрослому мужчине можно готовиться стать вильяру.

Вся дичь, убитая посвящаемым, считается добычей для уже посвященных, которые берут то, что им нужно, а к остальному прикасаются своими губами и опять вручают его молодым мужчинам. Считалось, что пренебрежение этой обязанностью влечет за собой накопление жира в теле, которое в конце-концов должно вызвать смерть.

Заключительная часть этого обряда у арабана, общая для племен диери, вонконгару и, видимо, многих других родственных племен, длится у арабана непродолжительное время. В этой части обряда важное место занимает укладывание мужчины на землю. Все присутствующие мужчины, которые сами обязательно должны быть посвященными, жестоко бьют его и, наконец, двое мужчин, в том числе и брат матери, делают ряд надрезов числом от 4 до 8-ми вдоль спины, по обеим сторонам позвоночника и один средний — на шее под затылком.

Миф, связанный с церемонией, гласит, что надрезы, которые делаются на теле посвященного, изображают птицу каравайку, которая во времена алчеринга послужила орудием, причинившим смерть предку — большому соколу, убивавшему и съедавшему австралийцев. Этого сокола по этой причине не едят.²

Примеры можно было бы бесконечно продолжать, ибо варианты этих обрядов бесчислены. Дело в том, что каждый из обрядов является достоянием тотемистической группы (у племен арабана, диери и варрамунга и т. д.) или отдельных лиц (у араанда, напр.³) и, в силу этого, он может быть выполнен лишь определенными людьми⁴, которым известны детали, являющиеся собственностью данной группы и имеющие особо важное значение, ибо именно знание деталей дает, по их убеждению, власть над тотемным видом. Для нас же в данном случае важно не различие, а сходство. Оно заключается в том, что, во-первых, при выполнении всех обрядов рассказывается об аналогичных похождениях „предков“, во-вторых, предполагается, что эти легендарные предки в той или иной форме присутствуют во время выполнения церемоний.

* * *

Мы выяснили все ингредиенты тотемистического комплекса. Попытаемся же сейчас выяснить, что привнесено сюда извне и к этому комплексу вообще отношения не имеет, что является более архаичным, что возникло позже.

Так же, как при описании отдельных элементов этого комплекса, мы начнем с экзогамии:

Проблема экзогамии крайне сложна и запутана и до сих пор не разрешена.

¹ Spencer and Gillen, 1899, стр. 119.

² Указ. соч., стр. 641.

³ См. Spencer and Gillen, 1904, стр. 305—306.

⁴ Указ. соч., стр. 193.

⁵ Spencer and Gillen, 1899, стр. 226.

Несомненным является лишь то, что экзогамия — категория историческая, что она возникла лишь на определенном этапе развития. Отражением этого является то, что в австралийских мифах предки изображаются нарушающими экзогамию¹. Отсутствием всяких брачных ограничений в прошлом объясняется и нарушение экзогамии во время корробори.

Мы не можем взять на себя решение сложной и интересной проблемы происхождения экзогамии не только потому, что это выходит далеко за рамки нашего исследования, но и потому, что нельзя не согласиться с высказываниями С. П. Толстова и М. О. Косвена на интересной дискуссии, организованной Институтом этнографии АН СССР в апреле 1947 г., что для решения этой проблемы необходимо услышать окончательное мнение биологов и антропологов о вредности инцеста, необходимо разрешить ряд вопросов, связанных с проблемой кровно-родственной семьи, половыми запретами, системой брачных запретов и т. д.²

Мы не имеем права, однако, уклониться от решения двух вопросов, связанных с интересующей нас проблемой: относительной древности тотемизма и экзогамии и отношения тотемизма к экзогамии и обратно.

Для разрешения интересующего нас вопроса необходимо выяснить, какой социальный строй существовал у австралийцев.

Среди советских ученых долгое время имела значительное распространение концепция тотемизма Н. Я. Марра, тесно связанная с так называемым „новым учением о языке“.

По утверждению Н. Я. Марра, на древней ступени развития первобытного общества, до появления рода, существовал особый тотемистический социальный строй³, при котором, якобы, существовали тотемные производственные объединения — „коллективы людей с охотничьим производством“⁴. В этом обществе уже существовали, по утверждению Н. Я. Марра, классы и классовые языки⁵.

„Ученики“ Марра в этнографии объявили его теорию марксистской и стали её „уточнять“, не понимая, что он был всего лишь упрощителем и вульгаризатором марксизма⁶.

Одни из них утверждали, что и у австралийцев существовало какое-то „тотемистическое общество“, предшествующее, по их утверждению, роду: другие, опираясь на утверждение Марра, что наличие личных и притяжательных местоимений в австралийском языке является признаком существования у них экономического обособления личности, обнаружили у них... геронтократию, угнетенное положение женщин и даже частную собственность.

Между тем Морганом давно доказано, что у австралийцев возникают роды. Эти роды он видел именно в тотемистических группах.

Эти данные использовал в своих теоретических обобщениях Ф. Энгельс.

Хотя Энгельс и Маркс нигде не употребляют слова тотемизм, но очевидно, что в Австралии они видят возникающий род именно в тотемистических группах⁷.

¹ Spencer and Gillen, 1909, стр. 418—419.

² Золотаревская И. Дискуссия о проблеме экзогамии, „Сов. этн.“, 1947, № 3, стр. 152.

³ Марр Н. Я. Избранные работы, т. II, стр. 273, 312, т. V, стр. 523, 506, 514.

⁴ Марр, указ. соч., т. II, стр. 288.

⁵ Марр, указ. соч., т. V, стр. 510.

⁶ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания, [М.], 1950, стр. 40.

⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, стр. 40.

Морган строил свои выводы на основании исследования формы брака австралийцев. Было бы, конечно, очень интересно и крайне важно дополнить эти положения новейшими данными, касающимися других сторон социальной организации австралийских тотемистических групп. К сожалению, мы должны признать, что несмотря на то, что австралийцы изучены неплохо, об этой стороне жизни австралийцев наши сведения очень скудны. Объяснить это можно тем, что при наличии локальных форм тотемизма трудно решить, что относится к социальным связям тотемистических групп, что — к территориальным. При наличии же „рассеянного“ тотемизма локальные связи, опять-таки, очень часто затемняют тотемистические.

И все же, несмотря на скудность сведений, мы можем сделать весьма интересные дополнения, показывающие, что Морган был прав.

О племени днери, как мы помним, Хоунт сообщает, что члены одного тотема держатся вместе, живут и едят совместно, ссужают друг другу своих женщин. Первым вопросом при встрече является: „какой твой тотем?“. И члены одинаковых тотемов, даже пришедшие за сотни миль, могут рассчитывать на радушный прием.

Еще более интересны факты, касающиеся северо-западной Виктории: тотемистические группы не играют здесь роли в повседневной жизни, но зато играют роль при погребении и кровной мести¹. А ведь обязанность кровной мести и общее кладбище — важнейшие элементы родового строя. А если мы добавим к этому строгую экзогамия тотемистических групп, наличие общего предка, особого тотемистического главаря локальных групп, осуществляющего сношения с „предком“, существование особого названия для тотемистической группы, то перед нами налицо все основные элементы *возникающего родового строя*.

Если так называемые „тотемистические группы“ мы признали возникающими родами, то очевидно, что и экзогамия и специфическое отношение членов рода друг к другу и другим тотемистическим группам объясняются не тотемизмом, а этим же социальным строем: ведь экзогамия и обязанность взаимной помощи, наряду с кровной мстью и общим кладбищем, является одним из основных признаков рода.

Это дает нам основание внести первую существенную поправку в существующие определения тотемизма: если Фрэзер признает тотемизм „полусоциальной—полусуеверной“ системой, а Риверс социальной, то мы рассматриваем его лишь как *религию* возникающего рода. В этом аспекте мы и рассмотрим основные элементы тотемистического комплекса.

Прежде всего следует рассмотреть вопрос об экзогамии и ее отношении к тотемизму.

Так как у австралийцев мы наблюдаем возникающий род, то очевидно, что экзогамия неразрывно связана с родом, так как без экзогамии род не может возникнуть. И все же тотемизм и экзогамия различны по своему происхождению, ибо основное назначение экзогамии, по-видимому, сужение числа кровных родственников, вступающих в брак, или может быть, уменьшение столкновений между разными группами, а тотемизм, как и всякая религия в первобытном обществе, выражает бессилие человека в борьбе с природой.

¹ Cunow H. Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttgart, 1891, стр. 94.

Если тотемизм постоянно перешлетается с экзогамией, то это объясняется, главным образом, тем, что тотемизм освящает, как и все религии, и отношения родства, и брачные отношения.

Перейдем к *инициациям*.

Единственное, что связывает инициации с тотемизмом, это то, что при посвящении юношам сообщают тотемистические мифы, открывают вообще все тайны, связанные с тотемизмом. Утверждать на этом основании, что без тотемизма не было бы инициаций, мы, конечно, не можем, даже, если возникновение этих институтов совпало по времени. Этнографии известны племена, у которых есть инициации, но нет тотемизма. Правда, эти племена стоят на более высокой ступени общественного развития. Но если, несмотря на исчезновение у этих племен тотемизма или сохранение его только в виде пережитков, инициации все же уцелели, то можно допустить, что они не связаны с определенной формой религиозных верований. Не решая вопроса о времени возникновения обрядов посвящения, мы полагаем, что и эти институты гетерогенны, что происхождение инициаций иное: по-видимому, они отражают столь важный переломный момент в жизни первобытных людей, как наступление зрелости; проводимые же при этом испытания, порой весьма тяжелые, имели целью воспитать выносливость членов общества, закалить их в борьбе за существование, и лишь позже тотемизм, как и всякая иная религия, освятил эту церемонию.

Несколько иначе обстоит вопрос с иттичумами. Этот институт, несомненно, является насквозь магическим и отражает стремление первобытного человека воздействовать на окружающие его силы природы, перед которыми он себя чувствовал беспомощным, подчинить их посредством магии. С тотемизмом церемония эта связана более прочно, чем инициации, связана, можно сказать, органически. Эта связь выражается в том, что, во-первых, тотемистические предки в той или иной форме привлекаются для ее выполнения, что без участия этих предков обряд, по убеждению австралийцев, не будет действительным. Во-вторых, как мы уже знаем, каждая группа, предполагается, может воздействовать на размножение лишь одной группы объектов, а именно — на тотемный вид. Зависимость между тотемным животным и группой так сильна, что члены иных тотемов часто могут есть это животное лишь с разрешения тотемистического главаря¹.

Связь с тотемистическими предками выражается и в том, что во время церемоний в песнях рассказываются эпизоды их странствования и одновременно дается описание привычек и жизни тотемных животных и растений. Связь между тотемистической группой, „предками“ и тотемным видом так сильна, что, по свидетельству Штрелова, непозволительна церемония, его мифический предок и тотем сливаются в обряде в единое целое². Эта органическая связь иттичумы с тотемом и мифическими предками показывает, что, несмотря на явно магические корни этой церемонии, в Австралии она неразрывно связана с тотемистическим комплексом и, следовательно, составляет с ним органическое целое, хотя корни этого обряда, чисто магические, и могли возникнуть независимо от тотемизма, даже раньше его. Тот факт, что во верованиях австралийцев без содействия предков не будет иметь место и размножение лишнего тотемного вида, позволяет, нам кажется, сделать вывод, что у наиболее примитивных по общественной органи-

¹ Spencer and Gillen, 1901, стр. 305.

² Кларк, соч. т. III, стр. 5—6.

зации из известных нам племен мира, интичиума является основным обрядом тотемизма.

Так же обстоит вопрос и с реинкарнацией. Возможно, что вера в перевоплощение возникла независимо от тотемизма. Такое предположение вероятно уже потому, что эти представления относятся к кругу анимистических, и в силу этого, могут возникнуть независимо от тотемистических. Можно допустить, что анимизм возник раньше тотемизма, но позднее слился с тотемизмом, был окутан покровом тотемистических представлений. Возможно, с другой стороны, что эти представления возникли и позже или одновременно с тотемизмом. Решить этот вопрос только на основании этнографических данных нам представляется невозможным и поэтому мы вернемся к этому вопросу несколько позже, при рассмотрении археологических данных. Очевидно, однако, что вера в перевоплощение тесно переплетается с тотемизмом, а перевоплощение является неотъемлемым атрибутом тотемистического предка.

Почитание тотемного вида могло появиться, по-видимому, лишь с осознанием кровного родства. Очевидно, что такое почитание могло появиться лишь с возникновением веры в происхождение от тотемистических предков, явилось следствием развития этих представлений.

Таким образом, лишь вера в происхождение от тотемистических предков, обладающих способностью перевоплощения и название по тотему, могут быть признаны основой тотемистических представлений, их первоначальным ядром, а интичиума основным обрядом тотемизма. Вероятно этим следует и объяснить, что в австралийских фратриях, которые мы признали наиболее архаической группировкой, из всего тотемистического комплекса и сохранились только названия и легенды о происхождении от тотемистических предков. Но название по тотему является, понятно, следствием наличия тотемистических предков, веры в происхождение от последних. Сохранение этих названий свидетельствует о том, что в прошлом у всех фратрий были и легенды о происхождении от тотемистических предков. Эти легенды исчезли потому, что с расщеплением первоначальных родов и возникновением фратрий, в таких легендах исчезла надобность, ибо основной социальной организацией стал новый род.

Вера в происхождение от общих предков, даже культ предков, очень широко распространены среди первобытных племен, и если бы не были обнаружены характерные особенности тотемистических воззрений, то едва ли проблема тотемизма была бы вообще поставлена. Особенность же этих представлений заключается, как мы помним, в том, что тотемистическая группа носит название по животному, растению и предмету неодушевленной природы, почитается группой тоже растение, животное и т. д., при том не отдельная особь, а весь вид, в то время, как мифические предки изображаются фантастическими существами — полулюдьми-полуживотными или полулюдьми-полурастениями и т. д., или одновременно животными или растениями и людьми, обладающими способностью превращаться в одушевленные и неодушевленные предметы, по своему желанию. Именно в этом и заключается основное характерное в тотемизме.

Теперь, после рассмотрения всех элементов тотемистического комплекса, мы можем уточнить наше определение тотемизма, сделав при этом оговорку, что имеем сейчас в виду не тотемизм в его исходной форме, а, так сказать, „этнографический“ тотемизм, т. е. тотемизм, бытовавший у отдельных племен мира, известных нам по письменным источникам.

Тотемизм в нашем понимании является религией возникающего рода и выражается в вере в происхождение рода от предков, представляемых в виде фантастических существ—полулюдей-полуживотных, полурастений или объектов неодушевленной природы или людей, животных или растений одновременно, обладающих способностью реинкарнации. Родовая группа носит имя породы тотемного животного, вида растений или предмета неодушевленной природы и верит в родство с тотемным видом и в воплощение тотема в членов рода и обратно. По отношению к тотему группа проявляет в тех или иных формах почитание, выражающееся в частичной или полной табуации всего вида животных, растений и т. д., имя которого она носит.

Но тотемизм, как и всякая религия, является не „адекватным идеологическим отражением“ родового строя, как это утверждал А. М. Золотарев, но фантастическим отражением примитивных материальных условий жизни и социальных отношений бродячих охотников и собирателей—австралийцев, отражением их бессилия в борьбе с природой, „которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются как скот“¹. Эти силы природы, как отмечает Энгельс, „представляют-ся первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он уподобляет их себе путем олицетворения“². В тотемизме и отражаются в фантастической форме те предметы и явления природы, от которых австралийцы зависели в повседневной жизни.

* * *

Для завершения вопроса о сущности тотемизма, нам остается выяснить последний вопрос, имеющий большой интерес для изучения первобытной религии: является ли тотемизм религией или же только одним из элементов первобытной религии.

Тотемизм, несомненно, вмещает в себя олицетворение сил природы. Широко известно распространение в Австралии тотемов дождя, ветра, солнца, звезд и т. д. Эти предметы и явления природы тесно переплетены с тотемистическими представлениями, не выделяясь, однако, в особый культ.

Несколько иначе обстоит дело с магией и анимизмом. Мы уже отмечали, что вера в перевоплощение относится к явлениям чисто анимистического порядка, а ичтичиумы — магического. И в самом деле: для того, чтобы могла существовать вера в перевоплощение, должно существовать представление о душе, а для существования убеждения в возможность воздействовать на размножение тотемного вида посредством церемонии должно существовать воззрение, что магическим путем можно воздействовать на окружающие силы природы. Этого одного достаточно для доказательства, что тотемизм тесно переплетается с анимизмом и магией. Но в нашем распоряжении имеются и иные данные, показывающие, что эти представления существуют и параллельно тотемизму, так сказать, сосуществуют с ним.

Доказательства существования у австралийцев анимизма мы видим в широком распространении в Австралии веры в духов, в частности

¹ Маркс и Энгельс, собр. соч., изд. 2-е, т. III, стр. 29.

² Маркс и Энгельс, собр. соч., т. XIV, стр. 377.

злых. Способностью вызывать этих духов обладают, по убеждению австралийцев, старейшие члены группы¹, главным образом знахарь².

Не менее широко распространена магия. Если австралиец сомневается в существовании у него самого магической силы, то он убежден зато, что все прочие люди такую силу имеют³. Женщины, по убеждению австралийцев, обладают магической силой в сфере половой. Они могут применять любовные чары⁴, губить магическим путем свою соперницу⁵, вредить половым органам мужчины⁶. Мужчина тоже может причинить вред, даже смерть, врагу, причем чаще всего в этом заподозревается человек из враждебной группы⁷. Знахарь дивной группы должен лечить болезни, причиненные злой магией врага⁸, а знахари враждебной группы напускают эти болезни⁹.

Очевидно, что с тотемизмом тесно переплетается и фетишизм. Так, Ю. П. Францов вполне прав, относя к фетишам чуринги¹⁰. Точно также правильно будет отнести к фетишам сооружения из копий и палок, украшенных пухом, перьями в форме шлема на голове, щита, креста, ромба и т. п. — «пуртуны» и «нининги», употребляемые при тотемистических церемониях и связанные с соответствующим тотемом¹¹. Побывав раз в употреблении, они отождествляются с тотемом и считаются священными¹².

Все сказанное заставляет нас сделать вывод, что тотемизм не является единственной формой первобытной религии, что он является лишь одним из ее элементов. Наряду с ним существуют и олицетворение сил природы, и анимизм, и фетишизм, и магия, которые, однако, отступают по отношению к тотемизму на задний план и получают тотемистическую окраску.

II. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТОТЕМИЗМА

Выяснение сущности тотемизма позволяет перейти к рассмотрению вопроса о распространении тотемизма.

Большинство исследователей считает тотемизм явлением универсальным, присущим всем племенам и народам мира на известном этапе их развития. Однако значительная часть буржуазных ученых, главным образом сторонники американской «исторической школы» и представители реакционной школы «культурных кругов» утверждают обратное.

Как известно, эти «школы» отрицают закономерность исторического развития, превращают историю в совокупность отдельных неповторимых явлений и событий. Неудивительно, что сторонники этих школ считают и тотемизм явлением случайным, ограничивают его распространение особой территорией или особым «культурным кругом».

Широкое, почти универсальное, распространение тотемизма было в свое время доказано Фрэзером в его фундаментальных работах

¹ Eulmann, указ. соч., стр. 282.

² Spencer and Gillen, 1899, стр. 15, 515.

³ Там же, стр. 130.

⁴ Spencer and Gillen, 1904, стр. 465.

⁵ Там же, стр. 464—465.

⁶ Там же, стр. 464.

⁷ Там же, стр. 31—32.

⁸ Там же, стр. 479—480.

⁹ Fison and Howitt, 1904, стр. 482.

¹⁰ Францов Ю. П., Фетишизм и проблема происхождения религии, М., 1940, стр. 63—64.

¹¹ Spencer and Gillen, 1899, стр. 346.

¹² Там же, стр. 226—227, 286.

„Тотемизм и экзогамия“ и „Тотемика“. Но Фрэзер отрицал бытование тотемизма или считал недоказанным его существование у ряда народов и племен мира, в частности у семитов, арийцев, народов Сибири. Эти пробелы, вполне понятные в исследовании столь крупного масштаба и объясняемые, в значительной степени, состоянием источников, были использованы сторонниками отмеченных чаш „школ“. Так, американский этнограф Лоуи, основываясь на том, что у некоторых племен (тасманийцев, бушменов и др.) не было, якобы, тотемистических родов, не только отрицал универсальность тотемизма, но утверждал, что и родовая организация не обязательна¹.

Очевидно, что окончательное решение вопроса об ареале тотемизма возможно лишь на основании фактов. Необходимо не только мобилизовать новый, накопленный за последние десятилетия этнографический материал, но и критически пересмотреть и многие старые этнографические источники, так как некоторые буржуазные этнографы, изучающие тотемизм, в силу неверной методологии или тенденциозности проходили мимо ряда фактов наличия тотемизма. К тому же не использованы труды русских путешественников и ученых. Игнорировались ими и труды советских ученых, в результате плодотворной работы которых было собрано и опубликовано много новых интересных данных в области тотемизма.

Но количество племен и народов, у которых тотемизм сохранился в пережиточной форме, очень велико, а проявления тотемизма, в силу специфики социально-экономических условий и неравномерности исторического развития этих племен и народов бесконечно разнообразны. Поэтому мы считаем необходимым изложить те основные мотивы, которыми мы руководствовались при установлении пережитков тотемизма.

Так как веру в происхождение от тотемистических предков, название по тотему и как следствие этого, признание родства с тотемным видом, мы считаем основным в тотемизме, то наличие любого из этих элементов, тем более нескольких, является несомненным пережитком тотемизма.

Так, название фратрии или рода, тем более материнского, по животному, растению или неодушевленному объекту (если, разумеется, не будет доказано позднее происхождение этого названия) признается нами пережитком тотемизма даже в том случае, если все остальные элементы тотемистического комплекса будут отсутствовать, ибо первоначально такое название было неразрывно связано с верой в происхождение от эпонима и родство с тотемным видом. Однако, название племени и тем более народности, по животному или неодушевленному предмету, с нашей точки зрения, только тогда может быть признано пережитком тотемизма, если налицо будет какой-либо другой важный элемент тотемистического комплекса (вера в происхождение от эпонима, почитание тотемного животного или растения, выполнение обряда интичиумы и т. д.).

Вера в происхождение от фантастических существ полулюдей-полуживотных или животных, растений и сил природы или от брака людей и животных точно также считается нами доказательством бытования в прошлом тотемизма, особенно когда название рода совпадает с этим легендарным предком. Даже в том случае, когда какое-

¹ Lowie R. A new conception of totemism. „Amer. Anthropol.“, 1911, т. 13, № 2; См. также Haeckel I. Die heutige Stand der Totemismus-problems., Mittel. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien., т. 82, № 1—3, 1953, стр. 43.

либо животное или объект природы рассматриваются как покровители рода, семьи или отдельной личности—это является, с нашей точки зрения, следствием видоизменения старых тотемистических представлений, их пережитком или реминисценцией, в зависимости от того, на какой ступени общественного развития находится данное общество и какие другие элементы тотемизма в нем сохранились.

Так как при образовании классового общества духи-предки отдельных племен, даже родов, включаются в пантеон богов и часто сохраняют при этом свой зооморфный вид или представляются в антропоморфном виде, но обладающими способностью превращения в животных, то все такие представления являются, с нашей точки зрения, отзвуком тотемизма.

Этнографические данные показывают, что у тех отсталых племен, у которых бытовал тотемизм, была и вера в реинкарнацию родовой группы в тотем и обратно. Археологические памятники позволяют сделать вывод, что и в верхнем палеолите, когда, по-видимому, как мы увидим ниже, тотемизм возникает, была и вера в перевоплощение. Стало быть, эта вера изначально переплетается с тотемизмом и неотделима от него. Поэтому во всех случаях, когда мы констатируем веру в воплощение в животных, растения и т. д.—налицо пережиток тотемизма, независимо от того, верит ли в это род, семья или отдельный человек.

Хотя интитууму мы признали основным обрядом тотемизма, а запреты, связанные с тотемным видом и ритуальное вкушение тотема наблюдается у всех наиболее примитивных тотемистических племен, мы не можем только на основании этих обрядов установить наличие тотемизма, ибо в более развитых обществах эти обряды могут быть и иного происхождения. Осторожность требует, чтобы для признания их тотемистическими были и другие доказательства существования у данного племени или народа в прошлом тотемизма (например, выполнение обрядовых песен или рассказы о похождениях легендарных предков во время совершения церемонии интитуума и т. д.). Каждый подобный факт мы поэтому разберем отдельно. Точно также мы особо рассмотрим и другие проявления тотемизма у разных племен и народов, о которых нами сейчас не сказано.

* * *

Согласно Фрэзеру, географическое распространение тотемизма таково: в Австралии тотемизм универсален. В Северной Америке он распространен или был распространен среди всех племен востока и Скалистых гор и среди всех индейских племен (не эскимосов) на северо-западном побережье, так же как и на южной границе Соединенных Штатов, в Западном Вашингтоне, северо-западном Орегоне, Калифорнии, по-видимому, в Панаме. В Южной Америке он распространен среди гоахино на границе Колумбии и Венесуэлы, у араваков и лесных негров в Гвиане, у аборигенов Перу, у племен салива на Ориноко, а также в Патигонии.

В Африке тотемизм обнаружен в Сенегалии, среди бакалов на экваторе. Следы тотемизма имеются в Южной Африке среди домара и бечуанов, у ашанти в Западной Африке, среди галла в Восточной Африке. Тотемизм отмечается и в отдельных провинциях Абиссинии и у мьянговцев на Мадагаскаре.

Фрэзер отмечал существование тотемизма у ряда неафриканских племен Индии, у якутов и алтайцев в Сибири, и Полинезии на Самоа.

в Меланезии на Фиджи, на Новых Гебридах и Соломоновых островах. Он признавал существование его в Индонезии, на Филиппинских островах.

Он видел следы тотемизма у египтян, но считал едва ли доказанным существование тотемизма в прошлом у семитов, греков и латинян¹.

Несмотря на существующее некоторое расхождение между определением тотемизма, предложенным Фрэзером и нашим, у нас нет оснований не признать тотемистическими племена им описанные, за некоторыми, может быть, исключениями, ибо в оценке основных элементов тотемистического комплекса у нас, в большинстве случаев, нет расхождений. Однако не все исследования были им использованы. В частности, им совершенно обойдены труды русских и советских ученых. Вот почему мы намерены посвятить наше исследование, главным образом, тем племенам и народам, которые не освещены трудами Фрэзера или же у которых им тотемизм отрицается. И только в тех случаях, если новые данные уточняют его сообщения или если у того или иного народа или племени наблюдались формы тотемизма, важные для выяснения эволюции тотемистических представлений, мы уделим внимание тем племенам, у которых Фрэзер уже признал наличие тотемизма.

Распространение тотемизма, как действующего института или в виде пережитков на основании последних этнографических данных представляется в следующем виде:

Тасмания. Тасманийцы представляют для нас особый интерес, ибо эти племена были, по единогласному утверждению всех исследователей, несомненно более примитивны по социальной организации, чем все известные нам племена мира.

Фрэзер отрицал наличие у тасманийцев тотемизма. Нам кажется, однако, что это утверждение Фрэзера ошибочно. Опираемся мы всего на два факта, но имеющие, на наш взгляд, важное значение:

1. По сообщению Бонвика, западная часть тасманийцев считала себя подобными кенгуру².

2. Лорд Монбоддо передал их следующий рассказ о сотворении первых людей: „Они были созданы доброжелательным существом с хвостом и без коленных суставов; другое существо спустилось с неба и из сожаления к страдальцам отрезало им хвост и с помощью жира сделало гибкими их колени“³. Линг Рот считал, что этот рассказ, возможно, придуман Монбоддо, но нам этот рассказ крайне напоминает представления о фантастических существах—предках, бытующие у австралийцев. Вот почему у нас не вызывает сомнений, что сообщение это отражает в общем правильно действительные воззрения тасманийцев.

Сообщение Бонвика о том, что часть тасманийцев уподобляли себя кенгуру, заставляет нас сделать вывод, что, по-видимому, и вера тасманийцев в инкарнацию—порядка тотемистического. Но вера в существование предков—фантастических существ и вера в возможность превращения в животных и обратно и составляет основное ядро тотемистических представлений. Значит, и у тасманийцев существовал тотемизм, хотя, может быть, в форме, несколько отличной от бытующей

¹ Frazer, указ. соч., т. I, стр. 84—86; Frazer J. Totemica. L., 1937.

² Bonwick J. Daily life and origin of the Tasmanians. L., 1870, стр. 182.

³ Ling-Roth H. The aborigines of Tasmania. Halifax, 1899, стр. 61.

щей в австралийских тотемистических группах¹. Но ведь тасманийцы, как мы уже указали, значительно примитивнее австралийцев по социальной организации.

В Австралии тотемизм был обнаружен у всех племен.

В Океании Фрэзером отмечено наличие тотемизма или его пережитков на следующих архипелагах и группах островов: на островах Торрессова пролива, в Британской Новой Гвинее, на архипелаге Ару, на островах Добу, св. Матвея, Керуэ, Андра, Новая Британия, Новая Ирландия, о-вах Банка, на Соломоновых островах, в Лузиадском архипелаге, на Тробрианских островах, на Новых Гебридах, на о-ве Фиджи, на о-вах Каролинских, на о-вах Санта-Крус, Самоа, Ротума, Гавайских о-вах, о-ве Таити, о-вах Нукулаелае, на о-вах Тонга, Мауи. В Индонезии—на Суматре, Гуру, на Борнео у морских даяков, на о-вах Мацвисур и Ветар².

Круг племен Океании, у которых следует признать в той или иной форме тотемизм, можно значительно расширить, а в некоторых случаях и данные о тотемизме тех племен, у которых он уже зафиксирован, уточнить и углубить.

Пережитки тотемизма наблюдались на о-вах Мельвиль и Батерст, у австралийского племени тиви. У него зафиксированы тотемистические роды с материнской филиацией, причем каждый род считал, что находится в родстве с одним, реже с двумя, а в одном случае с тремя видами предметов неорганической природы. Каждый тотем ассоциировался с определенной местностью³. То же прослежено у папуасов восточных островов Торрессова пролива, имеющих отцовскую филиацию: они делились на две группы—крокодил-акула и казуар-собака.⁴

Зелигман доказал, что у меланезийцев роро в Британской Новой Гвинее существовали тотемистические „гербы“ родов (птицы, рыбы, ящерицы и т. д.)⁵.

Вильямс сообщает, что папуасы дельты Пурари делились на подразделения, каждое из которых имело в мужском доме свое плетеное изображение чудовища—„Кайемуну“ и имело пищевые запреты на виды животных—„имунни-ви“. Они были рыбами, иногда крокодилами, ещё реже змеями или свиньями. Некоторые племена считали „Кайемуну“ их предком⁶.

¹ У тасманийцев, возможно, отсутствовало запрещение есть тотемное животное или запрет был более слабым, чем в австралийских родах. Правда, у отдельных племен существовало строгое табу, которое не мог нарушить самый сильный голод на самцов, а у других племен, на самок валляби (Пиотровский А. Б. Тасманийцы, „С. Э“, № 3—4, 1933, стр. 174), по это табу, по-видимому, не тотемистического порядка, потому, что, во-первых, оно распространялось на всех членов племени, а не его подразделения, а, во-вторых, потому, что животное различается по полу. К явлениям так называемого полового тотемизма этот запрет, несомненно, отношения не имеет ибо в этом случае мужчины и женщины одного племени не ели бы животных разного пола, а у тасманийцев запрет распространялся и на мужчин и на женщины племени, причем и те и другие не имели права есть животного одного пола.

Едва ли тотемистического происхождения является и отвращение, которое, по утверждению значительной части исследователей, испытывали все тасманийцы к рыбе. Но, может быть, прав М. О. Косвен, что рыбу не употребляли в пищу лишь отдельные тасманийские роды (Косвен, Очерки истории первобытной культуры, 1953, М., стр. 37).

² Frazer, указ. соч., т. II; его же, Totemica, стр. 261—268, 283—287, 319.

³ Hart С. H. M. The Tiwi of Melville and Bothrst Islands. „Oceania“, 1930, № 2, стр. 276 и сл.

⁴ Landin и G. The Kwai papuas of British New Guinea. L., 1927, стр. 190.

⁵ Seligman C. G. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910, стр. 249—254.

⁶ Williams F. E. The natives of Purari Delta. „Anthropos“, № 5, 1924, стр. 142 и сл.

Папуасы, обитающие в дер. Мавата на р. Катау, делились на тотемистические роды. Роды имели один главный и несколько дополнительных тотемов, причем главный тотем одной группы мог быть дополнительным для другой. Тотемы передавались по отцу, но мужчины принимали главный тотем матери. Брак между лицами, имеющими один и тот же главный тотем, был строго воспрещен. Тотемами были животные (собака, крокодил, орел, белая цапля и т. д.), растения (банан, кокосовая пальма и т. д.), явления неорганической природы (северо-западный ветер), даже продукты производства (плетеная циновка).

Папуасы о-ва Киваи верили в существование „предков“ полулюдей-полуживотных. Они приходили ночью и женщины жили с ними. Похождения этих мифических существ изображали в особых церемониях. Во время исполнения этих обрядов надевали особый головной убор „дори“, который ассоциировался с легендой о предках¹.

По воззрениям папуасского племени маринд-аним Голландской Новой Гвинеи, их предки, как и предки всех живых существ, были когда-то „Дема“—существами, напоминающими одновременно и животных и людей. Они обладали необычайными сверхъестественными силами, в частности, способностью превращения. С мифами об этих „Дема“ были связаны тотемистические экзогамные родовые подразделения, на которые делилось племя. Были здесь и пищевые запреты².

На островах д'Антраксто, расположенных к востоку от Новой Гвинеи, наблюдались воззрения и обычаи, сходные с маринд-аним. Здесь тоже были запреты на отдельные виды животных и растений, причем верили, что если будет сварен и съеден тотем, то умрет один из членов соответствующей группы. В отличие от маринд-аним эти тотемы были различные не у родов, а у семей, и лица, принадлежащие к одному тотему, могли вступать в брак³.

Меланезийцы округа Массим Британской Новой Гвинеи, в которой входят о-ва Тубетубе, Маршала Беннет, Токуму, Мурнатак и др., по сообщению Зелигмана, делились на экзогамные тотемные роды. Тотем передавался по матери, но табуация распространялась и на тотем отца. Каждый род имел главные тотемы, преимущественно крокодила, ящерицу или птицу и субтотемов. Тотем мог быть и личным для отдельных членов рода⁴. На юге округа тотемом мог быть и весь вид животных и отдельное животное. Тотемами здесь были и растения⁵.

Мало сведений имеется о тотемизме в быв. германской части Новой Гвинеи. Бэтесон сообщает, что латмюлы, живущие на р. Сепик, делились на две патрилинейные фратрии, подразделявшиеся на тотемистические роды, а последние, по выражению автора, на тотемистические линии.

У них существовало ритуальное поедание тотема и запрещение его убивать, нарушить которое было возможно лишь после совершения особой магической церемонии. Повадки тотемных животных и растений имитировались в танцах и плясках. Роды имели „геральдические знаки“, изображавшие тотемы. Была вера в перевоплощение

¹ Landtman, указ. соч., стр. 8—9, 187—193, 131 и сл., 421.

² Wirz P. *Marind-anim von Holländisch Süd-Neu-Guinea*. Hamburg, 1922, т. II, стр. 32 и сл., 47, 77—80, 139—159.

³ Jennes and Ballintyne. *The Northern d'Entrecasteaux*. Oxford, 1920, стр. 66.

⁴ Seligman, указ. соч., стр. 441—448, 675—691, 741—743.

⁵ Armstrong W. E. *Rossel-Island*. Cambridge, 1928, стр. 38.

Население Новой Британии, Новой Ирландии¹, о-вов св. Матвея, Керуа, Андра², герцога Йоркского делилось на матрилинейные тотемистические роды. Тотемами были рыбы, птицы, насекомые, деревья.

На Соломоновых островах каждая семья имела животных, которых было запрещено есть и убивать, причем это объяснялось тем, что их предок превратился в данное животное³.

На островах Шортленд были экзогамные матрилинейные роды, имевшие каждый по два тотема, обычно животных, но пищевой запрет был наложен только на некоторые из них⁴.

На о-ве Сан-Кристоваль население делилось на экзогамные тотемистические роды. Тотемами были преимущественно птицы. Роды по тотему не назывались, но существовала вера в происхождение от тотемов и был запрет есть и убивать тотемных животных⁵.

Тотемистические роды, называемые по животным, имелись на о-вах Бугенвиль, Бука⁶, Тагула, Паанатипани, Тробрианских⁷; на о-вах Санта-Крус существовала и вера в происхождение от тотема и запрещение есть тотем.

На острове Малекула из архипелага Новых Гебрид, Диконом в 1930 г. отмечено существование родов, совпадающих, в большинстве случаев, с деревьями. Роды ассоциировали себя с некоторыми определенными объектами (пальма и другие деревья, птицы, свиньи, крыса и т. д.) и верили в происхождение от них. Дух умершего, по их верованиям, входил в родовое животное. Последним оказывалось уважение, их было запрещено убивать и есть. Одновременно, что весьма интересно, предок деревни или рода имел сакральное место, в котором, по убеждению туземцев, проживало сверхъестественное существо, причем, в отдельных местах, этот дух совпадал с тотемом⁸.

В Полинезии наиболее характерным для всех племен являлась вера в существование богов, воплощающихся в животных. На о-ве Таумаке (о-ва Дуфф) племя делилось на роды Акулы, Черепахи, длинной рыбы; убивать и есть этих животных было запрещено. На о. Ротума главный бог изображался черепахой, другие были воплощены в акуле, ящерице, сове и т. д. Убивать воплощение бога воспрещалось. На о-вах Гервей боги ассоциировались с группами населения, в частности, племя морото с пальмой. У других племен боги воплощались в животных. У отдельных семей были сакральные животные, не являвшиеся таковыми для других семей. Животных этих есть было запрещено.⁹

Один из наиболее распространенных общеполинезийских богов, известный под именами Тагалoa, Та'арoa, Така'oa и пр., носит на о-ве

¹ Bevan G. D. *Malakelang and Polynesian*. I., 1910, стр. 27 и след.; *Polynesian* 1921, стр. 202; *Journal of the Malakelang and Tongariu*. Мельбурн, 1925, стр. 32. *Field Work*, Токелау, стр. 223—225.

² *Field Work*, 1921, стр. 227, 228.

³ Taylor E. *Remarks on Totemism*. „The Journal of the Royal Anthrop. Inst.“, 1886, т. 16, стр. 147.

⁴ *Field Work*, 1921, стр. 2, 11, стр. 27.

⁵ Fox G. E. *The Threshold of the Pacific*, I., 1924, стр. 16 и сл.

⁶ *Handbook of Report on Field work in Bougainville*. „Oceania“, I, III, № 2, 1932, стр. 291 и сл.

⁷ Seligman, 1922, стр. 236, 237.

⁸ Deacon A. S. *Malakelang—a vanishing people in the New Hebrides*, I., 1934, стр. 291, 292, 293.

⁹ Williamson E. *The social and political systems of Central Polynesia*. Cambridge, 1924, т. II, стр. 266—267, 268—269, 270; Haddon F. J. *The social organization of Otago Iwa*. „Oceania“, № 4, 1931, стр. 462.

Пасхи имя Тангароа и выступает здесь в виде тюленя с человеческим лицом. От него вел происхождение местных „королевский“ род¹.

На о-ве Ата существовала вера в происхождение от собаки. На островах Токелау, Эллис, Пенрин зафиксированы верования, аналогичные наблюдаемым на островах Гервей и Ротума. На о-ве Увеа определенные виды рыб, птиц и растений рассматривались как сакральные, причем некоторые были сакральны для всего острова, другие для одной деревни, третьи для отдельных лиц. Они являлись воплощениями богов (предков) и их запрещалось есть. Была легенда о происхождении людей от них.

На Маркизских островах была легенда о происхождении от акулы, пальмы и явлений природы. Есть акулу запрещалось.² Эти обожествленные предки были в то же время людьми. Они обладали способностью перевоплощения в животных. Так, один из этих богов-предков, чтобы вернуть свою жену, обращившаяся голубем³.

На Мокогае главным богом являлась ящерица. На Нукухива была легенда о происхождении человека от угря и девушки, жившей в море. На о-вах Паумоту (Таумоту) также существуют легенды о воплощении богов и животных⁴. Боги могли обращаться в животных и людей. Так, Те Ранги Хироа (П. Бак) сообщает маорийский вариант легенды, распространенной по всей Полинезии, в которой культурный герой Мауи обращает в собаку некоего человека Ри, от которого и пошел весь род собак⁵.

На о-вах Самоа существовала вера в особых локальных и семейных богов, воплощенных в птиц, рыб, в метеор и пр., которые священны для данного района. Есть и сакральные личные животные. На о-вах Тонга также каждая семья и особая территория имели священных богов—атуа, которые были воплощены в животных, камни. Когда атуа—животное, верили в происхождение от него и не ели⁶. Белл же сообщает, что на Тонга были тотемистические роды, но запрет убивать тотемных животных редко соблюдался⁷.

Те Ранги Хироа указывает, что „легенды о первых людях на островах Тонга повторяют самоанскую версию о местном происхождении от червей, которые расплодился в гниющей виноградной лозе“⁸. С. А. Токарев совершенно справедливо отмечает, что „в культуре западной Полинезии, особенно Самоа, сохранилось много архаизмов, в частности пережитки тотемизма. Самоа—едва ли не единственный архипелаг в Полинезии, где сохранились тотемистические верования, почитания семейных и местных покровителей в образе животных. Архаическим мотивом мифологии можно считать рассказ о происхождении людей от червей, а также и тот факт, что божество Тангаллоа сохранило свои, видимо, более древние признаки мифического предка знатных родов“⁹.

Бартон, проведший на Филиппинских островах несколько лет, приводит отдельные мифы племени ифугао. Содержание этих мифов

¹ Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода, М., 1950, стр. 191.

² Williamson, указ. соч., т. II, стр. 280—285.

³ Те Ранги Хироа, указ. соч., стр. 131—136.

⁴ Williamson, указ. соч., стр. 278—285, 293—296; Те Ранги Хироа, указ. соч., стр. 163.

⁵ Те Ранги Хироа, там же, стр. 65.

⁶ Williamson, указ. соч., стр. 219, 252; Те Ранги Хироа, указ. соч., стр. 245.

⁷ Bell S. F. L. The avoidance situation in Tonga. „Oceania“, т. 6, № 3, 1936, стр. 315-316.

⁸ Те Ранги Хироа, указ. соч., стр. 244.

⁹ Там же, стр. 245, прим. 2.

весьма интересно, так как часть из них очень близка к описаниям по-хождений тотемистических предков алчеринга австралийцев. К таким мифам относится, например, «кобра и черный змей», в котором рассказывается, как кобра с Белой горы и черный змей варили рисовое вино, а затем, опьянев, стали похваляться своей силой; кобра в итоге борьбы победила черного змея¹. Несложный сюжет, по-видимому, восходит к архаическим временам, показывает на возможно тотемистическое происхождение мифа.

Батаки делились на экзогамные роды с патрилинейным счетом родства. О различных родах сообщается, что они имели сакральных животных (белый буйвол, тигр, коза и т. д.), мясо которых есть им было запрещено. Этот запрет они объясняли тем, что происходили от этих животных и перевоплощались в них после смерти. В других местах рассказывали, что одно из этих животных спасло предков².

У гаджо в Северном Борнео наравне со змеей и крокодилом почитался тигр, причем это почитание мотивировалось тем, что тигр являлся родственником или предком племени. Его называли «дедушкой» или «старшим братом» и оказывали почести, как последним. Убивать его разрешалось, но следовало перед выстрелом обязательно просить прощение³.

У клемантанов вождь не должен был убивать оленей определенного вида потому, что в такого оленя превратился его предок. Среди них существовала вера в родство и с другими видами оленей, крокодилами и т. д.⁴. Магометанская группа клемантанов — меланау считала своим родственником крокодила, ибо полагала, что один мужчина их группы стал крокодилом. Поэтому они не убивали и не ели это животное.

Пережитки тотемизма существовали у племени бакенга, члены которого считали беркута и пальмовую куницу своими воплощенными предками. Любопытно, что малайцы-мусульмане объясняли, что они не едят свинины потому, что их души воплощаются в животных этого вида⁵.

У ибан (морские даяки) многие племена, семьи и отдельные лица воздерживались от употребления определенных животных или птиц, считая их своими предками. Многие из них считали своим родственником крокодила. Говорили, что дух крокодила иногда воплощается в одного из них. По другой версии, что весьма характерно для племен, стоящих на стадии разложения первобытно-общинного строя, в крокодила, как равно и в тигра и медведя, превращался речной бог Вибаи⁶. Кроме того, у ибан существовали и духи-покровители «ниаронг», являвшиеся во сне в виде человека или животных, которые переходили от отца и деда к ребенку. Приблизительно у одного из пяти бывали такие духи-покровители⁷.

У тобелорезов Джайлоло существовала вера в происхождение от крокодила. По сообщению Хетинга, когда гуру (знахарь) застрелил

¹ Бартоп Р. Ф., Использование мифов как магии у горных племен Филиппин. «Сов. этик.», № 3, 1935, стр. 80-81.

² Encyclopaedie van Nederlandsh-Indie. Gaaga, 1923-1924, т. 6-7, стр. 90; Frazer, указ. соч., т. II, стр. 187-190.

³ Volz W. Nord Sumatra. B., 1919, т. II, стр. 375-376.

⁴ Frazer, указ. соч., т. II, стр. 207, и сл.

⁵ Hose C. The Pagan tribes of Borneo. 1921, стр. 47-48, 81-82.

⁶ Там же, стр. 85-86.

⁷ Hose C. and Mc. Dougall W. The relations between men and animals in Sarawak. «The Journal of the Royal. Anthropol. Inst.» 1901, т. 31, стр. 188.

однажды на реке двух крокодилов, похитивших несколько детей, то один из мужчин этого племени стал упрекать его в этом. Хетингу он объяснил запрещение убийства крокодила тем, что он его прародитель. Когда тот заметил, что вряд ли можно допустить, что его происхождение отличается от других людей, то туземец возразил, что он не хочет этого сказать, но первый из его предков переправился на спине крокодила через реку, поэтому они связаны с крокодилом узами благодарности. Такое же отношение к этому животному наблюдается в деревне Госоме (это название означает на местном языке „крокодил“). Нам кажется, что это подтверждает существование у них в прошлом тотемизма и вместе с тем показывает, как старые представления у них заменились новыми.

Аналогичные представления были у племен о-ва Кей. Здесь встречались семьи, которые воздерживались от мяса некоторых животных, объясняя это происхождением от животного или же тем, что животное является воплощением душ их родственников. Другие семейства имели особое отношение к черепахе, но убивать ее допускалось. Некоторые племена объясняли запрещение есть тотем тем, что их предки спустились по хвосту тотема на остров¹.

На о-ве Сумба (в Тарунге) одному роду запрещалось убивать и есть собак, т. к. их предок был собакой. На о-ве Ломбок собачье мясо было запрещено для трех или четырех местных родов, хотя его потребляли по всему острову.²

На о-ве Бабар некоторые люди считали, что они произошли от дикой свиньи и крокодила, и чтили их.

Как мы видим, тотемизм в Океании и Индонезии был очень широко распространен, но степень его сохранения у разных племен Океании и Индонезии была различна. Наблюдается ряд случаев, когда племена, стоявшие на более низкой стадии общественного развития, сохраняли только следы тотемизма и, наоборот, племена, стоявшие на последней ступени первобытного общества, сохраняли тотемизм, причем такие контрасты наблюдались часто у племен, отделенных небольшим пространством.

Так, большинство папуасов, имевших, как правило, в XIX и даже в начале XX века развитый материнский род, сохранили тотемизм как действующий институт, а папуасы дельты Пурари имели только его следы.

С другой стороны, у большинства полинезийцев, находящихся на грани образования классов и государства, имеющих большие семьи и сельскую общину, также по наши дни бытовали пережитки тотемизма.

Одинаково, как и наиболее отсталые меланезийцы — мекео и роро (Новая Гвинея), так и сравнительно развитые из них (население о-вов Лифу, Керуа, Мота, Аврора) и среди последних — фиджийцы, стоящие на стадии разложения первобытно-общинного строя, до последнего времени сохраняли пережитки тотемизма. Однако у мекео и роро мы находим только слабые его пережитки („гербы“), а у многих более развитых племен значительно более яркие — деление на тотемистические роды, табуацию и т. д.

В Индонезии наиболее отсталые племена бродячих охотников пунан и ибан в конце XIX и начале XX вв. как и все малайцы, имели сравнительно незначительные следы тотемизма, в то время, как более развитые, чем они — земледельцы баттаки, переходящие уже к классово-

¹ Encyclopaedie..., стр. 192.

² Указ. соч., стр. 193.

му обществу, сохранили тотемизм в большей степени, чем, например, наиболее отсталые клемантаны.

Самым интересным является то, что в Океании среди папуасов Маватты, киваи, маринд-аним и др. пышно расцветают тотемистические представления и тотемистическая мифология, очень близкая австралийской.

Объясняется это обстоятельство во-первых тем, что степень изученности племен Океании далеко не одинакова и мы не можем ручаться, что все элементы верований океанийцев зафиксированы исследователями.

Во-вторых, население Океании в разной степени было связано между собою, и некоторые племена в значительной степени смешались друг с другом; в разной степени испытали они и влияние европейской колонизации. К тому же и природная среда значительно различается как на отдельных островах, так и внутри одного и того же острова. Все это привело океанийцев к необычному разнообразию занятий, форм хозяйства, к многочисленным вариантам первобытно-общинных отношений, а отсюда — к неравномерному развитию и религиозных верований.

Фрэзер отмечает, как это указывалось выше, существование тотемизма и его пережитков у ряда племен Южной Америки: у племен салава, у племен пиароа Венесуэлы, у араваков гоахира и уаинуа Колумбии, у индейцев бороро, у индейцев группы жури западной Бразилии, у аборигенов Перу, у араваков Британской Гвианы и у лесных негров Голландской Гвианы, а также в Патагонии.

Критический пересмотр старых источников, а также новые исследования Карстена, Норденшельда, Метро, Стюарда и др. позволили установить наличие тотемизма у ряда иных племен Южной Америки.

Карстен расширил наши знания об араваках Гвианы: они делились на экзогамные тотемистические роды с матрилинейным счетом родства. Каждый род у них разделялся приблизительно на пять подразделений, имеющих имена по животным или растениям, от которых они будто бы произошли или в которых ушла душа предков и в которых они сами превратятся после смерти¹.

Наличие больших групп родственников, по-видимому родов, называемых по животным, зафиксировано у араваков и папуасов Бразилии, араваков-поумари и араваков-кулина. В мифах животные помогают людям: крыса исцеляет человека от гангренозной раны, людям помогает ягуар.²

У ряда племен тропических лесных охотников Монтаны (Боливия) установлены пережитки тотемизма: чуинко не едят олсней, так как убеждены, что в них превращаются люди; инваро и саваро-араваки верят в перевоплощение после смерти их душ в разных животных³. Прimitивное племя собирателей и охотников маиоруна верило, что их душа после смерти уходит в кустарник, а иногда входит в олсней, которых поэтому запрещают есть и убивать⁴. Племя хиваро, обитающее в Перу и Эквадоре, давало личные имена по растениям и животным и верило, что их души после смерти превращаются в этих животных и растений. Имели они и духов-покровителей в виде живот-

¹ Karsten E. The civilization of South American Indians, I., 1926, стр. 282-283.

² Métraux A. Tribes of the Western Amazon basin. „Handbook of South American Indians“, В. дэви „Н. S. A. I.“, т. 3, Washington, 1948, стр. 675-685.

³ Steward J. Tribes of the Montana Bolivian East Andes. „Н. S. A. I.“, т. 3, Washington, 1948, стр. 517-531.

⁴ Métraux A. and Steward J. The Peban tribes. „Н. S. A. I.“, т. 3, Washington, 1948, стр. 555.

ных, которые являлись им во сне, или в состоянии опьянения¹. Аналогичные верования имели индейцы гуарани группы туи-гуарани в Парагвае², племя кокама, относящееся также к этой группе и обитающее в верховьях Амазонки³, племена тако и тоба⁴.

Деление на 2 фратрии и тотемистические роды, называемые по животным и растениям, зафиксировано у мундуруку, живущих по р. Тапажо в Центральной Бразилии⁵ и у племени тукуна или тикунуа, обитающего на р. Амазонке и о-ве Перуаие.⁶ На роды, называемые по животным, делятся и бразильские патрилинейные племена макурап и ябути и матрилинейные аруа, обитающие на реке Гуапоре⁷.

Обычай давать имена по животным и растениям и вера в воплощение в эти объекты были широко распространены у караибов Антильских о-вов и караибов макуши в Британской Гвиане⁸. Караибы ируана и маройя в Венесуэле верили в свое происхождение от скалы и в превращение душ их предков в камни⁹.

Согласно мифам варрау дельты Ориноко они произошли от животных¹⁰.

Племя ачагуа в Восточной Колумбии делится на патрилинейные локальные и экзогамные роды, которые живут в отдельных деревнях. Они имеют тотемистические группы: Ачагуа-верренаис—дети пня; Универренаис—дети реки; Амаризон—происходящие от змеи амаризан; Исириберренаис—происходящие от летучей мыши. Другие группы связаны с ягуаром, лисой и другими животными. Тотемистические группы не совпадают с деревней, возможно, что они не локализованы, но по утверждению Эрнандеса де Альба, это явно тотемистические, экзогамные, патрилинейные группы¹¹.

У племени нутибара в Колумбии их бог или демон Гуака изображается, как ягуар. Племя авира верит, что души умерших превращаются в ягуаров, пум и других животных¹².

Племя гуаюпе, обитающее в Венесуэло-Колумбийских льяносах (равнинах), по сообщению Кирхгоффа, кроме богов солнца и др. „верит в божества, которые имеют вид ягуаров, медведей и др. диких животных“, их нельзя убивать. Шаманы, по их убеждению, могут принимать вид ягуаров, медведей и других животных¹³.

Вера в превращение шаманов в животных, а также представление богов в виде животных, является, с нашей точки зрения, пережитком тотемизма.

Племя яруров, живущее также в равнинах Венесуэлы, делится на две половины, по-видимому фратрии: ягуар и змея. Согласно легенде,

¹ Karsten, указ. соч., 1926, стр. 416; Métraux and Steward, указ. соч., стр. 627.

² Указ. соч., стр. 296, 418.

³ Métraux, указ. соч., стр. 702.

⁴ Métraux, указ. соч., стр. 320, 334; Karsten, указ. соч., стр. 296, 418.

⁵ Horton D. The Mundurucu. „H.S.A.I.“, т. 3, Washington, 1948, стр. 276, 278, 281.

⁶ Nimuendaju C. The Tucuna. „H.S.A.I.“, т. 3, Washington, 1948, стр. 788.

⁷ Levi-Strauss C. Tribes of the right bank of the Guaporé river. „H.S.A.I.“, т. 3, Washington, 1948, стр. 374—375.

⁸ Karsten, указ. соч., стр. 418—419.

⁹ Указ. соч., стр. 375.

¹⁰ Kirchhoff P. The Warrau. „H.S.A.I.“, т. 3, 1948, стр. 880.

¹¹ Hernandez de Alba, G. The Achaqua and their neighbors. „H.S.A.I.“, т. 4, 1948, стр. 404.

¹² Hernandez de Alba G. The cultures of North-West South America. Sub-Andean tribes of the C. uca Valley. „H.S.A.I.“, т. 4, 1948, стр. 320.

¹³ Kirchhoff P. The guayue and sea. „H.S.A.I.“, т. 4, 1948, стр. 391.

ти половинки происходит от двух молодых людей, которые не нашли себе девушек, взяли в жены один ягуара, второй змею¹.

Племена отомаки и Венесуэле верят, что их предки были людьми, превращенными в камни. Своих первопредков они видят в двух склках, которые называют прапрадедом и прапрабабушкой. По другой версии они жрият, что происходит от ягуаров. Они считают, что шаман может превратиться в ягуара².

Таким образом, у всех отмеченных племен Колумбии и Венесуэлы сохранились в той или иной степени пережитки тотемизма. Любопытно при этом, что у более высоко развитых племен путибари и гуаюпов боги изображаются и являются людям в образе животных³, и что свойством превращаться в животных обладает лишь шаман.

Характерна форма тотемизма, сохранившаяся у бороро. Они, равно как и соседнее племя трумаи, отождествляли себя с животными трумаи — с воляными животными, а бороро — с птицей макно, причем бороро совершенно спокойно говорили, что они уже сейчас являются понугайми, как, если бы гусеница заявила, что она — бабочка. Их мясо не ели и их не убивали и верили, что после смерти души людей в них переселяются⁴. Карл фон Штейсен не заметил у бороро родовой организации, но Кольбачини выяснил, что племя делилось на семь родов — «дубе»; каждое из них вело свое происхождение от животного или растения, от которого имело свое название.

У восточных бороро не запрещалось убивать ни свой тотем, ни тотем других племен, но делалось исключение для тапира (тотем одного из родов), который мог быть убит и съеден, но только с предварительного разрешения бари (колдуна) в силу верования, что тапир являлся бари.

Верования, аналогичные бороро, наблюдались и у гватиквзон на северо-восточной Бразилии, которые отождествляли себя с птицей⁵, но Карстен не смог проследить у них родového устройства и, следовательно, родных тотемистических представлений. Отождествление с животными имелось и у кобеуа в северо-западной Бразилии⁶, причем у них существовало представление, что колдун мог превратиться в ягуара посредством надевания его шкуры.

Пережитки тотемизма наблюдались у итонами, которые не ели обезьян-репунов и диких свиней, объяснив это тем, что в этих животных превращаются люди⁷. У аира группы назывались по животным и растениям⁸.

Пережитки тотемизма можно проследить и у племен, стоящих на более высоких стадиях развития. Так, у аймара в Перу и Боливии существовала вера, что перья их предки произошли от солнца, в которое они сами превращались после смерти. Карстен это рассматривает, как тотемизм⁹, но в этом можно усмотреть только его пережит-

¹ Kirchhoff P. Food-gathering tribes of the Venezuelan Llanos. The Janiro, II, S. A. P., t. 4, 1918, стр. 461.

² Kirchhoff P. The Otomac. I.H.S.A.L., t. 4, 1949, стр. 444.

³ Swinon K. von. Unter den Naturvölkern Central Brasiliens, II, 1894, стр. 305, 352; Levi-Strauss C. Contribution à l'étude de l'organisation sociale des Indiens Bororo. Journ. de la Soc. des Amer., P., XXVIII, № 2, 1936, стр. 269—304.

⁴ Karsten R. Indian tribes of the Argentine and Bolivian Chaco. Leipzig, 1924, стр. 271.

⁵ Укал, соч., стр. 247, 418.

⁶ Nordenskiöld E. Forschungen und Abenteuer in Süd-Amerika, III, 1924, стр. 126—127.

⁷ Karsten R. The origin of Religion. I., 1935, стр. 149—150.

⁸ Karsten, 1924, стр. 376.

ки. По сообщению Тессмана, у группы индейцев кашино северо-восточного Перу подразделения называли себя по животным, растениям и объектам неорганической природы (летучая мышь, ленивец, таро, солище).

Население древнего Перу, в основном, состояло из свободных общинников, и их общины носили родовой характер. Каждая община (айль) имела свой тотем; тотемами были животные, растения, элементы и явления природы: змея, кондор, маис, гора, река, гром, молния и т. д.

Древние инки называли своих тотемом „уака“. Слово уака означает „я оттуда (происхожу)“, т. е. аналогично по смыслу значению слова „тотем“. Каждый род почитал своего уака, но кроме того существовал культ четырех главных уака, почитавшихся всеми инками. Первые три олицетворяли солнце, луну, гром; четвертый был покровителем молодежи. Уака представлялись в образах людей и животных, а также в виде полулюдей-полуживотных (например, человека с головой ламы, крыльями птицы, когтями пумы и т. д.) или с атрибутами животных. Те уака, которые представлялись в виде людей, когда, по верованиям инков, могли превращаться в животных, и приписываемые им чудесные деяния они совершали именно в этом облике².

Вопрос о существовании тотемизма у огнеземельцев спорный. Копперс, в соответствии с концепцией „культурно-исторической“ школы, отрицает бытование у них тотемизма. Он сообщает, однако, что у яганов, при танце „лесной морской собаки“, изображающей „духа-убийцу“ Иомолахемана надевается шкура морской собаки³. Очевидно, эта шкура надевалась потому, что духа представляли в виде получеловека-полуживотного. Но ведь такие представления и являются, с нашей точки зрения, тотемистическими.

Тотемистического происхождения, мы полагаем, является и миф, записанный Купером у она, обитающих на Огненной земле, о первобытных человекоподобных существах, которые после превратились в горы, озера, реки и т. д.⁴

Таким образом, тотемизм или его пережитки обнаружены почти у всех племен и народностей Южной Америки. Этнографические данные по тотемизму в этой области весьма интересны. Они дают, во-первых, классический пример полного отождествления группы людей и тотемных животных (у бороро). Во-вторых, характерным для тотемизма Южной Америки является сохранение у значительного числа племен двух важнейших элементов тотемистического комплекса: названия фратрий и родов по животным, растениям и силам природы и неразрывно связанной с этим веры в перевоплощение в тотем. Интересным является, что, как правило, вера в воплощение сохраняется и тогда, когда название родов по тотемам исчезло и крайне редко бывает обратное явление, а когда вера в инкарнацию исчезает, то возможность перевоплощения сохраняется за шаманом (группа тукана, гуаюне и др.).

Мы обнаруживаем здесь, наконец, как качества родовых тотемов, с возникновением раннеклассового общества, переходят на богов (инки). Любопытно при этом, что эти боги представлялись и в образе людей и животных, и в образе полулюдей и полуживотных и что богам, представляемым в виде людей, приписывалась в прошлом чудесная сила перевоплощения в животных, и именно в последнем образе

¹ Tessman G. Die Indianer Nordost-Perus. Hamburg, 1930, стр. 128.

² Ginow H. Geschichte und Kultur des Inkereiches. Amsterdam, 1937, стр. 185.

³ Koppers W. Unter Feuerland Indianer. Stuttgart, 1924, стр. 127.

⁴ Cooper J. M. The Ona „H.S.A.I.“, t. I., 1916, стр. 121.

они совершали свои деяния. Это доказывает, что представления о превращениях антропоморфных богов тотемистического происхождения. Представления инков помогают нам осмыслить аналогичные явления в странах древнего Востока, древней Греции и древнего Рима.

Северная Америка является классической страной тотемизма. Из языка алгонкинского племени оджибвеев или чипевеев, как нами отмечалось, было взято слово тотем и вошло в научный обиход. Североамериканский тотемизм сравнительно хорошо изучен и, в частности, нашел довольно полное отражение в трудах Фрэзера. Однако последний не обнаружил тотемизм у некоторых индейских племен. Так, он не нашел его у дакотского племени ассинибойн, не нашел у алгонкинского племени черноногих, у калифорнийского племени майду и, вообще, не останавливал свое внимание на калифорнийских индейцах, не обнаружил его у древних ацтеков, отрицал бытование тотемистических представлений у эскимосов и т. д.

Следует учесть, что в трудах Фрэзера почти не использованы материалы русских исследователей, а также естественно, более поздние работы этнографов, которые в некоторой степени расширили данные по тотемизму Северной Америки. Эти новые материалы дополняют наши знания о тотемизме этих племен.

Древние ацтеки Мексики почитали богов, имеющих звериный облик. Так, у них был бог Кецалкоатл—пернатый змей, богиня Коатликуэ или Сиуакоатл—женщина змея и бог владыка земли—Тлалтекутли, изображаемый чудовищем с чертами жабы и аллигатора. В культе бога Кецалкоатла вскрывается более древнее верование в бога змею¹. Эти верования являются трансформацией тотемистических представлений.

Калифорнийские племена сери вплоть до тридцатых годов XX-го столетия имели деление на материнские тотемистические роды.

У индейцев сиу наравне с мифом о приходе родов с неба, существовали и легенды о происхождении от воды и земли. Так, у одного из племен этой группы—омаха, члены рода Черного буйвола утверждали, что их предки были одно время буйволами, которые жили под водой; предки рода Монда были также, по их верованиям, буйволами и тоже жили под водой. Род Черного медведя возник под землей и т. д.

В двух родах омаха—Буйвол имела вера в превращение в это животное после смерти².

О тотемизме у племени виннебаго Радин приводит более подробные данные, основанные на сообщении одного из членов этого племени в конце XIX века. Племя делилось на два подразделения: „те, которые наверху“, на диалекте виннебаго—Вангерери и „те, которые на земле“—Мангери. Вангерери означает птицы, Мангери—земля и воляющие животные. Вангери делились на роды: Ястреб, Орел, Голубь, Мангери—Медведь, Волк, Рыба, Водяной дух, Олень, Лось, Буйвол, Земля. Роды ассоциировались с теми животными, по которым они именовались. Были легенды о происхождении от тотемов³.

Первые сведения о тотемизме у тлинкитов или коллюшей (колошей) сообщает Г. Шелехов: „коллюжи ... почитают же несколько птиц, так называемого ворона и удостоверяют, якобы, они от него суть

¹ Байан Д. Ж. История ацтеков. М., 1949, стр. 133, 136.

² Haeckel J. Totemismus und Zweiklassensystem bei den Sioux-Indianern. „Anthropos“, 1937, №№ 1—2, стр. 3—4, стр. 495.

³ Radin P. The Winnebago Tribes. In the thirty-seventh „Annual Report of the Bureau of American Ethnol.“ (В данных „A.R.B.A.E.“), 1922, № 37, стр. 185 и сл.

рождения¹». При шаманствах ... «сей ворон в случае нужды призывается и от него требуется некоторая помощь, которую они будто бы и получают²». Им также отмечено, что тлинкиты из железа и меди делают изображения ворона, которые держат всегда при себе «через что, как от них замечено, воображают они себе великое вспомогательство и в здоровье подкрепление³». Бывший у них в 1803—1806 гг. Ю. Ф. Лисянский указывает, что «хотя они живут в разных местах, независимо друг от друга, но говорят на одном языке и связаны между собою взаимными узами родства... Они разделяются на разные роды, из коих главные: медвежий, орлиный, вороний, касаткин и волчий... Вышеуказанные роды так смешались между собою, что в каждом селении можно их найти всех понемногу. Однако же каждый из них живет в особом доме, над которым вырезано фамильное животное, служащее вместо герба⁴...»

И. Вениаминов, несколько позже бывший у тлинкитов, подтверждает сообщение Лисянского об их делении на тотемистические роды, медвежий, волчий и др.⁵ и уточняет его сведения об их социальной организации. «Колоши, — пишет он, — разделяют себя и всех жителей материка от Якутска даже до индейцев нового Альбиона, на два главных рода⁶: один называемый Вороний род или род Эля, другой род Канжа. Первым именем ныне называется ворон, а другим — волк; но под именем Эля или ворона не разумеется ворон-птица, но человек, носивший такое название. Колоши волчьего рода признают своим родоначальником не волка зверя, но «какого-то Канжа тоже человека⁷».

Всякое поколение (род) имеет свои знаки «которые при больших пирушках или празднествах выставляются: или снаружи бароборы, или внутри в переднем углу... Знаки или гербы сии представляют того животного, по которому слывет поколение и делаются из дерева или из шкуры самого животного: в волчьем роде Кухонтапы имеют своим гербом волка и орла; Текъяти и Нангаги — медведя, Такалкъяти и Кашкикитаны — касатку; Ншкитаны и Иттлентаны — орла или старичка, а Тджиштаны — шарку⁸».

Необходимо подчеркнуть, что эти наблюдения Лисянского Ю. Ф. и Вениаминова И. были сделаны в первой половине XIX столетия, до выхода в свет работы Л. Моргана «Древнее общество». В то время разобраться в социальной организации тлинкитов было очень трудно и следует удивляться замечательной наблюдательности и научной точности этих русских ученых.

Почти через сто лет после Лисянского тлинкиты изучались Свантоном, который констатировал у них сохранение по начало XX в. древнего родового устройства. У тлинкитов и в это время, кроме географического деления на 14 групп, были две экзогамные фратрии с

¹ Шелехов Г. Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790 г. с Охотска по Восточному океану к Американским берегам, СПб., 1812.

² Указ. соч., стр. 52—53.

³ Там же.

⁴ Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг. М., 1947, стр. 348 и сл.

⁵ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела, СПб., 1840, т. III, стр. 52.

⁶ Под родом Вениаминов имеет в виду фратрию.

⁷ Там же, стр. 51.

⁸ Там же, стр. 54.

матрициальным счетом родства. Фратрии делились на роды, называвшиеся по животным¹.

И. Вениаминов отметил у тлинкитов веру в то, что их родоначальники были творцами всего существующего в природе². Они были и людьми и животными.

Предание о родоначальнике Эле сообщает, что он родился от женщины и проглоченного по совету касатки камешка; Эль мог обращаться в птицу и летать, одевая шкурку птицы, а мать, одевая шкурку утки, — плавать по морю³.

Их миф о происхождении людей, записанный Вениаминовым,⁴ напоминает австралийские:

Сначала земля была пуста, необитаема, рассказывается в мифе, но потом с неба упали два существа, видом похожие на человека, на теле их была длинная шерсть. От них родилась пара подобным им существ, но без шерсти, и от них произошли все люди. Но от первых людей сначала родилась собака, потом „какие-то странные существа мужского пола с крыльями; потом люди — сын и дочь. От последних и начали рождаться люди. Но они говорили на разных языках и вынуждены были поэтому разойтись в разные страны и стали праотцами“.

На основании этих материалов мы можем сделать вывод, что у тлинкитов ко времени колонизации Аляски сохранился тотемизм, который стал вытесняться культом антропоморфных предков.

В очень интересной работе „Пережитки материнского рода у квакиютль“ Ю. П. Аверкиева сообщает, что у квакиютль также существовала тотемистическая мифология. Каждый род имел предание, передающееся из поколения в поколение, которое рассказывает о мифическом предке. Эти легенды сообщают о появлении его на свет, о его деятельности, путешествиях, в которых он встречается с предками других родов и женится на их дочерях, передается вся генеалогия рода и большое внимание уделяется приобретению предками имен, танцев, гербов и т. д. В мифах описываются встречи предков с животными в человеческом образе, нередко жизнь с животными. „Эти животные и духи становятся покровителями рода. Чаще всего являются человеку: волк, медведь, горная коза, морской лев, касатка“⁵.

Предки родов, как правило, спускаются с неба в образе птиц и выплывают из моря, или выходят из леса в виде медведя; таким образом, в большинстве случаев предком является то или иное животное.

Предок рода Гвасала был кит, рода Гксигылкама — бурый медведь, подразделение Нимкис этого же рода — лосось, рода Накъваксъдакс — касатка, ставшая человеком, предок рода Маамтагила — чайка и т. д.⁶

Однако у квакиютль в начале XX столетия название родов уже не связывалось с животными предками, но последние считались как бы их добрыми гениями и покровителями во время войны и в добычании пищи.

Как это характерно вообще для северо-американских индейцев.

¹ Swanton J. R. Social condition, beliefs and linguistic relationship of the Tlingit Indians. 26th „A. R. B. A. E.“, Wash., 1908, стр. 398—407, 327—8.

² Вениаминов, указ. соч., т. III, стр. 55.

³ Там же, стр. 39—40.

⁴ Там же, стр. 127—128.

⁵ Аверкиева Ю. П. Пережитки материнского рода у квакиютль. Тр. Инст. Этн., новая серия, т. II, М.—Л., 1947, стр. 172.

⁶ Там же.

каждый род изображал свои тотемы, помещая их как гербы на домах, лодках, столбах, масках, орудиях, боевых панцирях и т. д.¹.

Для нас важно, что тотемистические элементы культуры квакиотли, связанные у них с бытованием в прошлом материнского рода².

У северо-восточных лесных охотничьих алгонкских племен Лабрадора этнографы не признавали ни рода, ни тотемизма. Однако последние исследования Ликока установили, что у этих племен в недавнем прошлом был материнский род³, и что у них имеются особые звери-хозяева семейных охотничьих территорий. Эти звери считаются связанными родством с теми семьями, которым эти уголья принадлежат⁴. Представления о хозяевах-зверях семьи является, очевидно, пережитками тотемизма.

Алеуты (самоназвание — унаганы) были открыты и, в основном, исследованы русскими. Так, в начале девяностых годов XVIII века Г. А. Сарычев нашел у алеутов значительные пережитки материнского рода и записал две легенды о происхождении первых людей. Одна из них, несомненно, тотемистическая: „Уверали меня, — пишет Сарычев, что все алеуты происходят от испавшей с неба на остров Умлак собаки, родившей младенцев мужского и женского пола с собачьими лапами. От сих двух произошли уже совершенные люди“⁵.

Живший у алеутов в 1824—1834 гг. Н. Вениаминов слышал у них сказки, в которых рассказывалось о превращении людей в касаток, медведей, морских бобров и хищных птиц⁶. По его сообщению, алеуты „верили и в птиц, и рыб, и других животных; в солнце, небо и прочие неодушевленные твари, думая, что духи живут в них. А как сие общение с духами представлялось одним только шаманам, то они и изображали их как умели или ходили в масках или личинах, употреблявшихся при шаманстве и игрищах. Такие маски... вообще безобразны и представляют какое-либо животное, в изуродованном виде“⁷. В другом месте он указывает, что у алеутов были праздники, связанные с охотой, и что на них в танцах, несколько человек, одетые в шкуры перны, изображали приключения предков⁸.

Сообщения Сарычева и Вениаминова позволяют предполагать, что у алеутов ещё в конце XVIII и начале XIX в.в. были пережитки тотемизма.

У эскимосов (юит), по мнению Фрэзера, тотемизма не было⁹. Это положение поньше разделяется всеми представителями американской исторической школы и школы „культурных кругов“.

К. Уисслер видел у эскимосов пережитки тотемизма в их мифических божественных морских животных¹⁰, а Е. Нельсон еще раньше

¹ Там же, стр. 173.

² Там же.

³ Leacock E. Matrilocality in a simple hunting economy „Southwestern Journ. of Anthr...“, т. II, № 1, 1955.

⁴ Leacock E. The Montagnais „hunting territory“ and the Fur Trade. „Mem. Amer. Anthr...“, т. 56, № 5, р. 2, mem. № 78, 1954, стр. 9.

⁵ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной Сибири, Ледовитому океану и Восточному океану. М., 1952, стр. 215—217.

⁶ Вениаминов, указ. соч., т. II, стр. 297—298.

⁷ Указ. соч., стр. 2—3.

⁸ Там же, стр. 278.

⁹ Фразер, указ. соч., т. III, стр. 378. В нашем обзоре мы рассматриваем вместе американских и азиатских эскимосов.

¹⁰ Wissler C. The American Indians. N.-Y., 1922, стр. 230—231.

его нашел у них многие элементы тотемизма¹. А. Золотарев, используя в частности, данные Нельсона о западных эскимосах, находит убедительные доводы в пользу того, что в прошлом у эскимосов „родовой строй и тотемизм бесспорно существовал“².

Некоторые неиспользованные Золотаревым данные и новые исследования советских этнографов подтверждают его положение. Ещё Г. Ф. Миллер привел „баснословный“ рассказ чукоч об эскимосах Северной Америки, записанный в 1718 г. „Да на той же земле якобы есть и такие люди, у коих ноги подобны вороновым“³, который правильно, как нам кажется, интерпретируется Л. С. Бергом, как свидетельство о „людях-воронах“ среди эскимосов, т. е. о тотемистической эскимосской группе, имеющей тотемом ворона. Согласно сообщению Нельсона охотники „племени ворона“ носили в своем колячане пару его ног, ворон изображался ими на вооружении, утвари и даже татуировался ими на лице⁴.

Ю. Ф. Лисянский во время кругосветного путешествия в начале XIX в. записал интересную легенду о происхождении эскимосов — жителей о. Кадьяк, рассказанную ему тойоном Колпаковым: „К северу от Аляски жил тойон, дочь которого влюбилась в кобеля и с ним прижила пятерых детей. Из них двое было женского, а трое мужского пола. Отец, рассердясь на свою дочь и улучив время, когда ее любовника не было дома, сослал их на ближний остров. Кобель, придя домой и не видя своих, долго грустил, но наконец, узнав о месте их пребывания, поплыл туда и на половине дороги утонул. По происшествии некоторого времени щенята подросли, а мать рассказала им причину своего заточения. Старик тойон, соскучась по своей дочери, приехал сам ее навестить, но не успел войти в дом, как был растерзан своими разъяренными внучатами. После этого печального приключения мать дала детям волю идти куда желают, почему одни отправились к северу, а другие через Аляску к югу. Последние прибыли на Кадьяк и размножили на нем людей. Мать же их возвратилась на родину“. На вопрос Лисянского, каким образом собаки могли попасть на Кадьяк, тойон отвечал, „что остров сперва отделялся от Аляски только рекой, а настоящий пролив сделала чрезвычайно большая выдра, которая жила в Кенойском заливе и однажды вздумала пролезть между Кадьяком и материком“⁵.

В. Ф. Власова обследовала в тридцатых годах эскимосов о. Врангеля, переселившихся сюда в 1929 г. из бухты Провидения и мыса Уэлен. Она констатировала, что каждая эскимосская семья имеет свой тотем⁶. Она также привела любопытный рассказ о том, как однажды они попросили эскимоса Палю убить редкую на острове птицу — большую белоклювую гагару. Паля, смутившись, сказал: „Я, насыльник, не могу ее убить. Это мой все равно отец. Если я его убью, мне будет плохо“. Но другой эскимос, чьим тотемом гагара не яв-

¹ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait „Bureau American Ethnology.“ Report, XLIII, 1899, стр. 322—323.

² Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири, Л., 1934, стр. 42—44.

³ Миллер Г. Ф. Извлечение из Якутского архива 1738 г. Сочинения и переводы, ч. I, изг. по Бергу Л. С. „Открытие Камчатки и экспедиция Беринга 1725—1742 г.“, М.—Л., 1940, стр. 51.

⁴ Там же; ср. Nelson, указ. соч., стр. 324—325.

⁵ Лисянский, указ. соч., стр. 180.

⁶ Власова В. Ф. Эскимосы острова Врангеля, „Советская Арктика“, № 5, 1935, стр. 61.

лялась, мог ее убить, не ожидая для себя каких-нибудь неприятностей¹.

Как указывает Н. К. Воблов, во время праздника эскимосских эскимосов мужчины и женщины семьи, проводящей его, наносили на свои лица черной краской определенный рисунок в виде линий, число и характер которых зависел от того, какое животное считается „приносит счастье“ этой семье—касятка, морж и т. д.².

В этом животном следует, очевидно, видеть тотем семьи.

На о. Врангеля тотем в некоторых случаях мог быть и общим для нескольких семей³.

В праздниках эскимосов прослеживается их древний родовой характер. Так, в праздниках Саяк и Казива участвуют все родственники⁴. Праздники эти связаны с охотой на морского зверя. На них фигурируют изображения и чучела животных, в частности китов. Происходит „кормление“ последнего, исполняется танец „охота на кита“ который воспроизводится на рисунках⁵. Любопытно, что в праздник Камыгтак, кроме танца кита, его неизменной частью являются поочередные рассказы стариков о прошлой жизни предков или событиях, связанных с ними⁶.

Родовой характер праздника кита, обряды, с ним связанные, и легенды, сообщаемые на этом празднике, позволяют признать их тотемистическими по происхождению.

Все сказанное нами показывает наличие у эскимосов пережитков родового тотемизма, который в условиях разложения первобытно-общинного строя и выделения семьи принял характер семейного.

Фрэзер отмечал наличие тотемизма или его пережитков у ряда племен и народностей Африки. В Южной Африке—у зулу, бечуанов, коса, готтентотов и бушменов; в Юго-Западной Африке—у герерро, во Французском Судане—у мандинго и сена, в южной Анголе—у овакумби, в Родезии—у баконда и авемба или вемба и др., на Золотом Берегу у народностей тви, эве и ашанти, а также у племен Сегуэла, у ряда племен Нигерии, в частности у хауса, бини, фангу, племен Фугара и р. Крестовой, в Восточном Судане и в Конго—у ряда племен и народностей, как балеса, упото, монгелима, бобанги, алур, абабуа, баконго, мади, азапде, басоко, бари и др., у некоторых плотских племен. Он зафиксировал бытование тотемизма или его пережитков у народов Сенегалии, в Британской Восточной Африке—у мверу, элгейо и группы племен эмбу. В Танганьике—у вагого и батесо, в Уганде—у басабей, бамбей, бакама, бамбуа, баконджа, бакунта, баганда, басога и нанди, сабей и бакинга; у ряда других племен и народностей, говорящих на языках банту, а также в Абиссинии и в Мадагаскаре⁷.

Новые исследования значительно расширяют наши знания о племенах, у которых обнаружены пережитки тотемизма.

Рассмотрение африканских племен мы начнем с юга, с племен, где существование тотемизма оспаривается, с койконнов (готтентотов).

¹ Власова, там же.

² Воблов И. К. Эскимосские праздники. Труды Института этнографии, новая серия, т. XVIII, „Сибирский этнографический сборник“, т. I, М.—Л., 1952, стр. 321.

³ Власова, указ. соч., стр. 61.

⁴ Воблов, указ. соч., стр. 334.

⁵ Там же, стр. 326—328, 333—334.

⁶ Там же, стр. 332.

⁷ Frazer, указ. соч. т. I, стр. 85; т. II, стр. 392—393; его же Totemica, стр. 422—427.

Дорнан отмечает, что у койкошнов р. Орианжевой ещё в первой четверти нашего столетия были роды, называемые по животным¹. С нашей точки зрения такие названия являются бесспорными доказательствами существования у них в прошлом тотемизма.

У саанов (бушменов) Калахари Дорнан ещё застал роды, часть из которых являлась, как он указывает, тотемистическими: они носили названия по животным и табуировали определенные части тотемного животного. Жена и муж имели разные тотемы². У них существовали мифы, согласно которым они были животными, превратившимися позже в людей. Особенно распространен был миф о кузнечике или богомоле „каги“. С ним выступает его жена крольчиха, его дети — молодой кузнечик, дикообраз, ихнемвои и звезда и другие персонажи — животные и явления природы. По преданию, они были первыми людьми. Каги предсказывает будущее, превращает животных в другие животные, воскрешает их после убийства³.

Пережитки тотемизма обнаружены у бавенда Сев. Трансваали⁴, и у народностей группы игуни, увизи, идебелле Южного Трансваали и Северной Родезии⁵.

Тотемистические роды были обнаружены Бэллоком в 1900 г. у мафона Южной Родезии, у которых тотем передавался по отцовской линии. Но в двадцатых годах Бэллок нашел уже у них племенные тотемы⁶. Такие роды были у ила Сев. Родезии. Тотемами были животные, растения, силы природы. Некоторые роды верили, что их члены после смерти превращались в тотемистических животных⁷.

У племен ланго в Уганде каждый род и его подразделение имели табуированных животных, которые считались тотемами, но лишь некоторые роды назывались по табуированному животному⁸.

У племени бахима или бахинда (оз. Виктория-Ньянца) каждый род имел тотемом рыбу или животное и считал себя состоящим в родстве со своим тотемом, а „королевская“ семья имела особого тотема — змею, причем мужчины и женщины этой семьи имели тотемами особые виды змей. Считалось, что душа умершего члена „королевского“ рода переселялась в свой тотем⁹.

Зелигман отметил наличие пережитков тотемизма у нилотов — шиллуков и динка, у народности нуер (Белый Нил), у племен бари, латуко, у группы племен бонго (Голубой Нил)¹⁰.

Тотемистические роды были у племен, обитающих между оз. Виктория-Ньянца и Танганьики бахуту, батуси и батуга. Тотемами были животные и растения. Убивать тотемных животных и употреблять их в пищу запрещалось.

Была вера, что после смерти члены рода входят в тотемное животное¹¹.

В Северной Нигерии у ряда племен — бачама, мвама, мбула, лангуда, бура, килба и ждангур существовала вера в родство между живот-

¹ Dornan S. S. *Pigmies and bushmen of the Kalahari*. L., 1925, стр. 216.

² Указ. соч., стр. 55, 60, 128, 161.

³ Stow G. W. *The native races of South Africa*. L., 1905, стр. 129 и сл.

⁴ Slayt A. *The Bavenda*. L., 1931, стр. 185 и сл.

⁵ Schapera J. *The Bantu-speaking tribes of South Africa*. L., 1937, стр. 90 и сл.

⁶ Bullock, указ. соч., стр. 77.

⁷ Smith E. W. and Dale A. M. *The Ha-speaking peoples of Northern Rhodesia*. L., 1920, стр. 287—289, 319—318.

⁸ Doberg L. H. *The lango, a nilotic tribe of Uganda*. L., 1923, стр. 189.

⁹ Reche H. *Kiziba Land und Leute*. Stuttgart, 1910, стр. 4—7.

¹⁰ Seligman C. G. *Pagan tribes of the Nilotic Sudan*. L., 1932, стр. 41 и сл., 212 и сл.

¹¹ Meyer H. *Die Barundi*. Leipzig, 1916, стр. 98 и сл.

ными видом и семьей, а также в отдельных случаях с отдельными лицами. Члены племени мбула верили, что они дети лесной кошки и все, что они имели в жизни (пища, здоровье, дети и т. д.), давалось им тотемом.

В группе малабу, относящейся к народности бата, существовало деление на роды. Один род почитал крокодила, другие роды—Магдари, Тара и Джекин считали, что их предки произошли от близнецов, из которых один был мальчик, а другой леопард. У племени северной Нигерии бура и пабир имелись патрилинейные роды. Роды назывались по видам животных или деревьев, с которыми, по их верованиям, они находились в родстве; к тотемам относились с уважением, считая последних братьями, но не считали себя происходящими от тотемистических объектов¹.

У племени нгизим существовали экзогамные роды, которые ассоциировали себя с видами животных (гнепа, леопард, змея, аист и т. д.). Род Масгабай, почитавший леопарда, верил, что леопард помогал жене их предка, принося ей газелей².

У племени канакуру были матрилинейные группы, называемые кишикниик. Эти группы имели тотемов в виде животных, которые табуировались. Животные покровительствовали человеку, причем, и животное и человек могли взаимно превращаться друг в друга. Когда рождался ребенок, то у тотемистического животного группы тоже рождался детеныш. Если умирал человек, то должно было умереть и тотемное животное, а когда умирало тотемное животное, то умирал человек тотемистической группы³.

У народности ибо существовало деление на племена, подразделения племен и роды. Многие роды ассоциировали себя с видами животных. Одна из социальных групп называлась умаго, что значит на языке ибо— „дети леопарда“. Члены этой группы считали леопарда братом. Ибо верили в рождение человека от животного и животного от человека. Верили они также в возможность превращения человека в дерево, змею или рыбу. Каждый ибо ассоциировал себя с момента своего зачатия с особым покровителем или духом, называемым сби. Животные, по их воззрениям, тоже имели своих сби, которые отводят выстрелы охотника. Животные могли получать сби человека и наоборот. В деревне Оканко верили, что их сби находились в рыбе, которая также имела часть человеческого сби. Эта рыба ибо рассматривалась как мать всех людей. Когда умирали люди, их души шли к ней. Люди с одинаковыми сби не могли жениться⁴.

У племен лома (тома) в Либерии каждая семья была связана тесным кровным родством с определенным видом животных. Они считали свои тотемы (обезьяна, змея, птица, леопард, газель, антилопа) родоначальниками. Тотемных животных нельзя было убивать и есть, даже когда его убивала другая семья. Передавались тотемы по отцовской линии. Брак внутри таких групп строго воспрещался⁵.

Племя киси в Либерии делилось на тотемистические роды и под-роды⁶.

¹ Meck C. K. *Tribal studies in Northern Nigeria*. L., 1931, т. I, стр. 455—458, 188 и сл.

² Указ. соч., т. II, 248 и сл.

³ Указ. соч., т. II, 316.

⁴ Указ. соч., стр. 3—4, 54—56, 252—253.

⁵ Eberl-Eiber R. *Westafrikas letztes Rätsel*. Salzburg—Graz—Wien—Leipzig—B., 1936, стр. 162.

⁶ Earthly E. D. *Kisi of Liberia*. „Nature“, № 2, 1935, стр. 724.

У племени кпелле в Либерии существовал личный тотемизм. Тотемами являлись животные (леопард, слон, определенные виды антилопы, дикая свинья, шимпанзе, черепаха, водяная змея, собака и пр.) и растения (банан, дерево кола, пальма раффия и т. д.), а также явления природы, как например ветер. Они назывались сала и есть их, если они были съедобными, запрещалось. Если сала—хищник, например, леопард, то обладатель такого тотема не мог есть и тех животных, которых ест его сала. Тотемам регулярно совершались жертвоприношения. При рождении сына отец приносил жертву своему тотему, который становился тотемом новорожденного¹.

Пережитки тотемизма сохранились у ашанти Золотого берега — народа, у которого государство возникло ещё в XVII в. У них имелись животные, которые считались друзьями или братьями; их запрещалось есть и убивать. Такими тотемами у разных родов являлись: крокодил, питон, игуан, бык, обезьяна, собака, мышь, куропатка и др. Мужчина имел обычно два тотема: один он получал от отца, другой при проведении особого обряда. Женщина не всегда имела тотем. У шамана был всегда особый тотем. Многие ашанти верили, что их умершие родственники стали животными².

У народности дагомба имелись роды, называвшиеся по животным, в частности насекомым, в отношении которых соблюдалось табу. Они полагали, что после смерти душа тотема уходит в страну мертвых, куда уходят и души умерших людей (род Черепахи). Некоторые считали, что первый предок произошёл от тотема. Племя кусас делилось на экзогамные роды. Каждый род соблюдал табу на определенных животных и рыб³.

У племени исала существовали экзогамные патрилинейные роды, которые назывались по животным, насекомым и птицам. Соответственно названиям, каждый род имел тотемов, которых нельзя было убивать и есть⁴.

У племени буилса существовала тотемистическая организация с матрилинейным счетом родства. Имена родов—животные, рыбы. У них было табу по отношению к некоторым животным. Существовало представление, что предки были ранее тотемными животными и что члены рода в них превратятся после смерти⁵.

На 26 экзогамных, патрилинейных и тотемистических родов делилось племя нанканес. Роды имели тотемов животных, птиц, рыб⁶.

Племена собирателей и рыболовов лоби Французской Западной Африки делились на тотемистические роды. Каждый род имел своих табуированных животных и особое тотемистическое имя. По сообщению Рэтрея, их роды подразделялись на две группы: одни патрилинейные, тотемистические — буге, другие — матрилинейные, экзогамные — соо.

Родовые имена соо ассоциировались с предками⁷.

У племени конлангос Слонового Берега существовала вера, что семья происходила от животных—льва, леопарда, гиены, слона и что поэтому эти животные не могли приносить вред своим человеческим потомкам.

¹ Westermann D. Die Kpelle. Göttingen und Leipzig., 1921, стр. 216—224.

² Cardinall A. W. The natives of the northern territories of the Gold Coast L., 1920, стр. 40—41.

³ Rattray R. The tribes of the Ashanti Hinterland. Oxford, 1932, стр. 405—406, 374.

⁴ Указ. соч., стр. 465—481, 517.

⁵ Указ. соч., стр. 399.

⁶ Указ. соч., стр. 282 и сл.

⁷ Указ. соч., стр. 425—426.

Некоторые члены племени не трогали и не ели этих животных потому, что принадлежали к семьям, которые верили, что превратятся в них после смерти¹.

Племя дюола имело роды, называемые по животным. К последним членам рода было запрещено даже прикасаться. Род леопарда считал, что леопард являлся их родоначальником и что душа умершего сородича входит в него. Члены рода змей верили, что их предки превратятся в змей².

Исследование тотемизма и его пережитков в Африке далеко не завершено, но и приведенные нами факты показывают, что тотемизм в прошлом существовал у подавляющего большинства народностей — аборигенов Африки.

Вместе с тем, африканский этнографический материал интересен потому, что позволяет нам сделать несколько выводов о формах тотемизма у племен и народностей, стоящих на стадии разложения первобытно-общинных отношений и возникновения классов и государства.

Прежде всего мы должны констатировать, что у одного из самых примитивных охотничьих племен Африки — саанов (бушменов), у которых и американская „историческая“ школа и школа „культурных кругов“ отрицали существование когда-либо тотемизма, наличие его доказано.

Во-вторых, именно в Африке, притом только у племен и народов, имеющих уже патриархальную или моногамную семью, мы наблюдаем тотемы семей, причем у некоторых, наиболее развитых народностей или народов тотемы имеют только аристократические семьи. Это подтверждает наше положение о позднем возникновении семейного тотемизма.

Мы считаем необходимым также подчеркнуть, что в Африке сохранился и половой тотемизм, притом у высоко развитых племен и народностей, в одном случае (у племени бакнида) даже только в королевской семье. Это показывает, что точка зрения ряда ученых о том, что половой тотемизм является древнейшим институтом, сохранившимся лишь у наиболее примитивных племен мира, лишена основания.

Тот факт, что у групп племен машона в 1901 г. был открыт родовой тотемизм, а через 25 лет зафиксирован только племенной, доказывает, нам кажется убедительно, предшествование родового тотемизма племенному.

Мы можем, наконец, констатировать, что если название по тотему и вера в происхождение от него сохранилась, главным образом, у более примитивных по общественной организации племен, а в патриархально-родовом, тем более в классовых обществах, сохраняется не всегда, то вера в перевоплощение в тотема в той или иной форме сохраняется более устойчиво.

* * *

Русские ученые значительно расширили круг народов СССР, у которых доказано существование в прошлом тотемизма.

Труды Н. А. Аристовой, И. Бичуриной, А. А. Бобринского, Т. С. Загряжского, исследования советских ученых: С. М. Абрамзон, М. С. Андреева, Т. А. Жданко, С. Ильясова, Н. А. Кислякова, Л. Ф. Мо-

¹ Tauxler L. Le noir de Bondoukou, P., 1921, стр. 175—197.

² Указ. соч., стр. 271.

ногаровой, С. П. Толстова и др. доказали наличие пережитков тотемизма у всех народов Средней Азии и Казахстана.¹

В отношении народов Сибири Фрэзер считал, что существование здесь тотемизма, кроме якутов и алтайцев, не доказано или материалы ему неизвестны². Патер же Шмит отрицал наличие тотемизма в Сибири³.

Данные многих русских ученых и путешественников—Г. Новицкого, С. П. Крашенинникова, Г. Ф. Миллера, В. Ф. Зуева, Г. Шелехова, И. Ф. Крузенштерна, Ф. П. Литке, И. Н. Агапитова и М. И. Хангалова, В. Л. Серошевского, В. К. Арсеньева и др. и исследования советских ученых—А. Ф. Анисимова, А. Ф. Анохина, С. Бауэрмана, В. Г. Богораза, Г. М. Василевич, В. Т. Вербова, В. В. Власовой, Б. О. Долгих, Н. П. Дыренковой, А. М. Золотарева, Е. А. Крейнвича, М. Г. Левина, И. А. Лопатина, А. П. Окладникова, А. А. Попова, Л. П. Потапова, Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, К. М. Рычкова, И. М. Суслова, С. А. Токарева, В. Н. Чернецова, М. П. Шатилова, Л. Я. Штернберга и др. доказывают, что утверждение Шмидта лишено каких-либо оснований, что тотемизм был у всех народов Сибири.⁴

До сих пор мы говорили об Австралии, Океании, Америке, Африке и народах СССР. Но для решения вопроса об универсальности тотемизма, необходимо установить, существовал ли он у тех народов, которые уже сошли с исторической арены, ибо разрешить эту проблему в утвердительном смысле мы сможем лишь, тогда когда нам удастся выявить следы тотемизма и у большинства народов древности.

Фрэзер, как нами указывалось выше, признавал наличие тотемизма из этих народов лишь у египтян, но отрицал его существование у семитов и арийцев, в частности, у греков и римлян. Если бы он оказался правым, то положение об универсальной распространенности тотемизма должно было бы быть поставлено под сомнение, ибо большинство народов древнего и современного Востока таким образом принадлежало бы как раз к той группе, у которой тотемизм якобы отсутствовал, а известная часть населения современной Европы является также в той или иной мере потомками древних греков и римлян. Однако, как скоро мы убедимся, Фрэзер в этом вопросе был неправ.

Начнем с древней Вавилонии.

В Вавилонии пережитки тотемизма можно усмотреть прежде всего в том, что боги изображались в виде животных или полулюдей-полуживотных: бог Мардук изображался в виде фантастического грифона, полузмеи-полухищной птицы; бог Нергал—в виде страшного животного, имеющего тело льва, крылья, голову человека, но с рогами быка; бог Эа—изображался в виде рыбы или получеловека-полурыбы, бог Адад—с двумя парами рогов, богиня Тиамат—в виде дракона, бог Ашшур—с крыльями и птичьим хвостом. Иштар—в виде собаки или голубя и т. д. Такие животные содержались при больших храмах и считались священными: собаки были при храме Иштар, ослы—при храме Нингирсу, кони—Шамаша и т. д.

¹ См. Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана. Уч. записки Таджикского госуниверситета, т. XIV, Сталинабад, 1956, стр. 80—100.

² Фрэзер, указ. соч., т. II, стр. 341.

³ Schmidt W. Handbuch der vergleichenden Religionsgeschichte, Münster, 1930, стр. 28; ср. Koppers P. W. Der Totemismus als menschheitsgeschichtliches Problem. „Anthropos“, 1936, № 1—2, стр. 168.

⁴ См. Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока. Там же, стр. 111—142.

Аналогичное явление наблюдалось у племен и народов Африки, где не родоначальники, а боги племени изображались в виде фантастических существ — полулюдей-полуживотных. По-видимому, в ранне-классовых обществах древнего Вавилона эти представления переходят на богов отдельных городов и сохраняются даже после образования централизованного государства.

К таким же пережиткам следует отнести и крылатых гениев, изображенных на рельефах из дворца Ашшурбанипала II в тварах с рогами, стоящих коленопреклоненными перед деревом жизни, и крылатых быков с человеческими лицами, которые были обнаружены с обеих сторон входа во дворец Саргона II.

Уже всего, однако, пережитки тотемизма в Вавилонии выступают в легенде о происхождении человека. Этот миф сохранился в *эпосе* о начале мира, и его записи были обнаружены первоначально в Кувейтской библиотеке Ашшурбанипала. Он известен, по первым словам, под названием *Эпоса Энху*. Интересующая нас часть легенды гласит, что человек был создан Мардуком из крови Кишгу, а последний был поставлен богиней Тямат господином чудовищ, рожденных ею для борьбы с Мардуком. Чудовища эти изображены ицерами, драконами, змеями, псами, петрами, полулюдьми-полуэкорнионами, полулюдьми-полурябами и баранами¹, напоминая этим те фантастические существа, которые нам известны по мифам Австралии как предки людей. Получеловеком-полуживотным изображался и Кишгу — легендарный первопредок вавилонян. Таким образом, в вавилонской религии перед нами выступают наиболее архаичные тотемистические представления о первопредках, несколько затемненные позднейшими наслонениями.

В древней Финикии культ бога Библа-Адониса легенда связывает с кабаном, убившем его на охоте. Свиной приносили в жертву Астарте — его жене, как священным. Утверждали, что это делалось в отмщение за богиню, но нам кажется правильным объяснение этого жертвоприношения, как причастия тела и крови бога, ибо Адонис был ранее сам священным кабаном². Одновременно у них существовал и культ ваалимов в виде зверей. Как известно, бык являлся символом верховного божества города Тира. Было распространено и поклонение отдельным деревьям или скалам.

Большой интерес представляют зооморфные изображения богов, в частности колоссальная статуя, найденная в Кипрском Амафунте в 1873 г. в 4 м. 20 см. высотой, представляющая животноеобразную фигуру, терзающую львицу. Тураев отрицает в финикийском культе зооморфизм, но найденное изображение, равно как и неоднократные находки финикийских ваалов в стиле египетском и вавилонском, в частности находка изображения Ваала-Аммона в виде сидящего старца с рогами овна между двумя сидящими баранами, заставляет нас видеть в этих божествах отзвуки представлений о зооморфных предках.

В древней Сирии бог Адад (Раман) изображается на одной арамейской надписи с короной и рогами. Его символом был бык. Герой эпоним города Дамаска изображался в виде лани. В храме сирийской богини Атергатис в пруду содержались священные рыбы, есть которых

¹ Тураев Б. История древнего Востока. М., 1935, стр. 124—135; ср. Rawlinson G. M. A. The five great monarchies of the ancient Eastern world. L., 1871, т. II, стр. 23—24.

² Рейнак С. Орфей. 4-е изд., стр. 52—53; Delaporte L. Die Babylonier, Assyrer, Perser und Phöniker. Junker H. und Delaporte L. Die Völker des Antiken Orients. Freiburg im Breisgau, 1933, стр. 328.

разрешалось, с соблюдением известных церемоний, только жрицам. Статуя богини была увенчана голубем, который являлся, наравне с рыбой и кабаном, священным у сирийцев¹. Все это является также отзвуками тотемизма.

В древней Иудее пережитки тотемизма прослеживаются прежде всего в названиях многих родов по животным (калеб—собака, шафан—кролик, тола—червь и т. д.)²

Несомненно тотемистическим мы считаем существовавший в древней Иудее и в Израиле культ тельца. По библии, золотого тельца создал по требованию евреев брат Моисея—Ларон в то время, как первый удалился на гору Синай и получил там от Яхве скрижали Ветхого Завета³. После отделения Израильского царства от Иудейского израильтяне построили в Вефиле и Дане храмы, где боги изображались в виде тельцов⁴. Существование культа тельца у древних нудеев подтверждается также и археологической находкой—бронзовой скульптурой теленка из Занорданья.

Тотемистическим являлся распространенный у евреев культ змеи. Этот народный культ был признан священнослужителями и вошел в библию в виде любопытной легенды: после исхода из Египта в Синайской пустыне на евреев напали ядовитые змеи, от укусов которых погибло много людей. И тогда Моисей, по приказу Яхве, изготовил медного змея, который и исцелил смертельно больных⁵.

Наконец, несомненно тотемистическим является запрещение есть свинью, существующее у верующих евреев и поныне. Правда, это запрещение мотивируется тем, что свинья „нечистое“ животное, но понятие „священный“ и „нечистый“ вообще относительны. У французов слово *sacré* означает одновременно и „святой“ и „проклятый“, а у древних нудеев слово „кедеш“ означало и „святое“ и „нечистое“; слово „нидда“ означало и очистительную воду⁶ и нечистоту менструирующей женщины⁷. Прикосновение к „нечистому“ животному требует такого же омовения, как и прикосновение к „священному“. Так после посещения „святая святых“ первосвященник (койген-годел) должен был совершать обряд омовения⁸. По-видимому первоначально свинья была тотемом какого-либо рода, а затем—одного из еврейских племен, как это наблюдалось у ряда народов мира, и в силу этого её было запрещено есть, а позже и прикасаться к ней. Позже это запрещение получило иную мотивацию.

У арабов наличие пережитков тотемизма несомненно. Так, у хариитов собак, воронов и муравьев почитали, как братьев; у арабов Синая кролик считался братом человека, и по их верованиям тот, кто съедал его мясо—не увидит ни отца ни матери, а одно из арабских племен, найдя убитую газель, хоронило её, как своего сородича, соблюдая семидневный траур⁹.

Не без основания Робертсон Смит видел следы тотемизма и в представлениях арабов язычников о сверхъестественных существах—джинах, имевших телесную форму, чаще всего животную, но прини-

¹ Рейнак, там же.

² Ранович А. Б. Очерк истории древне-еврейской религии. М., 1937, стр. 96.

³ Исход, XXXII, 1—4.

⁴ 3-я книга царств, XII, 28—29.

⁵ Числ., XXI, 6—9.

⁶ Числ., XIX.

⁷ Лев., XV.

⁸ Лев., XVI—XVII.

⁹ Robertson Smith W. Lectures on the religion of the semites. L., 1894, стр. 441.

мавших и человеческий образ.¹ Джинны составляли, по воззрениям арабов, в прошлом группы, связанные родством друг с другом.

Переходим к арийским народам.

Отзвуком тотемизма у древних иранцев является легенда о том, что Кир был вскормлен собакой, которая защищала его от птиц и зверей. Правда, Геродот приписывает этот рассказ родителям Кира, в целях политической пропаганды. Он объясняет эту легенду тем, что Кир был вскормлен рабыней по имени Кино (собака) или, по-мидийски, Спак, что также означает собаку. Но, очевидно, в эпоху Геродота старые представления уже изживались и он стремится подыскать этой легенде рационалистическое объяснение².

Мы имеем все основания считать, что эта легенда является отзвуком более архаичных тотемистических представлений. Наша точка зрения находит свое подтверждение в широко распространенном в древнем Иране культе собаки, которая являлась священным животным, посвященным Ахурамазде. Самые жестокие наказания ожидали того, кто убьет или искалечит ее.³

С. П. Толстов доказал, что Ажи-Дахака, убийца Иима—чудовищный змей (Авеста) или чудовищный человек с двумя приросшими к плечам змеями, питавшийся мозгом детей (Шах-Намэ), являлся тотемом фратрии змей⁴.

Культе собаки, как и распространенный в древнем Иране культ змеи, имел, очевидно, тотемистическое происхождение.

По-видимому, тотемистического происхождения является и легенда, что Ахеменид—родоначальник династии Ахеменидов—был вскормлен орлом⁵.

Авеста дает нам большое количество фактов, подтверждающих наличие тотемистических представлений в древнем Иране. Так, тотемистической является легенда о превращении Веретрагия в сильный ветер, затем в сильного красного быка, самца верблюда, пятнадцатилетнего юношу, птицу вареган, дикую свинью, барана, козла с острыми рогами и, наконец, в прекрасного воина⁶.

К тотемистическим относятся мифы о полиморфных существах, в частности о Сэнмурве и Паскудже, который мы встречаем в Авесте.

К. В. Тревер переводит Сэнмурв как „собака-птица“, Паскудж, как „птица-собака“ и приводит разные представления о Сэнмурве: как птице порядка орла, ворона и т. п., почном животном, типа летучей мыши и, наконец, и птицы, и собаки⁷. Она пришла также к интересному выводу, что первоначально имя первого человека, созданного Ахурамаздой, было не Гайомарта, а Гавомаред—быко-человек⁸.

С нашей точки зрения, все эти образы являются отражением веры в происхождение от мифических предков и являются пережитком тотемизма.

В отношении древних индусов наши сведения еще более опреде-

¹ Robertson Smith, указ. соч., стр. 119—120.

² Геродот. История. Перев. Мищенко. М., 1885, т. 1, стр. 122.

³ См. Клиnger В. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903, стр. 36.

⁴ Клиnger, указ. соч., стр. 37.

⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 292—294.

⁶ Клиnger, указ. соч., стр. 39.

⁷ Avesta. Die Heiligen Bücher der Parsen. Übersetzt von F. Wolff, Strassburg, 1910, стр. 260—261; Nyberg H. S. Die Religionen alten Iran. Leipzig, 1918, стр. 69—71.

⁸ Тревер К. В. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. Изв. ГАИМК, № 100, М.—Л., 1934, стр. 307.

⁹ Тревер К. В. Гюношпах—настух-царь. Тр. отд. Востока, гос. Эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 85; см. Толстов, указ. соч., стр. 291, прим. 1.

ленин. Прежде всего необходимо отметить, что индуизм, включивший в себя и ведизм, и брахманизм, и буддизм, как это известно, в значительной степени основан на вере в перевоплощение, причем не только в перевоплощение человеческих душ в другую человеческую оболочку, но и в разнообразные животные и растительные объекты. Но вера в перевоплощение человека в животное или какой-либо другой объект природы в конечном счёте является реминисценцией древнейших тотемистических верований.

Первобытные тотемистические представления вскрываются и в ранних литературных памятниках индуизма, которые, можно сказать, буквально насыщены ими. Такова Махабхарата, один из наиболее ранних, по времени возникновения, литературных памятников древних индусов.

Боги, богини и демоны (ковуры), описанные в Махабхарате, часто имели животный образ. Так, богиня Сарамы была „божественной сукой“¹. Люди и боги рождались от животных или сами рождали животных, растения и другие объекты природы: сын мудреца Шрутаватасы, Самаршравас имел матерью змею²; утес от брака с рекой произвел людей-близнецов³; жены Кашьяпы Кадру и Винета родили: первая—десять сотен яиц, из которых вылупились змеи, вторая—два яйца, давшие полубога и Гаруду, мифическую гигантскую птицу⁴. С другой стороны, животные, люди и демоны произошли от одних и тех же богинь-прародительниц: от Капины произошли богиня Амрита и полубоги—гандхарвы и апсары, брахманы и скот⁵; потомками богини Мриги были все животные; Мчричаланды—медведь, фимары (вид антилопы или газели) и чаморы (род буйвола); потомками Хари—различные виды обезьян; Шардули произвела львов, тигров и других зверей⁶ и т. д.

Люди и боги могли принимать образы животных и растений и обратно и в таком виде вступать в брак с животными, растениями и силами природы: Рикшас, злой демон, принимает вид вепря⁷; мудрец Сахараснат, проклятый брахманом, превращается в змею⁸; мудрец Вибхавасу, в силу проклятья, стал слоном, а его брат—черепашкой⁹; Адрика была превращена в рыбу, проглотила семя Васу и, родив мальчика и девочку, снова стала женщиной¹⁰; река Ганг обращается в женщину, родит сыновей и снова становится рекой; мудрец, обращенный в антилопу, вступает в связь с самкой антилопы¹¹, а другой обращается в птицу-шангараку, сочетается с самкой-шангараккой Джаритой и производит от нее сыновей-людей¹²; Шараван рождает сыновей-близнецов от тростника, на который упало его семя¹³.

Примеры можно умножить, но в этом, как нам кажется, нет необходимости, ибо уже указанные факты показывают, что и в раннеклассовом индийском обществе, как и в других странах Древнего

¹ Махабхарата Ади Парва, кн. I, М.—Л., 1950, стр. 42.

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 165.

⁴ Там же, стр. 75—85.

⁵ Там же, стр. 177.

⁶ Там же, стр. 181.

⁷ Там же, стр. 60.

⁸ Там же, стр. 68.

⁹ Там же, стр. 92.

¹⁰ Там же, стр. 166—167.

¹¹ Там же, стр. 272.

¹² Там же, стр. 575.

¹³ Там же, стр. 351.

Востока, сохранились несомненные следы тотемизма. Эти факты подтверждают наше предположение, что в условиях ранне-классового рабовладельческого индусского общества, естественно, исчезла ранее существовавшая связь отдельных родов с теми или другими животными или растительными видами и вера в происхождение от него, но представления о полуантропоморфном полузооморфном предке были перенесены на всех богов, культурных героев и демиургов.

Такие представления сохранились у индусов и значительно позже. Марко Поло в XIII в. сообщил, что многие индусы „молятся быку“ и „святым его почитают, не убивают и мяса не едят“¹. Афанасий Никитин во второй половине XV в. отметил у них наличие зооморфных богов (изображения Бут в виде обезьяны, дикого зверя и слона) и культ вола и коровы, которых, как он указывает, называли „отцом“ и „матерью“².

Культе коровы, как священного для индусов животного, бытовал и в XVI в., что нашло свое отражение в Рамаяне³ и сохранился до сих пор.

Все нами сказанное, как нам кажется, доказывает наличие тотемизма в глубокой древности, в эпоху первобытно-общинных отношений у всех народов Индии, в том числе арийских, у которых Фрэзер отрицает наличие тотемизма.

Вопрос о существовании тотемизма у древних греков оспаривался рядом ученых, в частности, Фрэзером. На такой позиции стоял и видный советский ученый Е. Г. Кагаров, который в солидном труде „Культе фетишей, растений и животных в древней Греции“ собрал значительное количество фактов о культе животных и растений у греков, но объяснял это поклонение аниматизмом⁴. Однако позже он пересмотрел свои позиции и, во всяком случае, в древнем Риме он признал тотемизм, в известной степени на основании тех же фактов, которые им не признавались как тотемистические в древней Греции.

Из значительного числа фактов, свидетельствующих о существовании у древних греков в прошлом тотемизма, мы выберем некоторые, которые, с нашей точки зрения, кажутся более убедительными. К числу их мы относим, в первую очередь, легенду о происхождении всех греков от рыб. Этим, может быть, объясняется запрещение в ряде мест древней Греции ловить и есть рыбу.⁵ Еще более характерными являются мифы о происхождении отдельных племен и народов от животных (мирмидонян—от муравьев, фракийцев—от медведей, ликийцев—от Аполлона, явившегося в виде собаки и т. д.). Отзвуком этих представлений является верование в происхождение населения отдельных городов и областей от животных; населения Аркадии—от внука медведицы, фивян—от ласки, ибо по преданию, ласка родила Геракла и т. д.

Тотемистическими, с нашей точки зрения, являются легенды о превращении богов и героев в животных, растения и предметы неодушевленной природы: превращение Гермеса в крылатого рыбака⁶, Афины—в нырка,⁷ Гелиоса—в льва, дракона, вепря, пантеру, воду.

¹ Книга Марко Поло. М., 1955, стр. 186, 189.

² Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М.-Л., 1948, стр. 61—62.

³ Тулси Дас. Рамаяна или Рамачаритаманаса. Море поднигов Рамы. М.—Л., 1948, пред., стр. 60—62.

⁴ Кагаров Е. Г. Культе фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913, стр. 314.

⁵ Указ. соч., стр. 290.

⁶ Гомер. Пер. В. А. Жуковского. М., 1935, Одиссея, V.

⁷ Там же.

дерево¹, превращение Зевса в лебедя для похищения Леды, в быка для похищения Европы, в дождь для соития с Даншей; превращение Дафны в лавровое дерево для спасения от Аполлона, Актеона — в оленя, Диониса, — то в человека, то в козла, то в быка и т. д.².

Мы не можем не согласиться с Г. В. Плехановым, что „Когда животноеобразное (зооморфическое), представление о боге уступает место человекообразному (антропоморфическому) представлению о нем, тогда животное, бывшее прежде тотемом, становится так называемым атрибутом“³.

Атрибуты богов — орел Зевса, змея и сова Афины, лань Артемиды, голубь Афродиты, волк и дельфин Аполлона, конь Посейдона и т. д. относятся поэтому к явлениям того же порядка.

Точно также тотемистическим является почитание богов или их изображений в виде животных или полулюдей-полуживотных: почитание Геры в виде коровы, изображение Артемиды в Фигалии с лосиной головой, или легенды о существовании полулюдей-полуживотных (кентавров, например).

В Риме пережитки тотемизма можно усмотреть в распространенности почитания волка: волк являлся путеводителем самнитов, когда они искали новую землю; легендарные основатели Рима Ромул и Рем — сыновья волка Марса и волчицы Сильвии, вскормлены волчицей. Самниты называли себя *hipri* или *harpini*, т. е. волками. Празднества луперкалий и особое святилище Луперкал, посвященное Фавну, а также жреческая коллегия луперков были связаны с волком же (волк — *lupus*)⁴. Тотемизмом можно объяснить и названия римских фамилий *Porcii* (*porcus* — поросенок), *Fabii* (*faba* — боб, фасоль). Возможно, что боров и боб являлись мифологическими предками этих фамилий⁵.

Н. А. Машкин не без основания считал, что к пережиткам тотемизма у древних римлян относится наличие животных, посвященных божествам: дятел, волк и бык были посвящены Марсу, гуси — Юноне и т. д.⁶

Чтобы закончить наш обзор, мы считаем необходимым выяснить, в какой мере сохранились следы тотемизма у других народов Европы.

Пережитки тотемизма у древних германцев и у англосаксов можно проследить прежде всего в этнических названиях. В частности, название англо-сакского племени *pirgingas* означает, как это доказал Мух, кобылу⁷. У галлов название племени тавриски означает люди — быки, брайновики — вороны, абуроны — кабаны⁸. Запрещение у галлов есть зайцев, кур и гусей⁹, по-видимому, также тотемистического происхождения.

По вопросу о тотемизме у древних скандинавов имеется об-

¹ Указ. соч., IV.

² Кагаров, указ. соч., стр. 216 и сл.

³ Плеханов Г. В., собр. соч., т. XVII, стр. 220.

⁴ Машкин Н. А. История древнего Рима. Л., 1949, стр. 115.

⁵ Кагаров Е. Г. Фр. Энгельс и проблема римского рода. Тр. ИААЭ, т. IV, 1936, стр. 627.

⁶ Машкин, указ. соч., стр. 115.

⁷ Much R. W. Beiträge zu einem Commentar. „Zeit. f. deutsch. Altertum u. deutsch. Literatur“, 1925, т. 62, стр. 135; ср. Schrader G. Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901, стр. 928.

⁸ Rehnach S. Kulte, mythes et religions. P., 1905, т. I, стр. 21—22.

⁹ Зиньски Юлия Цезари и его продолжателей о гальской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, африканской войне. М.-Л., 1948, стр. 91.

вращения в тотемное животное, растение и т. д., или рожденными от брака человека и тотемного животного. Эта антропоморфизация предков начинается возникать с развитием парного брака, когда отец и мать становятся известными, когда человек постигает связь зачатия с рождением и поэтому представление о получеловеческих-полузооморфных предках, о родственных узлах с видом животных, растений и т. д. начинает тускнеть.

Факты, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют проследить как развивалась идея реинкарнации: сначала способностью перевоплощения обладали не только легендарные предки людей, но и все животные, растения и природные объекты, затем эти свойства приписываются только предкам. Позже верят в перевоплощение членов рода в тотемный вид, а еще позже в определенных животных, растения или природные объекты лишь после смерти. В период разложения отцовского рода, способность перевоплощения приписывалась вождям или чаще всего шаманам, которым помогают зооморфные духи-помощники. С возникновением ранне-классового общества зооморфный вид имеют уже не предки, а боги; тотемное животное превращается в атрибут богов и является объектом особого почитания, как священное существо или воплощение богов. В развитых классовых обществах смутные отголоски старых тотемистических представлений сохраняются только в фольклоре.

Таким образом, чем более высок экономический строй общества, тем меньше сохраняются в нем тотемистические представления. Это однако, не означает, что тотемизм или его пережитки сохраняются у всех племен и народов мира на одинаковой ступени общественного развития в равной мере. Объясняется это неравномерностью исторического развития разных обществ. Степень изолированности племен и народов, их большая или меньшая отдаленность от культурных центров, степень развития обмена с соседними племенами и народами, культурные связи и влияния, воздействие хищников-колонизаторов, насильственное их обращение в христианство, мусульманство и т. д.—все это накладывало свой отпечаток, могло задержать или, наоборот, ускорить разложение тотемистических представлений. Чтобы выяснить, почему у того или иного племени тотемистические представления сохранились более ярко на сравнительно поздних этапах общественного развития, а у других, наоборот, исчезли раньше необходимо выяснение конкретно-исторических условий развития данного племени или народа.

Но самый важный вывод, который мы вправе сделать на основании анализированных нами этнографических источников, несмотря на отмечающуюся их неполноту и не всегда удовлетворительное качество, заключается в том, что тотемизм—явление не случайное, присущее тому или иному племени, группе племен или „культурному кругу“, как это утверждают представители „американской исторической школы“ и школы „культурных кругов“, а всеобщее, ибо на всех континентах у подавляющего большинства племен и народов мира тотемизм был зафиксирован или как действующий институт или как пережиток.¹ Установленный нами факт, что тотемизм, как действующий

¹ Необходимо отметить, что под давлением фактов к этому выводу по существу приходят даже некоторые видные представители школы „культурных кругов“. Так ученик покойного В. Шмидта—нынешний фактический глава венской этнографической школы И. Геккель, в только что вышедшей работе пишет: „Тотемизм не является характерным признаком какой-либо культурной фазы или замкнутого культурного комплекса“ (Haeckel I. Zum heiligen Forschungsstand der historischen Ethnologie. „Die

ций институт, как правило, наблюдался лишь у племен с ранне-родовым строем, что с дальнейшим развитием общества он становится только пережитком, позволяет сделать и другой вывод, что тотемизм является этапом развития религиозных верований в определенной пору исторического развития всех племен и народов мира.

III. ДРЕВНЕЙШИЕ ФОРМЫ ТОТЕМИЗМА.

До сих пор мы рассматривали тотемизм, бытовавший в прошлом у разных племен и народов мира. Но мы уже отмечали, что даже известные нам наиболее примитивные формы тотемизма — австралийских родов — отнюдь не являются его исходной формой. Для решения же проблемы происхождения тотемизма крайне важно выявить, поскольку это, понятно, доступно исследованию, его истоки, время его возникновения, ибо только при этом условии мы сможем установить его наиболее ранние формы и выяснить условия, благоприятствовавшие его возникновению.

Однако, если для выяснения сущности тотемизма и решения проблемы универсальности его распространения мы базировались исключительно на этнографических данных, то основным источником для этого более раннего этапа развития человечества является уже археология, ибо, как известно, сейчас не существует племен стоящих на наиболее ранних этапах общественного развития, на стадии палеолита, когда, по-видимому, возникают тотемические воззрения.

Перейдем к рассмотрению археологических памятников, которые толкуются или могут быть истолкованы, как тотемические.

В нижнем палеолите памятники, которые позволили бы предположить, что у человека этого периода была религия вообще, в частности, тотемизм, — отсутствуют.

Из памятников среднего палеолита интерес представляют прежде всего захоронения.

Вопрос о мустьерских погребениях вызвал оживленную дискуссию на страницах советской печати: некоторые ученые отрицают намеренный, тем более ритуальный, характер погребений¹. Другие, наоборот, признают эти погребения намеренными, но объясняют их по-разному: П. П. Ефименков видит в них заботу об умерших, А. П. Окладников, П. И. Борисковский, В. И. Равдоникас, Г. А. Бонч-Осмоловский, В. К. Никольский и Б. И. Шаревская находят в этом зарождение религиозных представлений², А. В. Арциховский и А. А. Фор-

Wiener Schule der Völkerkunde. Wien, 1956, стр. 67). Он утверждает, однако, что индивидуальный тотемизм, якобы, возникает раньше группового: личный тотем передается по наследству и его почитание становится обязательным для всех членов семьи (стр. 46).

¹ Плисецкий М. С. О так называемых неандертальских погребениях. „Сов. этнография“, № 2, 1952, стр. 138—156; Астахов Н. Б. Рецидивы маррвской „теории“ и разработке вопроса о происхождении искусства. „Вопросы истории“, № 1, 1953, стр. 136; Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 33.

² Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 252.

³ Окладников А. П. К вопросу о происхождении искусства (В связи с критикой взглядов Н. Я. Марра на первобытное искусство). „Сов. этнография“, № 2, 1952, стр. 33—34; его же, О значении захоронения неандертальцев для истории первобытной культуры. „Сов. этнография“, № 3, 1952, стр. 152—181; Борисковский П. И. Начальный этап первобытного общества, Л., 1950, стр. 110; его же, М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. „Сов. этнография“, № 2, 1954, стр. 180; Равдоникас В. И. История первобытного общества, ч. 1, Л., 1950, стр. 174; Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма, Вып. 1, Грот Киник Коба. Тр. ком. по изуч. четв. пер. Л., 1940, стр. 148; Никольский В. К. Начало религии. Уч. зап. М. обл. университета, т. XIV,

молов признают наличие захоронений, но от толкования их воздерживаются.¹

Мы считаем, что у нас нет оснований отрицать намеренность погребений после того, как это признают такие крупнейшие советские археологи, как П. П. Ефименко, А. П. Окладников, А. В. Арциховский и другие, на основании раскопок, проведенных в нашей стране. Тем более странным и недопустимым является обвинение Н. Б. Астаховым А. П. Окладникова, В. К. Никольского и Г. А. Бонч-Осмоловского в низкопоклонстве перед западноевропейской наукой только потому, что и некоторые западноевропейские археологи высказали аналогичную мысль, которая кажется ему неверной.

Однако мы считаем необходимым отметить, что толковать мустьерские погребения можно по-разному: в них можно видеть веру в загробную жизнь или существование понятия о жизни и смерти, как о разных состояниях, но можно допустить, что первобытный человек приписывал труп свойства живого человека, что он еще не умел различать живого человека от умершего; может быть, что в мустьерских захоронениях проявилась забота об умершем, но, возможно, что в этих захоронениях сказалась просто полунинстинктивная привязанность к умершему; или, напротив, такая же боязнь покойника, стремление избавиться от разлагающегося трупа. Во всяком случае, независимо от решения вопроса о характере и толковании мустьерских захоронений, несомненно то, что к тотемизму это отношения не имеет.

Другое дело вопрос о ритуальности тешик-ташского захоронения, поднятый А. П. Окладниковым. Вопрос этот связан с утверждением ряда ученых, что в некоторых мустьерских стоянках следует видеть возникновение религиозного культа.

Из этих стоянок особенно интересными являются Драхенлох², Петерсгёле³ и Потоцка в горном узле Олчево на б. австрийско-чехословацкой границе.⁴

Все эти стоянки обнаруживают сходство: во всех найдено известное количество черепов, длинных костей и конечностей пещерного медведя. Во всех стоянках налицо намеренное складывание костей, по крайней мере, в первых двух стоянках это бесспорно. В них обнаруживаются черепа медведей, окруженные камнями или в каменных ящиках.

Интерпретация этих находок весьма различная: Бехлер считал, что скопление медвежьих черепов и конечностей в Драхенлохе показывает существование „первобытного охотничьего и жертвенного культа“⁵. Герман полагал, что здесь имели место жертвоприношения, но отсутствие воды вблизи, ничтожное количество угля показывает, что Петерсгёле не было постоянным местожительством орд и поэтому

вып. 1, М., 1950, стр. 150; Шаревская Б. И. Против антимарксистских извращений в освещении первобытного мышления и первобытной религии „Сов. этнография“, 1953, № 3, стр. 23.

¹ Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954, стр. 35; Формозов А. А. Стоянка Староселье близ Бахчисарая—место находки ископаемого человека. „Сов. этнография“, № 1, 1954, стр. 16.

² Bächler. Das Drachenloch; изд. по Schmidt W. Der Ursprung der Gottesidee. Münster, 1931, т. 1, с. 1—3, стр. 111; Menghin G. Der Nachweis des Opfers im Altpaleolithum. Wiener. Prähistor. Zeitschr., 1916, т. 3, стр. 14 и сл.

³ Hoermann K. Alpehöhlen und Petershöhle, eine Gegenüberstellung. „Anthropos“, 1930, т. XXV, № 5—6, стр. 975—977.

⁴ Schmidt W. указ. соч., т. II, стр. 531—532.

⁵ Clemen C. Urgeschichtliche Religion. Bonn, 1932, стр. 32—33.

не являлось постоянным или предпочтительным местом приношения жертв¹. Гаас объяснял все подобные находки охотничьей магией. Менгин утверждал, что здесь имеется и жертва божеству, приче жертва не всегда примитивная, и обожествление животных, и охотничья магия, переходящие друг в друга, но настаивает на приоритете примитивной жертвы.² В. Шмидт видит здесь даже культ „высшего существа“, которому приносились в жертву черепа медведей и оленей.

Из советских ученых Б. Л. Богаевский³, а затем П. П. Ефименко видели в черепах запасы пищи; П. И. Борисковский полагает, что эти черепа были фетишами, из которых в верхнем палеолите развились тотемистические религиозные верования и обряды.⁴

Отсутствие исчерпывающих сведений о местонахождениях, отсутствие подлинных отчетов и чертежей исследователей, необходимость зачастую пользования сведениями из вторых рук, не всегда достаточно объективных, даже компетентных, затрудняет вынесение окончательного суждения по этому вопросу; однако несостоятельность ряда теорий настолько очевидна, что некоторые выводы можно сделать и сейчас.

Прежде всего очевидно, что теории о существовании в указанных стоянках „жертвенных мест“, тем более, поклонения „высшему существу“ необоснованы: слишком примитивно было развитие производительных сил этой эпохи, чтобы допустить возможность приношения жертв; утверждение, что первобытный человек верил в „высшее существо“, тем более, в единого бога—произвольное и ничем недоказуемо. Правда, Иозеф Геккель считает, что археологи не признают „веру в великого бога потому, что не считаются с данными этнографии“⁵, но ведь и этнография не знает такой веры у наиболее примитивных племен мира.

Мы полагаем, что объяснение Б. Л. Богаевского и П. П. Ефименко заслуживает предпочтения, и считаем, что П. И. Борисковский не учитывает, что в ящиках, кроме черепов медведей, находились и длинные кости, в частности, бедренные и плечевые, т. е. значительные запасы медвежьего мяса.

Другое дело найденный в Драхенлохе череп, окруженный по контуру камнями. Эту находку нельзя связать с остальными, тем более, что аналогичное явление мы можем проследить у с. Ильинки около Одессы, где в камере, заполненной глинистым наносом, были обнаружены кости свыше 500 особей пещерного медведя. По наблюдениям А. В. Добровольского, принимавшего участие в раскопках, и здесь можно было наблюдать нарочитое расположение черепов и челюстей, иногда в виде каких-то скоплений, причем один из черепов был обложен камнями.⁶ Возможно, здесь следует видеть зачатки религиозных верований. Положение этого черепа можно объяснить охотничьей магией, весьма распространенной у всех отсталых народов. Это не противоречит, а дополняет мнение П. П. Ефименко и Л. Б. Богаевского, и эти стоянки можно объяснить, как временные охотничьи стоянки, в

¹ Нберманн, указ. соч., стр. 979.

² Clemen, указ. соч., стр. 37.

³ Menghin, указ. соч., стр. 53.

⁴ Schmidt, указ. соч., стр. 536—511.

⁵ Богаевский Б. Л. Магия и религия. „Вопр. атеизма“, № 12, 1931, стр. 41—42.

⁶ Ефименко П. П. Дороловое общество. Изв. ГАИМК, № 79, 1934, стр. 197.

⁷ Борисковский П. И. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950, стр. 111.

⁸ Haeckel J. Указ. соч., стр. 46—47.

⁹ Ефименко П. П. Указ. соч., стр. 232.

которых, возможно, собиралось мясо убитых животных, и здесь производились магические действия в целях удачной охоты.

Особо важной в интересующем нас плане является мустьерская стоянка в Тешик-Таше (Узбекистан), открытая в 1938 г. известным советским археологом А. П. Окладниковым, где были обнаружены, впервые в Средней Азии, останки неандертальца. Особенно интересно, что непосредственно около останков человека находились крупные козлиные рога, все — парами. Три пары рогов сохранились почти целиком. Одна из них имела нормальное расположение „вилкой“ и помещалась почти вертикально, вверх основанием и вниз острыми концами. Два рога другой пары были взаимно перекрещены и находились в горизонтальном положении, располагаясь слегка наклонно — вглубь слоя остриями. Третья пара лежала поблизости, целиком в естественной связи. С другой стороны, у скалы (юго-западная часть грота) на плите известняка лежал обломок рога, а несколько глубже — другой. Следующий рог, целый, лежал боком, (т. е. плашмя) — острием к черепу. В 20 см. от него находился фрагмент второго рога. Если соединить все отмеченные здесь рога линией, получается круг, внутри которого находилась череп и другие кости человеческого скелета¹.

А. П. Окладников считает погребение неандертальца намеренным, культовым. Рога козла, находившегося над погребением, позволяют ему сделать вывод, что в Тешик-Таше культ покойников переплетается с тотемистическим почитанием горного козла, к которому до настоящего времени в горах Средней Азии наблюдается особое отношение. В расположении по кругу, в сопровождении их остатками кострища, А. П. Окладников видит следы культа огня и, вероятно, солнца, как небесного огня². На основании всего сказанного он утверждает, что мустьерские погребения доказывают возникновение в зачаточной форме религиозных верований. Он оговаривается, что это еще не настоящая сколько-нибудь оформленная религия. „Это в полной мере исходное состояние, где причудливо переплетаются смутные и неопределенные фантастические образы и представления, из которых много позже вырастают настоящий культ мертвых и вера в духов, культ животных“³.

Концепция А. П. Окладникова оспаривается с разных точек зрения.

М. С. Плисецкий считал, что „А. П. Окладников допустил очень серьезную ошибку, приписав неандертальцам сложнейшие религиозные представления“⁴.

Он утверждал, что неандерталец, как и синантроп и питекантроп, были только „формировавшимися людьми“, лишь выделившимися из животного царства, и вследствие этого не могли иметь ни абстрактного мышления, ни религии.

И. Б. Астахов также считает, что приписываемые А. П. Окладниковым неандертальцу религиозные представления слишком сложны⁵ и утверждает, что в мустьерское время существовало... природное идолопоклонство, при котором объектом поклонения, идолами являются

¹ Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. „Сов. археология“, № 6, 1940, стр. 15—16.

² Окладников А. П. Указ. соч., стр. 16; его же, Исследование мустьерской стоянки и погребение неандертальцев в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия). Сб. „Тешик-Таш“, Палеонтологический человек. (М), 1940, стр. 77—80.

³ Окладников. О значении захоронений..., стр. 179.

⁴ Плисецкий, указ., соч. стр. 146.

⁵ Астахов. Рецидивы марровской „теории“..., стр. 136.

„предметные формы необразованной природы (растения, камни, животные, горы, солнце, луна и т. д.)¹.

Б. И. Шаревская согласна в основном с А. П. Окладниковым и возражает лишь против его гипотезы о существовании в то время культа солнца. В этой гипотезе она видит „остатки марровского представления о „космическом мышлении“ и уходящих еще глубже реминисценций мифологической школы“².

Мы считаем, что гипотеза о возникновении религиозных верований в зачаточной форме в конце мустье отнюдь не противоречит марксистско-ленинскому учению о религии: сравнительно сложный ритуал погребений в верхнем палеолите, наличие ряда других, достаточно сложных элементов религиозных верований в эту эпоху, о которых будет сказано ниже, позволяют предположить, что эти верования возникли еще раньше, в предшествующую эпоху. А ведь А. П. Окладников и говорит не о сложнейших религиозных представлениях этой эпохи, как это ему предписывается, а о зачаточной форме.

Что касается спора о первоначальных формах этих религиозных воззрений, то нам кажется, что основным недостатком концепции И. Б. Астахова является игнорирование фактов: фетишетская теория происхождения религии, выдвинутая де Броссом еще в XVIII в. и развитая Контом, Уэзером, Шульцем, Гейфдингом и др., потому и была отвергнута наукой, что не фундируется фактами. Какие факты может привести И. Б. Астахов для обоснования своего утверждения, что первоначальной формой религиозных верований является „примитивное идолопоклонство“, поклонение „предметным формам необразованной природы“? Чем он может доказать, что такие формы поклонения относятся к мустье? Между тем общезвестные многочисленные факты поклонения идолам, как это справедливо отмечает Б. И. Шаревская, относятся лишь к эпохе разложения родового строя.

Необосновано также и обвинение А. П. Окладникова Б. И. Шаревской, что в гипотезе о культе солнца сохранились якобы остатки марровского представления о „космическом мышлении“. Не Марру, а Энгельсу принадлежат слова, что в начале истории фантастическому отражению в головах людей подвергаются „прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения“³. Конечно, и солнце могло быть объектом почитания на этом раннем этапе развития религиозных верований. Однако, одно дело — могло ли это иметь место и другое дело — имело ли это место в действительности и в каких именно формах. Чтобы это доказать, нужны серьезные аргументы и факты, которые, к сожалению, не приводятся.

Если исходить из намеренности погребения тешик-ташского мальчика (а в этом, как мы выше отмечали, оснований для сомнения нет), то нельзя не согласиться с А. П. Окладниковым, что судьба умерших детей, очевидно, интересовала мустьерских людей не меньше, чем участь взрослых покойников, и что у неандертальцев должно было существовать понятие о жизни и смерти, как о фактически разных состояниях. Отсюда однако не следует, что эти захоронения были связаны „с мыслью о возрождении и возвращении детей обратно в

¹ Астахов И. Б. Происхождение и развитие искусства в свете марксистско-ленинской эстетики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1953, стр. 8–9.

² Шаревская, указ. соч., стр. 24.

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М, 1957, стр. 299.

среди живых" или, что „в кругу этих идей заключается вера в особую роль очага, „хозяйка“ которого хранит души умерших детей и возвращает их обратно для возрождения“¹. Такие представления действительно имеют место в позднейшее время у некоторых племен и народностей мира, но имели ли они место в интересующую нас эпоху, более чем сомнительно, и во всяком случае, недоказуемо.

В нашем распоряжении слишком мало фактов, чтобы утверждать, что в среднем палеолите существовал и культ огня и культ солнца. Из того неоспоримого факта, что „рядом с рогами прослежены были следы небольшого очажного пласта, а основания одной пары рогов были как будто слегка обожжены“², очень трудно сделать вывод о существовании культа огня, а расположение рогов очень трудно связать с культом солнца.

Едва ли возможно на основании единственного факта — наличия рогов в Тешик-Таше решить вопрос, почитался там горный козел или нет. Но если, учитывая, что почитание козла на территории Таджикистана и в более поздние времена действительно имело место³, можно принять гипотезу А. П. Окладникова, как рабочую, то во всяком случае является более чем сомнительным, что почитание это носило в те давние времена тотемистический характер. Если даже допустить, как это предлагает Б. И. Шаревская, что представление о родстве с животными возникает уже у неандертальцев, то это почитание на стадии возникновения тотемизма должно было бы выразиться в запрете есть тотемное животное. Культ же медведя в том виде, в каком он известен у народов севера, наблюдается только на стадии распада первобытно-общинных отношений и является лишь пережитком тотемизма.⁴ Стало быть, в среднем палеолите это почитание, если оно существовало, должно было бы носить какой-то иной характер.

Таким образом, рассмотренные нами стоянки показывают возможное возникновение религиозных верований, но для утверждения, что в мустьерскую эпоху возник тотемизм, у нас нет оснований.

Перейдем к рассмотрению памятников верхнего палеолита.

Ряд советских ученых усматривает следы тотемизма в скоплениях в отдельных стоянках костей некоторых животных. Так, Н. М. Поликарпович считает, что нагромождение черепов мамонта (до 30), находка среди них нескольких пластинок слоновой кости, украшенных какими-то условными рисунками и резной фигурой женщины имеет связь с тотемистической идеологией.⁵

П. И. Борисковский полагает, что с тотемистическими верованиями связаны обнаруженные им в стоянке Борщево II волчья лапа и кости конечностей лошадей.⁶

Еще дальше идет П. П. Ефименко: он утверждает, что „...есть основание полагать, что именно те животные, остатки которых обычно встречаются чаще других на местах палеолитических стоянок, являлись преимущественно объектами почитания палеолитического населе-

¹ Окладников А. П. История Якутии. т. 1, Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949, стр. 77.

² Окладников, там же, стр. 39.

³ См. например, Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана. Уч. зап. Таджик. госуниверс., т. XIV, Сталинабад, 1956, стр. 99—100.

⁴ См. Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока. Уч. зап. Таджикского госуниверсета, т. XIV, Сталинабад, 1956, стр. 115—117.

⁵ Поликарпович А. М. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. „Сов. археол.“, № V, 1940, стр. 288.

⁶ Борисковский П. И. Раскопки Борщевской второй палеолитической стоянки в 1936 г. „Сов. археол.“, т. V, 1940, стр. 283.

ния Европы и Северной Азии...¹ в верхнем палеолите. Основывается он на том, что во многих стоянках „...кости некоторых животных (мамонта, овцебыка, северного оленя, песца, пещерного льва и др.), занимают часто особое положение в обстановке палеолитических стоянок. В ряде известных нам случаев эти животные, с другой стороны, бывают представлены необычными частями скелета — черепами, лапами, хвостами и т. д.“² Так, по мнению П. П. Ефименко, в стоянке Костенки I почитался мускусный овцебык, череп которого — единственная находка этого животного, — лежал на груде костей мамонта в одной из землянок в таком положении, что можно думать, что первоначально он лежал на кровле жилища. К таким же объектам почитания он относит и песца, несколько целых скелетов которого, но без черепов, найдено в той же землянке, и пещерного льва, четыре коротко обрубленные лапы которого, явно расположенные первоначально в определенном порядке, найдены поблизости на полу жилища. К явлениям того же порядка он относит и черепа мамонтов из Елисеевичей, а в Мальте песца, скелеты которого обычно с отделенной головой и обрубленными лапами найдены М. М. Герасимовым, и некоторых других животных.³ Почитание этих животных носит, по-видимому, по мнению П. П. Ефименко, тотемистический характер, хотя и отличный от австралийского тотемизма.⁴

Мы уже выше отмечали, что тотемами едва ли могли быть животные на которых преимущественно охотился человек потому, что есть тотемное животное, по-видимому, воспрещалось. Мы добавим, что, если даже согласиться с теорией П. П. Ефименко, то, во-первых, в таком случае в Костенках должен был бы почитаться мамонт, а не песец или пещерный лев, или тем более, овцебык, от которого найдена лишь одна голова; на Мальте в таком случае почитался бы соответственно северный олень и т. д. Во-вторых, очевидно, что в одной стоянке мог бы почитаться лишь один тотемный вид, а не несколько. Более правдоподобным, поэтому, нам кажется, будет предположение, что во всех отмеченных скоплениях костей надо предполагать запасы пищи или остатки добычи.

Наиболее важным источником для решения вопроса о времени возникновения тотемизма являются первобытные произведения искусства.

Мы ставим своей целью рассмотреть отдельные произведения искусства того времени, которые в той или иной степени можно истолковать как тотемистические. Однако для внесения полной ясности в рассматриваемый вопрос и во избежание возможных инанотолкований, мы считаем необходимым предварить наш экскурс в область палеолитического искусства несколькими замечаниями:

Первобытное искусство отнюдь не являлось „искусством для искусства“, оно возникло из общественной потребности — необходимости и желания передать коллективу свои мысли, чувства, настроения, вытекающие из трудовой деятельности людей. Оно являлось своеобразной формой познания, отражения, воспроизведения этой трудовой деятельности в художественных образах. Именно этим и объясняется, с нашей точки зрения, реалистический характер и содержание большей части палеолитических изображений.

Примитивными условиями материальной жизни на этой ступени общественного развития объясняются и наивные формы и, в известном

¹ Ефименко, указ. соч., стр. 405.

² Ефименко, указ. соч., стр. 401.

³ Указ. соч., стр. 409.

⁴ Там же.

смысле, натуралистичность изображений. Низкий уровень развития производительных сил обусловил зависимость общества от сил природы, перед которыми люди были беспомощны. В силу этого известная часть изображений связана с религией. Диалектическим противоречием между искусством, как формой познания действительности и религиозной фантастикой объясняется то, что они носят черты фантастики, условности. Это, однако, не означает, что все изображения носили религиозный характер, как это утверждают некоторые ученые.

Из всей массы произведений палеолитического искусства мы остановимся, главным образом, на изображениях фантастических людей, животных и так называемых „замаскированных фигур“, интерпретация которых имеет, по нашему мнению, особо важное значение для выяснения интересующей нас проблемы.

Выяснение времени возникновения тотемизма и решение вопроса о его древнейших формах требует, в первую очередь, пересмотра датировки этих изображений.

До сравнительно недавнего времени считалось общепринятым, что изображения животных появились уже в ориньяке, а рыб только в мадлене¹, что женские статуэтки имеются только в ориньяко-солютре, но отсутствуют в мадлене, что стилизованные изображения людей появляются только в мадлене².

Эти взгляды являлись следствием небольшого числа изображений, найденных в культурном слое и невозможности точно датировать громадное количество пещерных рисунков, не связанных непосредственно с культурным слоем. Именно эти причины заставили исследователей попытаться установить их древность по стилю и форме³. Ненадежность такой датировки очевидна, и не удивительно, что поэтому очень часто одну и ту же находку разные исследователи датировали по-разному. Исследователю, впрочем, оставалось или признать чью-либо готовую схему или датировать по сходным находкам *in situ*. Но так как не все виды изображений найдены в культурном слое той или иной эпохи, так как, например, изображения рыб, „замаскированных“ и антропоморфных людей были обнаружены в мадленском культурном слое, но в ориньяко-солютрейском слое их найдено не было, то датировка всех изображений этого типа, обнаруженных вне культурного слоя, была признана, безусловно, мадленской.

За последние годы новые находки заставили некоторых исследователей отказаться от части этих традиционных взглядов. Так, П. П. Ефименко отметил существование в ориньяко-солютрейском слое одновременно с женскими, хотя и в значительно более редких случаях, мужских изображений⁴. А в своих последних работах он высказывает интересную мысль, что отсутствие женских изображений в мадлене является лишь кажущимся, что, по-видимому, это отсутствие объясняется тем, что они изготовлялись не из кости, как раньше, а из дерева и поэтому не сохранились.⁵ Доказано, как нам кажется, убедительно,

¹ Obermayer Г. Доисторический человек. СПб, 1913, стр. 265.

² Obermayer H. Kunst. Reallexikon der Vorgeschichte. В., 1926, т. VII, стр. 141; Зямятин С. Н. Раскопки у села Гагарина. Сб. „Палеолит СССР“, Изд. ГАНМК, М.-Л., № 118, 1935, стр. 77.

³ Obermayer H. Paleolithikum und steinzeitliche Felskunst in Spanien. „Prehistor. Zeit.“, 1922, стр. 177—199; Кюн Г. Искусство первобытных народов. М.-Л., 1933, стр. 217.

⁴ Ефименко, Дородовое общество..., стр. 311.

⁵ Ефименко П. П. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 534—525; его же, Первобытное общество, 1953, стр. 526—527.

появление первых изображений рыб в ориньяко-солютрейский период¹. Эти выводы не являются неожиданными. Какую бы роль ни играла женщина в обществе этого периода, роль охотника-мужчины в производстве была достаточно высока, не уступала во всяком случае женщине; какую бы незначительную роль ни играло бы рыболовство в этот период, но известным дополнительным ресурсом для питания оно являлось. Очевидно, что все виды добываемой пищи—и растения, и рыбы, и млекопитающие—могли найти отражение в искусстве первобытного человека, как могли и должны были отразиться в нем и сами непосредственные производители—мужчины и женщины. Но если в отношении указанных изображений делались попытки их датировать, то в отношении так называемых антропоморфных изображений датировка не изменилась; до последнего времени поддерживалась версия об их мадленском происхождении.

Пересмотр вопроса давно назрел. Но этот пересмотр требует внимательного исследования некоторых изображений верхнего палеолита, вызвавших самую разнообразную интерпретацию,—в первую очередь „антропоморфных“ изображений. К их рассмотрению мы и переходим.

В пещере Мас Д'Азиль, среди многочисленных изображений животных, птиц, рыб, растений в мадленском слое найдены и контурные рисунки полулюдей-полуживотных. Особо интересной является гравюра на кости человека с головой животного, которую Обермайер считал либо неудачным рисунком, либо изображением человека с маской животного².

В гроте Комбарелль найдено свыше 360 нацарапанных на стене самых разнообразных рисунков и около 30 изображений фантастических животных и людей.

В Марсуле нашли нарисованные красками и нацарапанные на стене изображения разнообразных животных и фантастических людей, подобные комбарелльским.

В убежище под скалой Мюрат найдены две гравюры животных на кости—одно очень наклоненное, с большой головой, а сзади—слегка наклоненное, с подобной же головой.

В Лимейе два из 137 изображений являются антропоморфными. Это видимо, полулюди-полуживотные.³

В нижней Ложери был, в частности, обнаружен контурный рисунок фантастического человека с остроконечной головой, не очерченным ртом, непропорционально маленькими руками.

В гроте Портель в задней части пещеры, среди изображений животных, найдены и антропоморфные.

Изображения антропоморфные, а также фантастических животных имеются в Альтамаре и фон-де-Гом. Два антропоморфных рисунка обнаружены в пещере Гурдан. Антропоморфный контурный рисунок найден в Маркаме. Подобные изображения известны и из Коломбье.

В Кроманьоне обнаружена гравюра человека, видимо, с головой животного. Изображение фантастического человека найдено в Хорнос-де-ла-Пьена.

В верхней галерее Тюк д'Одубер нашли изображение фантастического животного. В Пена-де-Каидамо, среди других рисунков, сделанных черной краской, обнаружено изображение бизона с челове-

¹ Breuil H. et Saint-Perier R. Les poissons, les batraciens et les reptiles dans l'art quaternaire. „Arch. de l'Inst. de paléont. hum. (Paris)“, 1927, mem. 2.

² Обермайер, указ. соч., стр. 264.

³ Kóhu H. Kunst and Kultur der Vorzeit Europas. Das Paläolithikum. B., 1929, стр. 146.

ческими чертами.¹ В Лурде найдены изображения двух каких-то фантастических животных и человека в довольно большой маске. Отсюда же происходит изображение человека с длинной бородой и звериным хвостом, возможно, с оленьими рогами. В восточной Испании (пров. Каstellон) обнаружены пещерные рисунки фантастического животного и человека с звериным хвостом, которые Обермайер датирует мадленом².

Интересны два контурных рисунка на камне из Мадлена, нанесенные на обеих его сторонах: на одной стороне изображена, как это можно судить по очертаниям груди, женщина, поднимающая руку. Ее голову как бы покрывает большая маска. Второе представляет, видимо, мужчину, держащего руку согнутой в локте и носящего большую, немного иначе оформленную маску.

Из „замаскированных фигур“ необходимо отметить известную находку в убежище под скалой в Меже (Тейжа, Франция) трех фигур выгравированных на роге слона с телом человека и головами серны, покрытых коротким мехом или шкурой.

Видимо, к этому типу изображений относится и находка в Клаусе (Бавария) „жезла“ с гравюрой человека в фас, которую Обермайер считает изображением фантастического получеловека-полуживотного³, и в Кауфертсберге — „жезла“ с рисунком части человека с хвостом животного.

Из изображений „замаскированных фигур“ одним из наиболее интересных является „шаман“ из пещеры „Трех братьев“. Это человек с рогами оленя, хвостом, длинной, по-видимому, искусственной бородой, стоящий почти на четвереньках, возможно, в положении танцующего.

Мы еще вернемся к этому интересному изображению. Пока мы отметим, что там же было найдено значительное количество рисунков животных.

В этой же пещере обнаружены три фигуры, составляющие, по мнению Бегуена, самостоятельную композиционную группу. Первая фигура слева представляет, по его мнению, „северного оленя, у которого только передние ноги изображены неестественно, заканчиваясь суммарно изображенными пальцами, похожими или на руку или на лапы утки“. Бегуен видел здесь преднамеренное искажение естественной формы, „Средняя фигура композиции еще более необычна. Задняя половина тела носит все черты животного из семейства оленей. Но верхняя часть ног не соответствует действительной форме, свойственной названному животному“. Она, как полагал Бегуен, имеет размеры, характерные для человека. Передние ноги типичны для бизона. На месте загривка вздымается копыта длинной взъерошенной шерсти, которая не свойственна бизону и северному оленю. Голова животного, повернутая слева направо, представлена в редком для позднего палеолита повороте, похожа на голову бизона и животного из породы коз. Это нереальное существо, кажется, смотрит на третью фигуру, которая „еще более исключительна и удивительна“. Эта фигура находит свое место в ряду изображений наполовину человеческих, наполовину животных. Голова у этого существа — бизонья, однако она относится к человеческому телу, стоящему вертикально. Шкура би-

¹ Obermayer. Reflexikon..., стр. 147.

² Ero же, Neue diluviale Felsmalereien in der Provinz Castellon (Ostspanien)... „Forschun. und Fortschr.“ 1935, № 33, стр. 418.

³ Obermayer H. und Fraunholz J. Der skulptierte Rengewelstab aus der mittleren Klausenhöhle bei Essing (Nieder-Bayern). „J. P. E. K.“, № 1, 1927, стр. 1—10.

ложа, кажется, опускается с его плеч; однако линия хребта, несомненно, человеческая, как и левая нога. Правая нога, данная на втором плане, не согнута и выполнена менее отчетливо. Передние конечности не похожи на человеческие. Рука, изображенная ниже, протянута вперед, вторая заканчивается двумя копытами. Эта вторая рука направляется к длинному веретенообразному предмету, один из концов которого заканчивается у рта головы бизона. Очевидно, что „рука держит предмет—флейту или какой-нибудь духовой инструмент, если только он не представляет собою маленького музыкального лука“.

Нижняя часть бедер третьей фигуры завершается хвостом „в форме кисти, пересекающей обе ноги“¹.

Б. Л. Богаевский считал, что первая фигура изображена прикрытой целой бизоньей шкурой с рогами и хвостом и что нет оснований предполагать, что задние ноги второй фигуры передают форму человеческой ляжки. Он отрицал также возможность „истолкования значения формы передних конечностей животного, подражающих... рукам человека или утиным лапам“ и видел в них существование в мадленскую эпоху „социально обусловленных поз, движений части тела, истинное значение которых еще не объяснено“².

Антропоморфные гравюры на камне найдены и в пещере Истюрнц. Одна фигура изображена с взъерошенными волосами и густой бородой. Глаза смотрят из-за заросших бровей. Ухо очень большое, нос маленький. Вторая фигура, возможно, в бородатой маске; третья, как будто гротесковая, с согнутой спиной, кажется сидящей. Ноги нарисованы небрежно. Голова с большими круглыми глазами и вытянутым носом. Четвертая представляет несколько склоненную голову с взъерошенными волосами и длинным носом³. Интересен антропоморфный рисунок, вырезанный на кости, напоминающий гравюру из Маркама. Это голова с длинными ушами, похожими на ослиные или заячьи, и круглыми глазами, с пятью маленькими черточками вместо рта, изображающими зубы.

Все эти изображения, за исключением Хорнос-де-ла-Пенья, датируются мадленом, а последний относят к солиотре или раннему мадлену⁴. Рисунки из Кроманьона, которые ранее относили к мадлену, позже стали датировать ориньяком⁵.

Нами уже отмечена зыбкость оснований для датировки, и передатировка находки из Кроманьона является только одним из показателей этого. А примеры можно умножить: в Ривьера-де-Тулла изображения датируются по найденному в убежище гарцулу, хотя неизвестно, синхроничны ли они; в Альтамире культурный слой относят к солиотре и раннему ориньяку, а рисунки относят к позднему мадлену; в Марсуле культурный слой датируется ранним мадленом, а изображения—поздним. А так как концы здесь не сходятся с концами, то создаются „теории“ о необитаемости этих мест в период изготовления изображений, об „убежищах“ и „священных местах“, существовавших в указанных стоянках⁶.

¹ Богаевский Б. Л. К выяснению значения нового изображения в пещере „Трех братьев“ на юге Франции. „Сов. этнография“, № 1, 1933, стр. 169—170.

² Указ. соч., стр. 170—171.

³ Salut-Perier H. La grotte d'Isturitz. „Arch. de l'Inst. de paléont. hum. (Paris)“, 1930, том 7, стр. 83.

⁴ Mac-Curdy G. O. Human origins. A manual of prehistory, I., 1924, т. II, стр. 125.

⁵ Kuhn, указ. соч., стр. 344.

⁶ См. например, Kuhn, указ. соч., стр. 466.

Ряд находок, опубликованных за последние десятилетия очень ясно показывают, что вопрос о передатировке многих изображений уже давно назрел.

В пещере Пеш-Мерль (деп. Лот, Франция) найдено большое количество скульптур и ряд рисунков на стенах¹. Несколько ниже мы рассмотрим весьма интересную находку—скульптуру медведя. Пока же отметим, что на стенах и потолке грота, кроме рыб и разнообразных зверей, имеются и интересующие нас антропоморфные изображения: на влажной глине потолка обнаружена гравюра, сделанная пальцем „жещоподобная фигура, составляющая часть настенных пероглифов“, как мы полагаем, изображенные фантастической женщины, датируемое Лемози ориньяком. На своде, в 1,5 метра от земли, обнаружен обведенный красной чертой „донсторический стрелок“, нарисованный, видимо, в профиль, покрытый, по мнению Лемози, маской.

По глине потолка маленького коридора пальцем нарисованы три изображения человека, „покрытые ужасными масками— первое с собачьей мордой, второе—с рогами, подающимися вперед. Тело лукообразно, рисунок груди смутный... Тело сильно согнуто, наклонено вперед и имеет закругленный хвост. Ноги заканчиваются скорее когтями, чем ступней. Третье изображение представляет только голову с удлиненной и бесформенной мордой. Морда дана, видимо, в профиль, а глаза и рога в фас. Рисунок сделан в 75 см. от пола, причем в коридор можно войти только согнувшись“. Еще одно изображение представляет голову животного, увенчанную тремя отростками, напоминающими рога. Глаза преувеличены, морда немного бесформенна, челюсть слишком выпячена. По-видимому, это маска животного.

Любопытно, что в пещере найдено семь изображений женщины и рисунки разнообразных животных.

В стоянке Дю-Рок² в провинции Шарант (Франция) найден культурный слой, датируемый Мартеном солютрейской эпохой, остатки фауны, нами уже выше указанной и большое число горельефов. Особый интерес представляет „скульптурная мастерская“, расположенная на скале около 4 метров высоты от основания, которая хорошо видна с долины и с которой хорошо видны окрестности. Скульптурные изображения сделаны на больших плитах, расположенных полукругом. Из скульптур наибольший для нас интерес представляет большой блок длиной в 1,52 м, шириной в 58 см. и толщиной в 0,76—0,58 м. На нем видны налево не то „неоформившийся“, не то замаскированный человек; в центре—две лошади, а направо—мускусный бык, нападающий на человека, который обращается от него в бегство. Наскальный фриз датируется Мартеном солютрейской эпохой.

Особо интересна открытая в 1941 г. в пещере Ляско у Монтиньяка на Везере (Дордонь) живопись. Из многочисленных рисунков, нанесенных на стены пещеры, мы остановимся только на двух.

В большой зале первая фигура представляет фантастическое животное, корпус которой напоминает носорога, а голова—голову тибетской антилопы³.

¹ Breuil H. Nouvelles figurations humaines de la caverne David a Cabrerete (Lot). „Rev. Anthr.“, 1924, стр. 165—171.

² Lemozi A. Le grotte—Temple du Pech—Merle. P., 1929, стр. 50.

³ Martin H. La frise sculptée et l'atelier solutreen du Roc Charente). „Arch. de l'Inst. de paléont. hum. (Paris)“, 1928, mem. 5; его же, Les sculptures du Roc. „Préhistoire“, т. I, 1932.

⁴ Breuil H. Quatre cents siècles d'art pariétal. Les Cavernes ornées de l'âge du renne. Montignac—Dordogne. (1952), стр. 128, фиг. 86.

В одном из закоулков пещеры доступ к которому затруднен, на правой стене нарисована брызгами черной краски фигура лошади, плохо сохранившаяся. На левой стене изображена композиция длиной в 2,75 м.: человек, по-видимому, мертвый, лежит между раненым и разъяренным буйволом и носорогом. Человек передается довольно схематично. Его туловище нарисовано двумя параллельными черточками, уплотняющимися к бедрам. Ноги вытянуты и кончаются несколько большими ступнями. Человек лежит немного наискось, навзничь. Голова у него маленькая, похожая на птичью, с прямым клювом; руки наполовину вытянутые, раскинуты в стороны, на ладонях по четыре пальца. Под его ногами виден короткий предмет, снабженный большим крючком. Бизон, нарисованный черной краской по пятну желтой естественной охры, находится справа. Он проткнут копьем с большим числом односторонних зубьев, сломанным на две трети своей длины. Из его живота вываливаются внутренности. Голова бизона наклонена, рога угрожающе направлены на человека, хвост поднят вверх, но его ноги даны в искаженной перспективе и не выражают никакого движения. Слева от человека изображен носорог, удаляющийся спокойным шагом. Между человеком и носорогом шесть черных точек, расположенных вертикальными парами. Внизу экспозиции нарисован столб с основанием, снабженным зубчиками, на верхушке которого находится, по-видимому, птичка без лапок и почти без хвоста¹. По аналогии с Пещиале Бреиль датирует композицию поздним ориньяком².

Но если находки в гроте Пеш-Мерль, в Дю-Рок и Ляско датируются по стилю выполнения или по аналогии, то находки в Фогельгерде, Ла-Феррасси, Вестонницах и, особенно, в Костенках уже не вызывают никаких сомнений.

В Фогельгерде среди ряда скульптур животных³ найдена и человекоподобная подвеска из слоновой кости в слое позднего ориньяка.

В Ла-Феррасси⁴ обнаружена гравюра на стене, с использованием естественного рельефа, причудливой фигуры с четырьмя углублениями, сделанными сзади и одним под челюстью. Пейрони отмечает, что „комбинированное сочетание естественных форм с искусственными чертами и дает причудливую голову архаического характера, которую трудно приписать определенному животному“. Он считает, что „это одна из масок, столь частых в эпоху мадлена“⁵.

Другая находка сделана вне убежища, в археологическом слое ориньяка. Это камень, имеющий естественную форму головы животного, причем заметно, что он отломан от статуи. Пейрони отмечает, что голова „не может быть сравнима с животными ориньяка“, но может быть сравнима с такими мадленскими изображениями, как Комбарелль⁶. То положение, что оба изображения выполнены в той же манере, как и остальные найденные произведения искусства, что мадленского слоя здесь нет, позволяет сделать вывод, что изображение фантастического животного на скале синхронично второму.

В Вестонницах Дольних (Моравия) найдены в большом количестве пластические произведения из массы, состоящей из костной золы и глины. Среди этих изображений имеются и типичные ориньякские

¹ Breuil, указ. соч., стр. 114—115, 135—136, 150—151, фиг. 114—115.

² Указ. соч., стр. 149.

³ Riek G. Les civilisations paléolithiques du Vogelherd près de Stetten-ob-Lonetal (Würtemberg). „Prehst.“, 1933, т. II, часть II, стр. 175, п. 12.

⁴ Peyrony D. La Ferrassie. „Prehst.“, 1931, т. III, стр. 55—75.

⁵ Peyrony, указ. соч., стр. 75.

⁶ Указ. соч., стр. 13.

женские изображения из слоновой кости и сделанная из того же материала антропоморфная мужская головка¹. Стоянку эту П. П. Ефименко датирует поздним солютре².

Находка в Вестонницах антропоморфной фигуры вместе с типично ориньякскими женскими скульптурами прибавляет новое доказательство в защиту нашей точки зрения о появлении подобных изображений в ориньяко-солютре.

Исключительный интерес представляют найденные П. П. Ефименко в Костенках две из пяти-шести антропоморфных головок из мергеля³. Одна из них представляет собой какое-то фантастическое существо, крайне напоминающее известные комбарельские антропоморфные изображения; другая скульптура представляет полуживотное-получеловека.

Но эти скульптуры найдены в несомненно ориньяко-солютрейском слое и являются первой находкой, где комплекс изображений и животных, и фантастических людей, и женские статуэтки обнаружены в одном месте.

Все это заставляет сделать вывод, что изображения фантастических людей и животных появляются одновременно с реальными животными и людьми. Таким образом, несомненным является, что изображения антропоморфные, а также фантастических людей и животных появляются не в мадлене, а в ориньяко-солютре⁴.

Мы не можем не отметить, что всем так называемым стилизованным изображениям, выполненным в условной манере, сопутствуют выполненные в реалистической манере, что в ряде случаев „стилизованные“ изображения являются, видимо, не более, как маски. Так, широко известные головы лошадей из Мас д'Азиля, которые Пьет принимает за „взнузданных лошадей“, а Обермайер относит к группе стилизованных голов животных⁵, являющиеся, по нашему мнению, масками лошадей, выполненными реалистически, так, как их видел первобытный человек. Слабое очертание в них зубов, превращение жевательной мышцы, челюсти и зубов в простые зубчатые линии, окаймление их, как и носа, геометрически правильными линиями объясняется тем, что в те времена, в силу низкого развития производительных сил, человек не мог создавать более совершенные маски.

Очевидно, что теории о том, что подобные изображения являются следствием неспособности человека рисовать, что рука первобытных людей, привыкших рисовать животных, произвольно изображала людей с головами животных,⁶ что маски являются плохо нарисованными человеческими головами⁷, что они являются простыми карриатурами⁸, представляются необоснованными, ибо если отдельные поделки или рисунки могли быть и, конечно, являлись неудачными, то **массовое** распространение и тех и других показывает, что разница эта обуславливается различием их функций.

¹ Абсолют В. Искусство моравского палеолита. Труды II межд. конф. ассоц. по изуч. четвер. периода Европы, вып. V., Л.-М. Новосибирск, 1934, стр. 10; Ефименко. Первобытное общество, 1953, стр. 522.

² Ефименко, указ. соч., стр. 318.

³ Ефименко, указ. соч., стр. 431.

⁴ Хайтун Д. Первобытное общество. Ташкент, 1939, стр. 120; Ефименко. Первобытное общество, 1953, стр. 522.

⁵ Обермайер, указ. соч., стр. 268.

⁶ Deonna W. Les masque quaternaires. „L'Anthropol.“ 1914, стр. 107—113.

⁷ Luquet G. H. Sur les caractères des figures humaine dans l'art paléolithique. „L'Anthropol.“ 1910, № 4—5, стр. 14.

⁸ Hauty E. T. La figure humaine chez le sauvage et chez l'enfant. „L'Anthropol.“, 1908, № 4, стр. 594.

Каковы же функции этих изображений? Подавляющее большинство исследователей объясняет их первобытной магией. Так, Брейль отмечал, что человеку палеолита должны были быть известны и маски, и танцы с маскировкой, и утверждает, что использование всех их для охотничьей маскировки или культовых целей так ясно, что не может вызвать никакого сомнения¹.

Кирхер считает, что композиции из Ляско и аналогичные изображения из Альтамиры, Гурдана выражают „шаманский духовный экстаз с помощью духов, шаманов и жертвенных животных“ (!)².

Сен-Перье полагал, что эти получеловеческие, полуживотные изображения должны представлять или церемониальные маски, надеваемые „колдунами“, или символизировать духов, или охотничью маскировку³.

Как мы видим, Сен-Перье ставит знак равенства между охотничьей маскировкой, церемониальными масками и изображениями предков. Между тем, можно было бы ожидать, что эти разные мотивы должны были бы найти разное отражение в искусстве. И в самом деле, если внимательно присмотреться к изображениям, то можно заметить, что один из них представляют маски животных (маски животных из Истюрца, Пеш-Мерль, „стилизованые“ изображения лошадей из Мас д'Азиль), другие — людей в масках или полностью замаскированных людей („шаман“ из пещеры „Трёх братьев“, первое изображение человека из Лурда), третьи — полуживотных-полулюдей, людей с головами животных, (фигуры из композиции пещеры „Трёх братьев“, Хорнос-де-ла-Пенья, Мас д'Азиль и т. д.), фантастических животных (Костенки, Альтамира, Лурд, Комбарелль) или каких-то неоформившихся людей (Костенки, Комбарелль, третье изображение из пещеры „Трёх братьев“, Альтамира, Истюрц, Гурдан, Портель, Нижняя Ложери, Мадлен). И достаточно взглянуть в эти изображения, чтобы заметить, что если в Портелли, Харнос-де-ла-Пенья, Мас д'Азиль и т. п. голова какого-то фантастического животного составляет единое целое с телом человека, то „шаман“ из пещеры „Трёх братьев“, например, носит явные следы маскировки, так что можно проследить, под какое животное замаскирован человек. Видно, обобщать все эти изображения нельзя, видимо, функции их были разные.

Каковы же функции всех этих разнообразных фигур? Рассмотрим для этого сначала их размещение.

Отметим, прежде всего, что не все они нарисованы или выгравированы на стенах: изображения из Мадлена сделаны на камне, из Тейжа и Клауса — на „желе“, из Ривьеры-де-Тулла — на обломке кости, из Феррасси — одно на стене, но другое — скульптура из камня, из Костенок — из мергеля.

Мы отметим далее, что не все они находились в местах, куда доступ затруднителен, и не все расположены далеко от входа. Если изображения из „Трёх братьев“, Марсула, ла Мута, Сантандера, Комбарелли, Нио, Тюк д'Олубера, Монтэспана находятся, как вполне правильно отмечал Б. Л. Богаевский⁴, или далеко от входа или в местах, где доступ затруднителен, то ни в отношении изображений, нами вышеуказанных, ни к ряду других месторождений это при-

¹ Breuil H. A propos des masques quaternaires. „L'Anthropol.“ 1914, стр. 420—422

² Kircher H. Ein archäologisch-ethnologischer Beitrag zur Urgeschichte des Schamanismus. „Anthropos“, 1952, т. 46, вып. 1—2, стр. 267 и сл.

³ Saint-Perier R. Gravures anthropomorphes de la grotte d'Isturitz. „L'Anthr.“, 1934 № 1—2, стр. 21.

⁴ Богаевский Б. Л., Магия и религия. „Вопросы этнома“, № 12, 1931, стр. 51.

ложимо быть не может. Так, стоянка Дю-Рок, где обнаружены и блок с горельефами животных и человек в маске, как мы уже указали, хорошо видна с долины; изображения в ла-Грез, Альтамире, Истюрице, Вонта-де-ла Перта, Гарга, Марсуле, Тейжа, Пер-Нон-Пер, ла Комарк, Хорнос-де-ла Пенья, гроте Гонтран, гроте Пеш-Мерль находятся вблизи от входа. И может показаться странным, что такой эрудит, как Б. Л. Богаевский, оперирующий к тому же в названной работе рядом изображений указанных местонахождений (Хорнос-де-ла Пенья, Тейжа, Истюриц, Дю-Рок и т. д.), не обратил на это внимания.

Но если изображения помещены и вдали от входа и вблизи, то можно допустить, что отдаленность от входа или их недоступность не являлась обязательной.

Наиболее важным, видимо, для подобных изображений являлось не степень доступности помещения, не местонахождение их в самом помещении, но их характер и отношение к ним остальных, находящихся в пещере. В выяснении последнего вопроса нам поможет всестороннее рассмотрение не только хорошо сохранившихся месторождений с указанными фигурами людей, но и некоторых других.

Так, например, большой интерес представляют пещеры Монтэспан и Пеш-Мерль.

В пещере Монтэспан в районе Северных Пиренеев, открытой в 1923 г., в конце узкой и длинной галереи найдено до 50 скульптур в 1,10 метра длины. Особый интерес представляет скульптура медведя. Голова отсутствовала, но ее, очевидно, не существовало и с самого начала. На месте шеи было глубокое отверстие, куда вставлялась палка или кость вместо головы. Череп медведя лежал между лапами. На теле медведя было обнаружено 30 дыр. Найденная тут же скульптура тигра имела тоже много следов удара дротика. Многие из изображений имели следы краски¹. Весьма характерно, что имевшиеся тут же рисунки лошадей следов оружия не обнаруживают, но что в 1926 г. хозяин пещеры Феликс Тромб обнаружил на стене изображение охоты на лошадей.

В гроте Пеш-Мерль, кроме указанных нами антропоморфных фигур, обнаружена и скульптура, в частности, фигура медведя, которая „расстреливалась“, как и в Монтэспане. Сзади у него было видно много дыр, сделанных дротиками. Отдельные скульптуры, вылепленные из глины, -- повреждены водой и похожи на земляные холмы. Под каждым из них обнаружен череп медведя².

Мы отметим, кстати, что в Монтэспане „замаскированных“ фигур, фантастических людей и животных нет, но есть изображение руки.

Как же обстоит дело с пещерами, где такие фигуры имеются?

Как известно, ни в Тейжа, ни в Хорнос-де-ла Пенья, ни в Дю-Рок, ни в пещере „Трех братьев“, в общем, ни в одном из местонахождений с „замаскированными“ или антропоморфными фигурами „простреленных“ скульптур нет. Зато здесь находят многочисленные изображения животных, объединенных, как правило, с первыми единым комплексом. Характерным являются позы „замаскированных фигур“, танцующих или приготовившихся к танцу, а в изображениях антропоморфных фигур — их незаконченность, отсутствие ряда деталей человеческого тела.

На основании многочисленных, широко известных фактов из жиз-

¹ Boull. M. Les hommes fossiles. P., 1923, стр. 604--605.

² Breuil, Nouvelles figurations..., стр. 167--171.

ни остальных племен мы можем прежде всего предположить, что все описанные изображения в той или иной степени связаны с магией.

И в „замаскированных фигурах“ типа „шамана“ из пещеры „Трих братьев“ и соединении с комплексом окружающих изображений мы можем, вслед за многочисленными исследователями, видеть исполнение не какого-то обряда, связанного с животными, на которых охотились, обряда, являющегося, очевидно, отражением стремления содействовать удаче охоты или, может быть, размножению животных (нитуцизма). И тогда замаскированный „шаман“, по-видимому может быть объяснен, как человек в ритуальной маске, выполняющий эту церемонию.

„Расстрелянные“ фигуры из грота Монтепан и грота Пеш-Мерль можно интерпретировать также как охотничью магию, имеющую своей целью обеспечение удачи в охоте на хищных животных. Без подобных магических действий, по представлению первобытного человека, с этими хищными животными трудно справиться. Бессилие перед силами природы, необходимость их преодоления неизбежно вызывают фикцию возможности преодоления и подчинения сил природы в воображении.

К изображениям такого же порядка, видимо, относится и гравюра на кости из пещеры Раймонден (Шанселяд), на которой мы видим голову бизона с позвоночником и силуэты семи человеческих фигур. Последние расположены головой друг к другу, вправо от головы бизона, по обе стороны позвоночника. По сообщению Н. Г. Шириния, среди индейцев Южной Америки распространены маски, изображающие скелеты рыб, которые надеваются в магических целях — для размножения уже съеденных рыб. Видимо, и находку из Шанселяда можно, по аналогии, рассматривать тоже как магию размножения.

К магическим относится, по-видимому, и контурный рисунок на шиферной пластинке из Пешиаля (Перигор): человекообразное, фантастическое существо с распростертыми руками приближается к медведю, стоящему на задних лапах, перед которым склонилась третья человеческая фигура¹.

Может быть, рисунок воспроизводит эпизод из жизни тотемистических предков и имеет своей целью умиловление медведя-„предка“.

Мы можем допустить, что известная часть изображений связана с магией плодородия. К подобным, может быть, следует отнести, например, некоторые изображения из Комбарелля. Это тем более вероятно, что и современные австралийцы считают, что женщины имеют в некоторых областях, в частности, в половой, большую силу воздействия. Что женские фигурки часто связаны с идеей плодородия или размножения людей, показывают и обнаруженные Элькиным у племен вурара и унгаринии женские изображения мифических предков, которые у них ассоциируются с идеей размножения человеческой расы².

Вместе с тем мы возражаем, как нами это уже отмечалось, против распространенной точки зрения буржуазных ученых, что все палеолитические изображения являются сакральными, связаны с религией. По сообщению Спенсера и Гилдена, у австралийцев существуют изображения и „ничего не значащие“, т. е. не сакральные. В числе последних имеются млекопитающие, пресмыкающиеся и даже силуэ-

¹ Breuil H. Oeuvres d'art paléolithique inédites du Périgord et art oriental d'Espagne. „Rev. Anthropol“, 1927, стр. 101—108.

² Elkin A. P. Totemism in north-western Australia (The Kimberley Division). „Oceania“, 1933, T. III, № 3—4, стр. 463.

ты рук, причём другие рисунки рук, но обведенные красной краской, являются, по верованиям австралийцев, следами предков Алчеринга и поэтому священны. Сакральными у них являются и рисунки на чурингах, хотя они отнюдь не реалистические: это орнамент, имеющий часто разный смысл, обозначающий то или иное существо или предмет, или грубые черты, нанесенные краской.

Значительная часть изображений верхнего палеолита связана если не успешностью охоты, то с животными вообще. Это и неудивительно, ибо охота являлась основным средством добывания пищи, основой производства этого периода. Но отсюда еще не значит, что отсутствовали рисунки рыб, растений, может быть, сил природы, и что не было магии, связанной с рыболовством и собирательством. Находка изображений рыб, отнесенных к ориньяку, равно как и находка в Арк-сюр-Кюр (Франция), изображенного на кости растения, это подтверждают. Очевидно, что магические действия были связаны со всеми отраслями первобытного хозяйства.

Но каким же образом происходило это магическое воздействие? Достаточно ли было сделать изображение загона лошадей или просто млекопитающего, рыбы, растения и т. п. или животного, пронзенного гарпуном, чтобы уже быть уверенным, что человек овладеет предметом охоты, животное станет размножаться, человек будет огражден от диких животных и т. д. И если это не было достаточным, то в чем же конкретно выражалось магическое воздействие человека на окружающую природу? Какое отношение к этому имели изображения фантастических людей и животных и „замаскированных фигур“? Наконец, что хотел отобразить в них первобытный человек?

Чтобы разрешить все эти возникшие вопросы, необходимо рассмотреть функции изображений фантастических людей и животных или полуживотных, которые отличаются от „замаскированных фигур“. Эти изображения не связаны непосредственно с маскировкой под животное. Не связаны они и с идеей плодородия, ибо не одно из них по внешнему виду не дает оснований интерпретировать их в этом смысле. Они не могли быть просто плохо сделанными или испорченными, ибо их найдено слишком много. Реалистичность выполнения всех остальных изображений не допускает мысли, что именно по отношению к данному типу сделано исключение. Но если это так, тогда остается допустить, что эти антропоморфные изображения не являлись стилизацией, но что они изображали не реальны, а каки-то фантастических животных и людей, которых в самом деле не существовало, но в существование которых верили и образ которых стоял перед умственным взором первобытного художника.

Раскрытие функций этих изображений становится возможным при привлечении сравнительного этнографического материала. Особый интерес представляют австралийцы, — наиболее примитивные по общественной организации племена мира, — тем более, что у них мы находим и изображения подобные тем, которые нами рассматриваются. Так, еще Сальсер и Галлен обнаружили рисунки каких-то неоформившихся людей в ущелье к югу от озера Амалеуса (Ш. Австралия). Эти изображения, известные под названием „чуринги Илькинни“, связаны с тотемизмом, и в силу этого сакральны.

Большой интерес представляют и обнаруженные в пещере на реке Принс-Регента в с.-в. Австралии палеолитские изображения фантастических животных и людей, которые Броджоу считал ориньяк-

скими¹. Однако, так как Австралия заселена сравнительно поздно и никаких следов более ранних обитателей здесь нет, то у нас есть все основания полагать, что они принадлежат австралийцам же.

Смысл данных наскальных изображений раскрывается при изучении австралийских мифов. Основное содержание этих мифов, как мы помним, — рассказ о похождениях тотемических предков, являющихся создателями всей природы и, в частности, всех людей. Австралийцы отличают этих легендарных предков от реальных предков, прадедов данной группы, которые рождаются и умирают, как и они. Тотемистические предки жили в мифическое время, они не рождены обычным порядком и не знают смерти. У аранда, например, они „вышли из земли без отца и без матери“. И по внешнему виду они не похожи на обыкновенных людей. Иногда они изображаются „беспомощными и неоформившимися созданиями; их глаза и уши закрыты, на месте рта находилось небольшое круглое отверстие, пальцы рук и ног срослись вместе, скорченные руки приросли к груди, а ноги — прижаты к телу“². Они обладают способностями, которых не имеют современные люди, в частности, превращаться по своему желанию в животных, растения, снова в людей, и вследствие этого часто изображаются одновременно и людьми, и животными.

Сравнение всего того, что нам известно о тотемистических предках австралийцев, с их наскальными рисунками заставляет нас предположить, что в этих рисунках³ следует видеть этих предков или эпизоды из их странствований⁴.

Но ведь и палеолитические „антропоморфные“ изображения по существу идентичны по содержанию наскальным рисункам австралийцев. Значит, и в них мы можем, по-видимому, видеть тех же тотемистических предков.

Функции этих изображений, нам кажется, объясняются австралийскими же материалами: в северо-западной Австралии Элькин обнаружил галерею наскальных рисунков. В них изображены и тотемистические предки — Вонджина (мифический питон) и изображения животных. По воззрениям австралийцев, жизнь и размножение определенного тотемистического вида ассоциируется с Вонджиной⁵. И в религиозных обрядах австралийцы стремятся найти контакт с этими предками, обеспечить их содействие сородичам, заставить их выйти из сакральных убежищ и войти в тотемистических животных. Это присутствие и воздействие предков может быть обеспечено или известным обрядом, или оно может быть, по воззрениям караджери, например, заменено изображением предков.

Такое отношение к изображению сохранилось и у народов Сибири. Так, долгане считали всякое изображение живым; шивхи всякое изображение наделяли душой того живого существа, наподобие которого оно было сделано; у народов Амура изображение считалось

¹ Sollas. Ancient hunters and their modern representatives, L., 1928, стр. 430.

² Spencer B. and Gillen F. J. Some remarks on totemism as applied to Australian tribes. Jour. the Anthr. Inst. of Gr. Br. and Irel. L., 1899 (old series), т. XXVIII, стр. 383—389.

³ Кстати, у племен унгариньи и нурара эти изображения представляют собой обычно голову или с частью тела или со всем телом, с носом, глазами, но без рта и особым головным убором (Elkin, Totemism in North-Western Australia... стр. 461).

⁴ Тотемистических предков, нам кажется, следует видеть и в ориньякских женских изображениях (см. Д. Е. Хайтун. К вопросу об интерпретации женских изображений ориньякской эпохи, Уч. зап. Тадж. госуниверситета, т. VII, Сталинабад, 1956, стр. 129—145).

⁵ Elkin, указ. соч., стр. 462.

ожившим, если у него имелись глаза, а звенки и некоторые другие народы—когда оно писалось кровью или ее заменителем.¹

Крайне важным является, что по представлению некоторых народов, слова человека, рассказывающего сказку или былинку, преираждаются в материальные образы, видимые животным и духам. Такие представления, например, были, как это доказано А. А. Поповым, у долган, которые считали, что эти образы не статичны, что они действуют, движутся согласно тексту рассказа².

Эти этнографические данные позволяют нам осмыслить и функции „антропоморфных“ изображений; видимо, изображения животных, рыб, растений, сцен охоты не были действительны сами по себе: положительные результаты магии должны были обеспечиваться привлечением сверхъестественных сил, тотемистических предков. И так как, по представлению первобытного человека, изображение идентично оригиналу, то оно, очевидно, заменяло первобытному человеку идуку верхнего палеолита отсутствующего „предка“. Иногда он мог быть заменен изображением части: головы, даже рук. И многочисленные изображения голов фантастических существ (Альтамира, фон-де-Гом, Костенки и т. д.), видимо, являются изображениями этих „предков“. Отражением этого является и найденный в Монтэспане рисунок руки. Если учесть, что, как мы указали, у австралийцев были рисунки рук предков Алчиринга, то можно допустить, что отсутствие в данном комплексе „предка“ было заменено его рукой, ибо часть, по фантастическим представлениям отсталых племен, заменяла целое.

Итак, рисунки фантастических животных и полуживотных-полулюдей и „антропоморфные“ являются, по видимому, изображениями тотемистических предков в том виде, в каком их представляли первобытные люди.

Но что представляют собой так называемые „замаскированные фигуры“? Можно было бы, конечно, вслед за другими исследователями, видеть в них маскировку под животное. Однако даже в тех сравнительно редких случаях, когда можно констатировать маскировку, фигуры эти никогда не воспроизводят тот минимум маскировки под животное, который необходим для основной цели—обмана животного. Поэтому усмотреть в этих изображениях охотничью маскировку у нас нет оснований.

Более правдоподобной кажется гипотеза, что эти фигуры изображают „колдунов“, совершающих церемонию. Но если в нашем распоряжении имеется много фактов, доказывающих, что тотемистические главари такие обряды действительно проводят, то у нас нет доказательств, что эти „колдуны“ воспроизводятся в изображениях во время выполнения церемоний. По крайней мере, нам неизвестны этнографические параллели. Не вернее ли будет видеть и в этих „замаскированных“ фигурах те же изображения тотемистических предков, но во время выполнения ими церемонии? Ряд соображений укрепляет нашу точку зрения.

Во-первых, как известно, тотемистические главари у австралийцев при проведении обрядов действительно ряжутся в предков, ибо это является, по их убеждению, одним из способов обеспечить их присутствие, без чего церемония не может быть эффективной. При наличии воззрения, что рисунок идентичен оригиналу, естественно стремление изобразить именно предка, а не тотемистического главара.

¹ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. в. М.—Л., 1951, стр. 748—749.

² Указ. соч., стр. 750.

Во-вторых, нам понятно стремление первобытных людей изобразить не просто предка, а один из эпизодов его странствования, связанный именно с размножением животных или удачливостью охоты, ибо это, с их точки зрения, может усилить эффективность обряда, а в этом случае предок и должен быть изображен в том виде, в каком мы его находим на палеолитических рисунках пещеры „Трех братьев“, во втором изображении Лурда и т. д.

Наконец, мы не можем не обратить внимания и на то, что „замаскированные фигуры“ носят особый головной убор, а такой убор надевают при выполнении религиозных церемоний австралийцы арабана и др. Этот убор, считающийся сакральным, у арабана состоит из волосяных веревок, сплошь покрытых белыми перьями, которые расстилаются по груди и плечам тотемистического главаря. Такие же уборы обнаружены и в наскальных рисунках Австралии. Грей обнаружил в северо-западной Австралии изображения двух мужчин и женщины с кенгуру на голове и на левом плече; мужчины одеты в какие-то длинные одежды, одни—в красные, другие—в синие. На их головах имеется убор—широкий венчик в виде подковы¹, который, по разъяснению туземцев, состоит из тонких полос, изготовляемых из сердцевины сагового дерева. Аналогичное изображение обнаружено Элькиным у племен караджерри², вурара и унгариньин³. Но такой же убор имеется, как нами отмечалось, у папуасов острова Киваи под названием „дори“, где он делается из тонких полос, изготовляемых из сердцевины сагового дерева, сшитых вместе и закрепленных на раме, составленной из трех палок и согнутого ротанга, окрашенного в коричневый цвет. К сожалению, нам неизвестно точное назначение этих уборов, но несомненным является то, что какую-то магическую функцию, притом тесно связанную с проводимым обрядом, они несомненно имеют.

Все высказанные нами соображения заставляют нас считать, что и „замаскированные фигуры“ являются изображением тех же тотемистических предков, как их представлял первобытный человек.

Из этого, конечно, отнюдь не следует, что уже в ориньяке существовали тотемистические представления, подобные австралийским, тем более папуасским или африканским. Наоборот, мы вправе ожидать, что эти представления в столь раннюю пору возникновения тотемистических воззрений были более примитивными, нежели даже мы можем проследить в самых архаичных австралийских верованиях.

Какие же из элементов тотемистического комплекса существовали в эпоху возникновения тотемизма?

На основании археологических данных следует признать наличие в этом комплексе, наряду с верой в происхождение от тотемистических предков, лишь интичиумы, ибо, как мы помним, значительную часть изображений можно истолковать лишь в этом смысле. При этом следует отметить, что обряды размножения, как и охотничья магия, касались не одного вида животных, а многих. Это показывает, что общение с одним видом животных еще не установилось⁴.

Археологические данные нам ничего, понятно, не говорят о нали-

¹ Sollas, указ. соч., стр. 429.

² Elkin A. P. *Rock-painting of North-Western Australia*. „Oceania“, 1930, т. I, стр. 274-275.

³ Его же, *Totemism in North-Western Australia...*, стр. 461.

⁴ Толстов, С. П. Проблемы родового общества. „Сов. этнография“, № 3-4, 1931, стр. 92.

чий общего тотемного названия. Но если принять положение, что „антропоморфные“ изображения и изображения фантастических людей и животных являются легендарными тотемистическими предками, то мы имеем и все основания предположить, что такое название для группы людей связанных общим родством точно также уже существовало. Общее, название и общие предки должны были сближать родственные группы, выделяя их из всей остальной массы людей, противостоящих им уже потому, что не являлись родственными.

Несколько иначе обстоит вопрос с реинкарнацией. На основании анализа палеолитических изображений мы можем предположить, что уже в те времена существовала вера в перевоплощение легендарных предков в животных, растения и т. д., но уверенности, что существовала и вера в реинкарнацию предков в членов группы и обратно, у нас нет. Если бы мы обнаружили в начале верхнего палеолита чуринги, подобные австралийским, то такое предположение было бы вполне законным. Однако азильские гальки, которые обычно считают чурингами, относятся к этапу значительно более позднему, а достоверных находок чуринг в верхнем палеолите пока нет. Стало быть, на основании имеющихся археологических данных этот вопрос пока решить нельзя. Что касается инициаций, то имеющиеся в нашем распоряжении материалы заставляют нас предположить, что они несколько более позднего происхождения, ибо наиболее ранние находки силуэтов человеческих рук с ампутированными суставами пальцев, что вероятно, связано с посвящениями, следует, по-видимому, датировать мадленом, а находка женского скелета с ампутированными фалангами мизинцев в Мурзал-Коба (Крым), относится к тарденуазу¹. Других же фактов, подтверждающих существование инициаций в ориньяке, в нашем распоряжении пока не имеется. Лишь новые археологические находки, достоверно датированные, позволят окончательно решить этот вопрос.

Таким образом, с той степенью вероятности, какая возможна при интерпретации археологических памятников столь отдаленной эпохи, можно предположить, что в тотемистический комплекс в пору возникновения этих представлений, по-видимому, входила вера в происхождение от тотемистических предков полулюдей-полуживотных, общее название, вера в перевоплощение этих предков в тотемный вид и выполнение обряда интичиумы.

Большой интерес представляет выяснение вопроса, является ли тотемизм в пору его возникновения *единственной* формой религиозных верований или одновременно с ним существовали и иные формы или элементы.

Все, что нам известно о палеолитическом человеке, доказывает, нам кажется, бесспорное существование у обитателей палеолитических стоянок *магии* — охотничьей, размножения, плодородия.

Так как мы исходим из того, что изображения фантастических людей и животных являются изображениями фантастических предков, обладающих способностью реинкарнации, то тем самым признаем существование в верхнем палеолите анимистических воззрений. Наличие этих представлений, нам кажется, подтверждается скорченными погребениями верхнего палеолита. Эта „скорченность“ получилась в результате искусственного придания этого положения мертвому телу обычно путем связывания его ремнями, веревками, обертыванием в кожу, шкуры, ткань и т. п. При этом колени притягивались более

¹ Библик С. Н. Из работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 г. Ком. по изуч. четверт. периода, № 6—7, М. — Л. 1940, стр. 43, 84.

или менее плотно к животу, ноги сгибались, руки или вытягивались, вдоль туловища, или прижимались к груди, будучи подняты кистями к лицу¹.

Несомненная намеренность ориньяко-солютрейских погребений, захоронение вместе с покойником оружия, орудий труда, украшений, иногда пищи позволяет сделать вывод о существовании в те времена в каком-то виде веры в загробную жизнь, в самостоятельное существование духа покойника после смерти.

Существование *олицетворения сил природы* мы не можем доказать на основании памятников археологии, ибо ни одно из изображений или иных находок не может быть с уверенностью истолковано в этом смысле. И все же нам представляется, что такая вера должна была существовать. Наше предположение мы можем доказать лишь при привлечении этнографических данных, фактически базируясь на одном, но зато весьма важном факте: у одного из наиболее примитивных из известных нам по письменным источникам племен мира—у тасманийцев, существовало и олицетворение сил природы. Такие представления, вероятно, были и в верхнем палеолите.

Таким образом, у нас имеются достаточные основания предполагать существование *тотемизма, анимизма, олицетворения сил природы и магии* уже в начале верхнего палеолита.

Но каково было соотношение этих элементов?

Нам кажется несомненным, что олицетворение сил природы, если оно имело место, было тесно связано с тотемизмом, но отступало перед ним на задний план и получало тотемистическую окраску. По аналогии с австралийцами, мы можем предположить, что в верхнем палеолите тотемистические предки зачастую представлялись в виде сил природы, или считались демидургами последних.

Из всего, что нами выше сказано, вытекает, что и в эту отдаленную от нас эпоху обряды, связанные с тотемизмом, были магическими, а магия тоже получала тотемистическую окраску.

Что касается анимизма, то, признавая его существование у людей верхнего палеолита, мы, вместе с тем, не можем при нынешнем состоянии источников решить вопрос, имеет ли он общие корни с тотемизмом или они разного происхождения. Этот вопрос сможет быть решен, нам кажется, лишь со временем, с накоплением новых материалов.

V. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОТЕМИЗМА

Мы подошли к выяснению наиболее сложной части проблемы тотемизма—вопроса о его происхождении.

Этот вопрос привлек внимание значительного числа ученых, среди которых было много и крупных (Г. Спенсер, Тэйлор, Вундт, Рейгершильд, Робертсон Смит и др). Было выдвинуто около шестидесяти теорий возникновения тотемизма. Известный английский этнограф Фрэзер предложил даже в разное время три теории происхождения тотемизма. Разобраться в этом нагромождении теорий, гипотез, точек зрения, крайне необходимо, так как для решения этой проблемы в духе марксизма-ленинизма нужно, прежде всего, тщательно пересмотреть все то, что сделано по этому вопросу, отбросить все неправильное и использовать все ценное, рациональное.

¹ Гольметен В. В. О происхождении скорченности костяков и погребениях родового общества. Отд. отт., стр. 37.

Для нашей задачи нет необходимости рассматривать каждую теорию в отдельности. Так как особо важным для понимания проблемы является анализ оригинальных точек зрения, а большинство теорий тотемизма повторяет друг друга, отличаясь лишь в частности, хотя иногда и весьма интересных, то мы рассмотрим эти концепции не каждую в отдельности, а по группам.

Все существующие теории, нам кажется, можно условно разделить, в зависимости от подхода авторов к решению проблемы, на шесть групп:

I. Номиналистические и эмблематические теории.

Эти теории ищут решение проблемы в тотемных названиях (Г. Спенсер, Леббок, Лэнг и др.) или в тотемных гербах, или эмблемах (Кин, Пиклер и Шомло, Мюллер и др.).

II. Социально-психологические теории, рассматривающие все религиозные верования с точки зрения психологии отдельных индивидуумов (Фрэзер, Тэйлор, Вундт и др.).

III. Био-сексуальные теории, которые видят корни тотемизма в биологических или сексуальных инстинктах человека (Фрейд, Рохейм, Хип и др.).

IV. Индивидуалистические теории, авторы которых считают личный тотемизм исходной формой и отрицают его универсальность (американская „историческая школа“).

V. Вульгарно-экономические теории, которые ищут разрешения проблемы в отдельных экономических причинах, главным образом, в роли тотемного животного в экономике первобытного общества (преобладание животного на данной территории, его роль в обмене и т. д.), игнорируя при этом производственные отношения первобытного общества или искажая их сущность (Хэддон, В. Шмидт, Гребнер, Фрэзер, Б. Спенсер, Эйльдерман и др.).

VI. Группа теорий, которую можно объединить тем, что они видели в тотеме в той или иной степени обожествленный род (Робертсон Смит, Дюркгейм, Джевокс и др.).

Особо мы выделяем теории, освещающие проблему с позиций исторического материализма.

Деление на перечисленные шесть групп, понятно, условно. Очень часто теории переплетаются и одной стороной подходят к одной группе, другой — к иной. Так, например, теория Фрейда, относимая нами к био-сексуальной группе, пытается решать проблему психологическим путем. „Школа культурных кругов“, разделяющая вульгарно-экономическую теорию происхождения тотемизма, вместе с тем примыкает к индивидуалистической группе в отрицании универсальности тотемизма. Номиналистическая и эмблематическая группа является по существу вариацией социально-психологической, так как решает проблему с тех же позиций, но если мы ее выделили в особую группу, то лишь потому, что по выводам эта группа отличается от второй. То же относится и к группе авторов, защищающих индивидуалистическую точку зрения, которую мы выделили особо, чтобы акцентировать подход к вопросу о том, что является „субъектом“ тотемистического культа. Шестая группа авторов весьма разнородна по выдвигаемым теориям, но их сближает отношение к характеру тотемистических представлений. Но даже такое условное деление дает возможность легче ориентироваться в массе теорий, выявить положительные и отрицательные стороны каждой из них.

Наш анализ мы начнем с *номиналистических* и примыкающих к ним *геральдических* и *эмблематических* теорий.

Острой критике неоднократно подвергалась теория крупного английского социолога Герберта Спенсера и примыкающего к нему Леббока. Это объясняется не слабостью теории Спенсера, по сравнению с другими, родственными, а, наоборот, тем, что он первым более или менее стройно изложил свою концепцию и, в силу этого, наиболее ярко обнажил все ее противоречия.

Спенсер и Тэйлор были основателями анимистической теории происхождения религии.¹ С этих анимистических позиций рассматривали они и тотемизм.

Спенсер считал, что тотемизм является первой стадией культа предков. Он утверждал, что тотемизм возник будто бы из первоначального обычая давать прозвища по животным и неправильного истолкования этих прозвищ впоследствии. Примитивность, скудность, неопределенность речи первобытного человека, ограниченность лексики, полнсемантическая слов, отсутствие в его речи слов, обозначающих общие и абстрактные понятия, окончаний, вспомогательных частей речи, склонений и спряжений, невозможность выявить различие между метафорой и фактом, приводит, по его мнению, к тому, что потомки дикарей, имеющих предка по имени „тигр“, были искренне убеждены, что их предок являлся настоящим тигром, что они, таким образом, являются потомками тигра, от него происходят.²

Из такого представления о родстве с животными, возникшего из неправильного понимания прозвищ, по мнению Спенсера, у первобытного человека создалось убеждение, что животные, имеющие с ним общих прародителей, должны думать и понимать так же, как люди. Отсюда же возникло известное уважение ко всем животным и особое уважение к тому животному, потомком которого он себя считает. „Как предок, представляемый себе в человеческой форме, считается способным приносить добро и зло своим потомкам, так точно и предок, представляемый в животной форме, считается способным и на то и на другое“³, — подчеркивает он. Отсюда происходит запрет убивать и есть животных-предков. Наряду с уважением к такому животному существует вера в его покровительство и охрану. Так, из неправильного понимания прозвищ возникает поклонение животным, их почитание.

Из неправильного истолкования прозвищ, по мнению Спенсера, вытекает и поклонение существам, представляющим получеловека и полуживотное, ибо если предок сохраняется в предании под своим животным прозвищем, а то же предание приписывает ему жену, носящую имя другого животного или человека, то дети, по представлению первобытных людей, сохраняют якобы свойства обоих супругов.⁴

Совершенно самостоятельно от Спенсера, может быть, даже несколько ранее его,⁵ номиналистическую теорию происхождения тотемизма выдвигает и Д. Леббок. В своей работе „Начало цивилизации“ он указывает, что поклонение животным „могло произойти от обычая

¹ Установить, кто был настоящим автором этой теории трудно. Между ними, как известно, произошла острая полемика по вопросу о приоритете и анимистической теории и общей схеме развития религиозных верований (См. Спенсер Г. Собр. соч., т. 6, СПб, бги, стр. 119—154).

² Спенсер Г. Основы социологии. Собр. соч., т. 1, стр. 217.

³ Спенсер, указ. соч., стр. 218.

⁴ Спенсер. Там же, стр. 221.

⁵ „Начало цивилизации“ было выпущено на английском языке в 1870 г., но в нем он ссылается на более раннюю работу 1869 г. (см. Леббок, Начало цивилизации, СПб, 1876, стр. 190, прим. 1.)

называть сперва отдельные лица, а затем и целые семействано особым животным. Семья, носящая, например, название медведя, могла прийти к тому, чтобы смотреть на это животное сперва с любопытством, затем с почтением и, наконец, с чем-то вроде благоговения.¹

Неосостоятельность номиналистической теории настолько общепризнана, что за последние 50 лет наблюдаются только две попытки, и притом абсолютно неудачные, ее воскресить. Ее ошибки неоднократно вскрывались рядом ученых (Тэйлор, Вундт, Фрейд, Файсон, Рейтершильд, Штериберг и др.).

С нашей же точки зрения основным пороком этой теории является то, что она решает проблему с позиций идеалистических, ибо „органическая теория“ Г. Спенсера является одним из течений позитивизма.

Позитивизм является прямой противоположностью материализма. Ленин писал: „...суть дела состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, *внутри* которого находятся и Ог. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом. Эту суть дела с полнейшей определенностью выразил Энгельс в своем „Л. Фейербахе“, когда он *всех* кантианцев и юмистов того времени (т. е. 80-х годов прошлого века) отнес к лагерю жалких эклектиков, крохоборов...“²

Особенно ярко сказываются методологические позиции Г. Спенсера в его оценке первобытного мышления.

Это мышление он рассматривал статически, в отрыве от развития производственных отношений. С одной стороны, он изображал первобытного человека, как современного ему философа, размышляющего о начале всех начал. С другой стороны, он утверждал, что в те времена человек поступал только так, как его учили старшие, т. е. не только отрицал инициативу и изобретательность человека, способствовавшую развитию производительных сил, но считал, что первобытный человек и рассуждать то не может.

Именно идеализмом и эклектизмом основной концепции Спенсера объясняется противоречивость его теории происхождения тотемизма.

В силу этого мы можем принять очень немногие положения Спенсера (что тотемизм—стадия развития религиозных верований, что он предшествует культу антропоморфных богов, что вначале возникает вера в происхождение от животных, растений и неодушевленных предметов). По всем остальным вопросам эта теория вызывает серьезные возражения.

Прежде всего мы не можем согласиться с тем, что Спенсер ставит знак равенства между тотемизмом и культом предков и, наоборот, противопоставляет тотемизм вере в происхождение от животных. Ведь эта вера, как известно, является одним из основных ингредиентов тотемизма.

Затем законные сомнения вызывает возможность возникновения тотемизма через посредство насмешливых прозвищ, получаемых предками, смысл которых потомками утерян. Каждый из первобытных людей, во-первых, мог бы проверить значение прозвища на окружающих и мог бы прекрасно убедиться в том, что его товарищ назван тигром, например, не потому, что в самом деле является тигром, что с подлинным тигром он ничего общего не имеет и, значит, никак не мог бы принять своих предков за подлинных животных только потому, что их прозвища соответствовали тем или иным животным. Во-

¹ Леббок, указ. соч., стр. 190.

² Ленин В. И. Собр. соч., т. 14, стр. 192—193.

вторых, при подобном процессе, как это уже отмечалось Э. Лэнгом, первобытный человек должен был обладать удивительной забывчивостью и в то же время, как это ни парадоксально, и громадной памятью, ибо, забывая о первоначальном значении имен, он должен был бы сохранить воспоминание о тотемических предках. Такое утверждение противоречит фактам. Первобытные люди обладают памятью далеко не плохой и не отличаются ни в коей мере забывчивостью. Они прекрасно запоминают все то, что связано с охотой, собирательством и т. п., поразительно ориентируются в местности, знают нормы, обычаи и религиозные обряды группы, помнят значительное число мифов, прекрасно знают своих ближайших родственников и предков. Однако последнее не мешает им представлять своих легендарных предков в виде фантастических существ — полулюдей-полуживотных и отождествлять себя с тотемным видом, и это никак нельзя объяснить из странной „забывчивостью“.

Наконец, эту теорию совершенно разбивает факт, отмеченный еще Файсоном и Хоуитом, что прозвище, по утверждению Спенсера, давалось одному человеку — мужчине, между тем, как тотем характерен для группы людей, а при господствовавшем тогда матрилате это имя не могло бы передаваться его детям и исчезло бы с его смертью.

Легковерность аргументации заставляет нас признать вполне правильным замечание Вундта, что объяснения Спенсера-Леббока несомненно ушли от рассказов некоторых африканских племен, будто бы табу на поедание некоторых видов животных установлено потому, что их предкам не нравилось мясо некоторых животных и поэтому они заповещали потомкам закон, воспрещающий употребление этого мяса в пищу.¹

Более правдоподобной кажется эта теория в изложении Эндрю Лэнга,² ибо он учитывает, что тотемы передаются по женской линии, и объясняет происхождение тотемизма не случайными насмешливыми прозвищами, а именами, даваемыми соседними племенами по животным и растениям, преобладающим в местности, где обитала группа. Его теория кажется тем более основательной, что он правильно подметил значение имени для первобытного человека, его стремление найти объяснение, когда причина названия почему-либо забыта.

Теория Лэнга снимает два наших возражения, но отнюдь не отвергает третьего, выдвинутого кстати Лэнгом же в полемике против Спенсера, о несоответствии памяти и странной забывчивости первобытных людей и дополнительно вызывает новые возражения.

Прежде всего мы должны сказать, что не всегда наименование дается по животным и растениям. Если это наименование дается по явлению природы, то, очевидно, что оно не может преобладать в той или иной местности. Во-вторых, в высшей степени непонятным являются те мотивы, по которым все племена согласились с названиями, данными им соседями. Этнографии, наоборот, известны многочисленные факты, когда названия, даваемые соседями, отвергались племенами, воспринимались, как обида.

В-третьих, если мы примем эту странную гипотезу, мы не сможем объяснить, почему, как правило, название *племени* не имеет ничего общего с тотемами. Не отвечает теория Лэнга и на вопрос, каким образом образовались тотемы родов, а ведь тотемизм — вера в проис-

¹ Вундт В. Миф и религия. СПб. (611), стр. 247—248.

² Lang A. Myth, ritual and religion. P., 1913, стр. 66—67; его же The secret of the totem. L., 1905, стр. 123; его же Social origin and primal law. L., 1903, стр. 166.

хождение не племени, а *рода* от тотемистического предка. Представить же, что соседние племена давали названия каждому роду, просто невероятно.

Наконец, эта теория, пытающаяся объяснить тотемистические названия, не показывает, как из случайного наименования возникает весь тотемистический комплекс.¹

Не более убедительными являются геральдические и эмблематические теории Макса Мюллера, Кина, Пиклера и Шомло, которые утверждают, что тотемы—это прежде всего гербы родов, или семей и племен, которыми они стремились отличаться друг от друга.

Необходимость гербов или эмблем для различения групп и предшествование их тотемизму, не подкрепляемая, кстати, никакими доказательствами, столь же необоснована, как и происхождение тотемизма из имен. „Аргументация“ Пиклера и Шомло, что тотемизм возникает из пиктографии потому, что там, где имеется тотемизм, имеется и пиктографическое письмо, а там, где он отсутствует, нет и пиктографии, не соответствует фактам, ибо тотемизм, как действующий институт или как пережиток, имеется у всех племен и народов мира, а пиктографическое письмо у всех наиболее примитивных племен, в частности, австралийцев, отсутствует и возникает, стало быть, позже тотемизма.

Эта вариация номиналистической теории переворачивает наизнанку действительный ход событий: по-видимому, только тогда, когда тотемизм оформился, явилась необходимость в изображении тотема. К тому же, как это отмечал уже Рейтершилд, остается непонятным, какие причины вызвали отождествление пиктографического знака или эмблемы с племенем².

Перейдем к рассмотрению *социально-психологических* теорий, в которые мы включаем и анимистические и близкие им реинкарнационные и концепциональные, нашедшие ряд сторонников (Вилькен, Тэйлор, Фрэзер, Риверс, Карстен, Вундт, Ердельнович, Н. Харузин и др.).

Реинкарнационную гипотезу происхождения тотемизма выдвинул в 1884 г. исследователь малайских племен Индонезии, голландец Георг Александр Вилькен. Он утверждал, что у племен Индонезии к мысли о родстве или происхождении от животных приводила вера в воплощение. Люди, по его мнению, верили, что после смерти их душа не умирает, а остается жить, переселяясь в тело каких-либо животных. Животные, в которых переходят души покойников, становятся поэтому священными для родственников покойника и почитаются ими как предки. Таким образом, отдельная порода животных стала, по Вилькену, предметом почитания определенного рода.

Вилькен считал, что душа человека переселяется в то животное, которое больше всего распространено в данной местности.³

Теория Вилькена нашла ряд сторонников и продолжателей. В частности, она легла в основу первой теории происхождения тотемизма крупнейшего английского этнографа Джемса Джорджа Фрэзера;

¹ Указанные возражения полностью распространяются и на номиналистические теории Хартленда (Hartland E. S. Totemism and exogamy. „Folk-Lore“, 1911, LXXII) и др.

² Müller F. M. Contributions to the science of mythology. L., 1897, т. II, стр. 281; Keane A. H. Ethnology. Cambridge, 1896; Picler und Somlo. Der Ursprung der Totemismus. B., 1934.

³ Рейтершилд. Тотемизм. „Атеист“. № 20—21, 1921, стр. 67.

⁴ Wilken. G. A. Het animisme bij de volken van den Indischen Archipel. Amsterdam, 1884, стр. 121.

ее полностью принял и известный английский социолог и этнограф-эволюционист Эдуард Бернетт Тэйлор.

Первая теория Фрэзера была им создана в процессе работы над его фундаментальным трудом „Золотая ветвь“ и явилась результатом наблюдений ряда ученых этого времени над анимистическими воззрениями первобытных племен. Эта гипотеза является по существу модификацией теории Вилькена. Фрэзер обращает наше внимание на широко распространенное среди племен мира воззрение о существовании „внешней души“, на представление, что душа человека может иногда находиться вне тела и вселяться в какое-либо животное, растение или неодушевленный предмет. Следы такого представления, по его словам, можно найти и в русской сказке о Кашее Бессмертном, душа которого находилась в яйце, яйцо в утке, утка в зайце и т. д., и в веровании австралийцев, что душа их находится в каменных или деревянных чурингах.¹ Отсюда Фрэзер сделал вывод, что тотемистическая система якобы является попыткой первобытных людей обеспечить свою безопасность, сохранить свою жизнь, ибо, хотя душа человека хранится в одном животном, он налагает табу на весь вид животных², чтобы затруднить ее уничтожение.

Тэйлор осветил проблему тотемизма с точки зрения *анимистической* теории происхождения религии. В отличие от Спенсера, он исходит из приоритета культа души. В силу этого он полностью разделяет концепцию Вилькена.

Уже в вышедшей в 1871 г. „Первобытной культуре“ он отметил три формы почитания животных — „непосредственное поклонение животным, косвенное поклонение им, как фетишам, в которых проявляется божество и, наконец, поклонение тотему, как представителю предка данного племени“³. Он утверждал, что некультурный человек мог обожать животных непосредственно за их превосходство в силе, храбрости или хитрости, по сравнению с человеком. Дикарь склонен был приписывать им душу, которая в состоянии жить после смерти тела и сохранять и после смерти свои прежние хорошие или вредные для человека свойства. Животные, по его мнению, могут рассматриваться первобытным человеком и как вместилища душ умерших, как это имеет место, например, в Центральной Африке, где верят, что в обезьян, живущих около кладбища, вселяются души умерших. В животное может вселиться и душа бога-предка. Случаи поклонения богам-предкам, воплощенным в тело животных, являются соединительным звеном между почитанием душ предков и почитанием животных.⁴

В этой работе Тэйлор не дает еще теории происхождения тотемизма и считает даже вероятной номиналистическую теорию Лейббока и Спенсера. Он допускает, что в народной памяти могло произойти смешение между великим предком и животным, имя которого он носит и передает потомкам. Это могло повести к обожанию животного и даже к животному культу. Однако он все же признает, что эта теория не подкреплена достаточным числом фактов и может дать повод к большим заблуждениям, если ее принять безоговорочно. В частности, в поклонении животным, как могущественным сверхъестествен-

¹ Фрэзер, Золотая ветвь, 1928, т. IV, стр. 193—205.

² Фрэзер, указ. соч., стр. 213.

³ Тэйлор Э. Б. Первобытная культура. СПб, 1896, стр. 276.

⁴ Указ. соч., стр. 280.

ным существам, или в поклонении животным, воплощающим духовные божества, он видит определенное проявление анимизма.¹

Замечательные открытия Болдуина Спенсера и Франка Гиллена, а также и Хоунтта в области австралийского тотемизма побудили Тэйлора пересмотреть снова вопрос о тотемизме, и в 1899 г. в своей статье „Заметки о тотемизме“ он выступил с критикой существующих до него теорий тотемизма и обоснованием второй теории—*реинкарнации*.

В этой работе он утверждает, что формирование богов имеет якобы разные пути, один из которых является действительно тотемистическим, т. е. отрицает универсальность тотемизма. В веровании северо-американских индейцев, что каждый вид животных имеет старшего брата, он видит начало индивидуализации, появление видов божеств. И так как тотемные животные всегда являются классом, то кроме них, выше их имеется и класс божеств, развившихся из этих тотемных животных.²

Основная трудность в решении проблемы, указывал он, заключается в непонимании причин родства группы людей и вида животных или растений. По мнению Тэйлора, исследования Спенсера и Гиллена, доказавшие существование у австралийцев-аранда различных мест убежищ душ и чуринг, служащих вместилищем душ животных и растительных предков, дают возможность эту проблему разрешить следующим образом: так как дитя рождается вследствие вхождения в него в определенном месте духа предка, а легенды не могут ответить на вопрос, были ли эти предки людьми или кенгуру, эму и т. д., „то люди и животные становятся единицей родства“³. Таким образом, основываясь на верованиях одного из относительно наиболее развитых австралийских племен, он утверждал, что истолкование происхождения тотемов передачей душ, переносимых посредством сакральных предметов, якобы представляет единственно возможное объяснение тотемизма. Отсюда он делает вывод, что данные об аранда подтверждают якобы теорию реинкарнации Вилькена.⁴

Основным недостатком реинкарнационной теории является то, что она базируется на фактах, зафиксированных у племен и народов, стоящих на разных ступенях общественного развития: сказки о существовании души вне тела зафиксированы у ряда народов, у которых уже было классовое общество (древние египтяне, греки, славяне, германцы, арийские народы Индии, народы Скандинавии, кельты, ирландцы, бретонцы, арабы, калмыки, татары и т. д.). Такие легенды сохранились у народов и племен Африки и Индонезии, имеющих уже классовое общество или отцовский род на стадии его разложения, и у некоторых северо-американских племен с отцовским родом или материнским в его расцвете. Но таких представлений нет у наиболее примитивных австралийских племен: они верят, что души их предков находятся в чурингах, но не считают, что души покойников переселяются в тотемный вид животных, растений или неодушевленных предметов. Между тем, очевидно, что если бы Вилькен, Фрзер и Тэйлор были правы, то такие верования наблюдались бы именно у австралийцев в наиболее развитом виде. Следовательно, факты, на которых основывается реинкарнационная теория, возникают значительно

¹ Тэйлор, указ. соч., стр. 282—283.

² Tylor E. Remarks on totemism. „Journ. of the Anthropol. Inst. of Gr. Britain and Ireland.“, 1899, т. 28, стр. 143—144.

³ Tylor, указ. соч., стр. 147—148.

⁴ Там же, стр. 28.

позже тотемизма, являются только его пережитком или отзвуком и строить на их основании теорию происхождения тотемизма нельзя.

Рейнкарнационная теория Фрэзера не сводит концы с концами, так как, как это признал еще Тэйлор,¹ при матриархате у отца и детей тотемы разные. Отсюда, если отцы оберегали свои души, воплощенные в животных, то они ежедневно подвергали опасности уничтожения жизнь жены и детей, воплотившихся в животных, на которых табу не распространялось. Точно так же дети постоянно подвергали опасности жизнь отца, убивая животных его тотема.

Но и сам Тэйлор, давший правильную оценку теории Фрэзера, впадает в ту же ошибку, пытаясь разрешить противоречия тем, что первоначальной формой тотемизма он признает локальный тотемизм аранда. Племя аранда являлось, по признанию большинства серьезных исследователей Австралии, одним из наиболее развитых австралийских племен, и тотемизм в период исследования этого племени этнографами находился у них в стадии начала разложения и, значит, более ранние формы тотемизма нужно искать у более примитивных племенах с дуальной организацией, а в отношении последних теория эта неприложима. Впрочем и у аранда муж и жена, а порою и родные братья, будут иметь разные тотемы, ибо последний получают в зависимости от того, где почувствовала себя женщина беременной. Следовательно, и здесь тотемы будут подвергаться такой же опасности, как и при „рассеянном“ тотемизме.²

Рейнкарнационной теории близка так называемая *концепциональная*. Она выдвинута также Фрэзером уже после его отказа от рейнкарнационной и магико-экономической, о которой будет сказано ниже. При ее построении он базировался на данных английского этнографа Уильяма Риверса, установившего у меланезийских племен своеобразные представления о душе и зачатии. Кроме того, он использовал и соответствующие части трудов Спенсера и Гиллена, излагающие представления о душе и рождении ребенка у австралийского племени аранда.

По представлениям аранда, как нами отмечалось, дети рождаются потому, что в них входит душа предка—„куруна“. Эту „куруна“ хранятся вместе с чурингами, оставленными якобы предками аранда, имевшими вид полуживотных-полулюдей, в особых священных убежищах, где эти предки ушли в землю. Каждый ребенок получает у аранда поэтому темное имя не по отцу и не по матери, а по тому убежищу душ предков, проходя мимо которого женщина почувствовала беременность. Исходя из этого, Спенсер и Гиллен утверждали, что половой акт у них не стоит в связи с зачатием.

Так как и Риверс подчеркивает, что изучаемые им племена не понимают сущности зачатия, то это позволяет Фрэзеру сделать вывод, что основной причиной возникновения тотемизма является невежество, непонимание причины рождения: так как между зачатием и рождением ребенка проходит слишком длительный срок, указывает Фрэзер, то первобытная женщина считает, что ребенок входит в нее лишь тогда, когда она его начинает ощущать. Стремясь как-либо объяснить этот

¹ Tylor, указ. соч., стр. 146.

² Теория Вилькена и Тэйлора в той или иной степени разделяли Риверс (Rivers W.H.R. The history of Melanesian society. Cambridge, т. 1—2, 1914; Тахтарев (Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Л., 1924, т. 1, стр. 154—158; Харузин Н. Этнография. СПб., 1905, т. IV, стр. 54—55. 84; Karsten R. The origin of religion. L., 1933, стр. 159—160; Ердельювич. О понимании веры и о других этнологических проблемах. Белград, 1938, стр. 241—247.)

загадочный для нее факт, женщина первоначально, вполне естественно, отождествляла движение ребенка в матке с тем, что одновременно поразило ее воображение и затем исчезло самым таинственным для нее образом. Это могло быть кенгуру, исчезнувшее в чаще, бабочка, порхнувшая мимо, луч солнца, упавший на нее, — одним словом, все то, что могло поразить ее воображение в эту минуту. В этом аномальном состоянии беременных женщин, в „материнских выдумках“ Фрэзер и видит основной корень тотемизма.¹

Концепциональная теория Фрэзера, ради которой он отказался от своих двух предыдущих, нашедшая своих сторонников,² также не выдерживает критики.

Прежде всего, трудно представить, чтобы тотемизм явился следствием такого массового заблуждения женщины, так как остается непонятным, почему этому поверили мужчины.

Во-вторых, если бы тотемизм возник вследствие непонимания женщиной причин рождения ребенка, то, очевидно, что внутри одного рода почти каждая женщина или почти каждый мужчина должны были бы иметь свой тотем, но тогда останется непонятным, почему у каждой женщины или у каждого мужчины должна быть связь со всем тотемным видом. Непонятным останется, каким образом возникает родовой тотемизм, когда все члены рода получают один тотем: ведь для того, чтобы родовой тотемизм мог возникнуть, все женщины рода должны будут слишком дружно заблуждаться и принимать вхождение только одного объекта за причину зачатия. Такая гипотеза просто фантастична.

К сказанному следует добавить, что, как нами уже отмечалось, аранда являлись одним из сравнительно более развитых племен Австралии и, следовательно, тотемизм аранда не может являться основным объектом изучения и на основании его изучения нельзя решать проблему тотемизма.

Мы считаем необходимым особо остановиться на концепции немецкого философа и психолога Вильгельма Макса Вундта.

Вундт являлся одним из предшественников современной реакционной психологической школы, основателем „социально-психологического“ направления в этнографии.

Являясь типичным философом-идеалистом и фидеистом, Вундт рассматривал историю общества, как часть духовного процесса, и утверждал, что в силу этого она может быть понята только психологией. Мало того, психология, по его утверждению, определяет ход общественной жизни.

Большое внимание Вундт уделяет „душе“. Он определяет ее, как совокупность душевных переживаний человека. В процессе психологических взаимоотношений и взаимодействия индивидуумов, по его утверждению, создается „душа народа“.

Эта философская концепция Вундта легла в основу его „Мифа и религии“, части многотомной работы „Психология народов“, где он рассматривает и проблему тотемизма.

Вундт принял с некоторыми поправками анимистическую теорию происхождения религии. Тотемизм возникает, по его мнению, позже анимизма. Он считал, что тотемы были первоначально животными-душами и объединяли в себе на первоначальном этапе два значения: души предков и демонов-покровителей. Демоны-покровители, кото-

¹ Frazer, указ. соч., т. IV, стр. 62—63.

² См. напр. Huxford P. The savage and his totem, L., 1908, стр. 74—75, 110.

рые очень рано примешиваются к тотемистическому культу, появляются все же позже последнего.

В животных человек видит сначала души умерших людей и поэтому своих предков представляет в той форме, в какой они продолжают жить после смерти. Предок в животном образе предшествует предку в образе человеческом. Примыкающая к первоначальному животному-душе ассоциация только что умершего предка с предком, существовавшим в неопределенные времена, превращает позже животное-душу в животное-предка.

Тотемизм рода, реже племени, является первоначальным; индивидуальный тотемизм возникает позже, является последней ступенью тотемизма.

Вкушение тотема и запрещение его есть и убивать представляют собой, по его мнению, дальнейшее развитие поведения человека, которое первоначально диктуется по отношению к первичному животному-душе желанием использовать в своих интересах душевные силы умершего и страхом перед его демоническим могуществом.

Уважение к старшим, порождаемое их помощью подрастающему поколению, с одной стороны, и жаждой помощи среди жизненных испытаний, с другой, вызывает представление, что души предков сопровождают и оберегают человека от несчастий. Существование предка в образе животного, чуждом жизненному опыту человека, представлявшемся для него позднее загадочным, еще более усиливает это верование и делает такого покровителя еще более надежным. Еще позже животное-предок отделяется от демона-покровителя. Животное-предок, принадлежащее отдаленному прошлому, становится фантастическим повторением современного животного того же вида, демон же покровитель сохраняет в чистом виде характер духа-покровителя, так как принадлежит непосредственно настоящему и в состоянии оказывать особенно действительную помощь.¹

Теория Вундта является, как мы видим, смесью анимистической и реинкарнационной. Поэтому она сохраняет противоречия этих рассмотренных нами концепций. Основной порок Вундта заключается в том, что как идеалист и фидеист, он игнорировал условия материальной жизни общества, рассматривал последнее как коллективный психологический организм. Как идеалист, он допускал возможность развития социальной организации из религиозных представлений.

Очевидно, что, исходя из таких неверных посылок, нельзя решить и проблемы происхождения тотемизма.

Теория Вундта по существу, ничего нового, по сравнению с нами рассмотренными, не вносит. Его утверждение, что первоначальным был не только тотемизм рода, но и племени, противоречит фактам. Неверным является его положение, что к первоначальным тотемам относятся и домашние животные,² ибо, как известно, скотоводство появляется в период отцовского рода, когда тотемизм сохраняется лишь в виде пережитка.

Утверждение Вундта, что первоначально тотемы были животными-душами и объединяли два значения душ предков и демонов-покровителей, опровергается австралийским материалом.

Таким образом, теория Вундта, как и рассмотренные ранее реинкарнационные теории, проблемы тотемизма не решает.

¹ Вундт, указ. соч., стр. 227—255.

² Там же, стр. 229.

Несколько позже Вундта эту проблему пытался решить другой представитель „социально-психологического“ направления в этнографии — немецкий этнограф Рихард Туривальд. В силу того, что Туривальд принадлежал к этой же школе, он главное внимание уделил психике, но ренает проблему иначе: Туривальд считал, что тотемизм является первобытной религией, в которой, однако, отсутствует какой-либо культ. Возникновение тотемизма он объяснял спецификой психики дикаря. У первобытного человека, утверждал он, имеются три комплекса живых и действительных представлений: 1) эгоцентрическое представление о существах и явлениях природы, наделенных человеческими стремлениями и действиями — птицах, животных, неодушевленных предметах; 2) представление о посмертной деятельности покойников; 3) иногда представление о первопредках, которые выступают в легендах, как творцы земли, как изобретатели всех и всяческих благ.

Предпосылкой этих представлений является, по его мнению, способность эмоциональной природы человека реагировать на известные явления, как на нечто, превосходящее человека.

Толчком для этих представлений служат, по его мнению, конкретные явления:

1) Жизнь — в первую очередь, страх перед всем, что движется, что поэтому кажется одушевленным, в частности, животными, растениями, луной, волнующимся морем.

У первобытного человека создается представление, что все в природе ведет себя, как человек, что все эти существа, подобно человеку, способны жить лишь, как товарищи по роду на своей территории. Таким образом, вся окружающая природа мыслится действующей наподобие людей, она „антрополопсихируется“¹.

Проявление ощущений органов чувств (сердцебиение, половое возбуждение и т. д.), по воззрениям первобытных людей, вызывается наличием особых связей с „сверхмощным“, необычным.

2) Смерти — страх перед покойниками, которым, на основании эгоцентризма и личных отношений к покойнику, приписывается жизнь и после смерти.

3) Появляющаяся позднее конкретизация причинности — попытка по аналогии с повседневной жизнью объяснить происхождение непонятных для первобытного человека явлений.

Результатом частичных систематизаций этих комплексных представлений первобытного человека и является пестрый комплекс тотемистических идей, в которых страх перед жизнью и смертью переплетается с потребностью в причинности.

В центре внимания человека стоит жизнь животного мира. Главное место, утверждает Туривальд, занимают опасные хищники. Но его внимание привлекают также и красивые птицы, пестрые бабочки, крабы, змеи, рыбы, насекомые, даже предметы, изготовляемые человеком. Мысли человека, вращающиеся вокруг этих животных и вещей, получают эгоцентрическую окраску, весь этот животный и растительный мир приводится в связь с человеком для объяснения его существования. Так как, по мнению Туривальда, в первобытной обстановке животные занимали иное место, чем в современный период, так как в этой обстановке хищный зверь проявляет мощь, превосходящую человека, а другие животные внушают человеку уважение либо своей

¹ Туривальд Р. Религия и мифы первобытных людей. „Атенст“, № 47, 1931, стр. 52.

быстротой, как например, олень, либо своей недосыгаемостью, как крокодил, либо своей быстролетностью, как птица,—то первобытный человек мог видеть свое самовозвеличение в том, что группа людей состоит в родстве с зверем, обладающим какими-либо замечательными свойствами. Данный животный мир признавался тогда товарищем по роду, останки этих животных погребались человеком соответствующей тотемной группы, а их смерть подлежала отпущению.

При так называемом „классическом тотемизме“ различные дружественные роды как бы распределяют между собой всех „достоинных внимания“ животных, характерных для окружающей их естественной среды.

Табу, по мнению Туривальда, есть лишь выражение страха к некоторым вещам, а экзогамия не имеет с тотемизмом никакой внутренней или необходимой связи.¹

Мы не можем не согласиться с Туривальдом, что тотемизм— религия, но он, конечно, ошибается, утверждая, что в нем нет культа: религии без культа не бывает.

Ценным является то, что Туривальд акцентирует наше внимание на роли животных для первобытных людей, но он противоречит себе, утверждая, что первобытный человек имел страх „перед тем, что движется“; в этом случае ему пришлось бы отказаться от охоты, даже собирательства, а это привело бы человечество к вымиранию. К тому же не все тотемы и движутся. Туривальд преувеличивает роль страха смерти в складывании тотемистических представлений: страх перед покойником прямого отношения к тотемизму не имеет.

Гипотеза, что человек видел свое „самовозвеличение“ в том, что какой-либо животный вид состоит с ним в родстве, не может объяснить, почему тотемами очень часто являются ничем не выдающиеся предметы одушевленного и неодушевленного мира. Его теория, наконец, не может объяснить, почему у разных родов одного и того же племени тотемы не повторяются, но могут повторяться у родов разных племен.

Индивидуалистические теории Флетчер, Хилл-Таута, Боаса, Хо-са и Мак Дугала² и др. основываются на первичности индивидуальных тотемов—духов-покровителей (Флетчер) или фетишей и эмблем семей (Хилл-Таут), что, как мы видели, совершенно не подтверждается этнографическим материалом. Притом весьма трудно понять, каким образом из духа-покровителя, явившегося во сне одному человеку, мог вырасти родовой тотемизм и весь сложный тотемистический комплекс представлений и действий. Если его получает во сне мужчина (так полагают Флетчер, Хилл-Таут), тогда непонятно, как он передается детям при матриархате (а без такой передачи по наследству он не может распространиться); но если его даже приобретает женщина, то, очевидно, что каждая женщина может получить во сне своего покровителя и тогда количество тотемов будет бесконечно разнообразным и родовому тотемизму места так и не будет.

Теория Боаса, что тотемизм возникает в небольшой экзогамной группе, сравниваемой им с европейской фамилией, с материнским

¹ Туривальд, указ. соч., стр. 50—68; Turnwald R. Das Problem des Totemismus. „Anthropos“, 1917, № 5, стр. 1094—1114.

² Fletcher A. The import of the totem. 1897, стр. 12 и сл.; Hill—Taut, The origin of the totemism of the aborigines of British Columbia. „Proceed. and Transac. of the Royal Society of Canada“, 1901, т. VII, стр. 9—13; Boas F. The origin of totemism. „Am. Anthr. New—ser.“, т. 18, № 3, 1916, стр. 319—329; Hose C. and McC. Dougall W. The relations between men and animals in Sarawak. „J. A. I.“, 1901, т. 31, стр. 200—201.

счетом родства, противоречит фактам. Прежде всего, так как он объясняет возникновение матриархата большой ролью женщины в экономике, в связи с преобладанием женского мотыжного земледелия, то, очевидно, что и матриархат, и тотемизм могли возникнуть только там, где уже существовало земледелие. Однако многочисленные факты, которые мы привели, доказывают абсолютную необоснованность этого утверждения. В частности, австралийцы, у которых тотемизм прослежен в наиболее развинутом виде, земледелия не знают.

Не согласуется с фактами и другое утверждение Боаса, что родовой тотемизм возникает из семейного и передается по материнской линии через брак, ибо, как мы это отмечали, у наиболее примитивных племен семейного тотемизма нет, но есть родовой.

„Конвергенционная“ теория одного из видных представителей „американской исторической школы“—Гольденвейзера не только не разрешает проблемы, но еще больше запутывает вопрос.

Гольденвейзер наиболее последовательно проводит в этнографии основную идею этой „школы“—отрицание всякой закономерности исторического развития: поскольку представители этой „школы“ считают, что тотемизм и тотемистический комплекс в разных ареалах различны, он делает вывод, что у разных обществ он возникает различными путями: в виде наименования, поклонения или табуирования животного и растения.

Гетерогенный характер тотемистического комплекса показывает, по мнению Гольденвейзера, что общие черты тотемизма являются результатом конвергенции, совпадения результатов, то есть, что они возникли в различных местах независимо друг от друга, на основе одинаковых условий. Одним из этих условий является наличие рода, который неразрывно связан с тотемизмом. Но так как Гольденвейзер отрицает законы исторического развития, то он утверждает, что это совпадение одинаковых условий вообще не обязательно, что род не является обязательным этапом в историческом развитии. Поэтому и тотемизм и род у тех или иных племен и народов может вовсе и не быть¹.

Выводы Гольденвейзера совершенно необоснованы, ибо базируются на неверной методологии: тотемистический комплекс исследуется им у обществ, стоящих на разных ступенях развития, а отдельные элементы этого комплекса у наиболее развитых племен и народностей могли уже исчезнуть или модифицироваться. Поэтому Гольденвейзер не может, да и не ставит своей задачей выявить те общие черты, которые присущи тотемизму во всех обществах на одинаковых этапах развития, и видит лишь различные неповторимые комплексы тотемизма.

Следствием ненаучности его методологии является то, что, утверждая, что род—одно из необходимых условий возникновения тотемизма, он в то же время не считает род универсальным, обязательным этапом для всех племен и народностей мира. Это утверждение противоречит фактам, ибо род и тотемизм или его пережитки прослеживаются, как это доказано, у всех племен и народов мира.

... Перейдем к анализу *сексуальных и биосексуальных* теорий.

¹ Goldenwelsler A. A. Totemism, an analytical study. „Jour. of Amer. Folk. (Boston)“ 1910, т. XXIII, стр. 179 и сл., 275; его же Exogamy and totemism defined; a rejoinder. „Am Anthr. (Berkeley)“, 1911, т. XIII, стр. 594—596; его же Form and content in totemism. „Am. Anthr. (Berkeley)“, 1918, т. XX, стр. 280—282.

Такое объяснение тотемизма в разное время выдвигали Хин, Рислей, Фрейд и Рохейм.¹

Наиболее аргументированной из них кажется теория крупного австрийского психиатра Зигмунда Фрейда.

Фрейд считал, что тотемы были первоначально только животными и считались предками отдельных племен; тотем передавался по наследству только по материнской линии. Убивать или есть тотем воспрещалось; членам рода запрещалось вступать в половое общение.

Разгадку тотемизма, утверждает Фрейд, следует искать в половом инстинкте, который оказывает якобы решающее влияние на развитие материальной культуры и идеологические надстройки, в частности, религию. Тотемистическая система произошла из условий Эдиноваго комплекса.

Фрейд обращает внимание на то, что у маленьких детей имеется широко распространенное психоневротическое заболевание—фобия животных. Это заболевание является якобы следствием сексуальности, возникающей в детском возрасте, подавления полового влечения из страха перед отцом и перенесения этого страха на животных. Ребенок находится в двойственной, амбивалентной направленности чувств к отцу: он к нему стремится, перед ним благоговеет, ибо отец сильнее матери, является защитником ребенка, но он его боится, ибо в раннем возрасте, когда кормящая его мать была единственной защитой, отец представлял для него опасность. Он ненавидит отца, ибо последний является препятствием для удовлетворения сексуального стремления к матери. И страх перед отцом, соединенный с уважением к нему, переносится ребенком на животных. По аналогии с психологией таких больных детей он решает и проблему тотемизма.

Фрейд принимает положение Дарвина о том, что вначале якобы существовала „циклопическая“ семья, состоящая из одного мужчины, одной или нескольких жен и малолетних детей. Подрастающие дети изгоняются ревнивым отцом. Картину возникновения тотемизма он изображает следующим образом: братья, вынужденные жить вследствие тирании отца в celibате или в полиандрических отношениях с какой-либо одной попавшей в плен женщиной, или изгнанные отцом по наступлении половой зрелости, в один прекрасный день соединились совершить сообща то, что не могли сделать в одиночку—убили и съели отца, положив этим конец отцовской орде. В акте поедания они осуществили соединение с жестоким отцом. В этом акте каждый из них воспринял часть силы отца.

Но, несмотря на жестокость, они не только боялись отца, но и любили, восхищались и завидовали, так как он являлся для них образцом. Устранив отца, который являлся препятствием для их стремления к власти и сексуальным влечениям, утолив свою ненависть и удовлетворив свое желание отождествиться с ним, по мнению Фрейда, они должны были попасть во власть усиливающихся нежных к нему влечений. В значительной мере этому якобы содействовало то, что никто из сыновей не мог осуществить свое желание—занять место отца, и убийство, таким образом, было совершенно напрасно. Возникает сознание вины, принявшее форму раскаяния. Мертвый становится сильнее, чем при жизни, и они осуждают поступок, объявляют недопустимым убийство отца-тотема и отказываются от резуль-

¹ Helpe M. W. Sexual antagonism. L., 1913 (см. Геннер, ван, А. L'état actuel du problème totémique. P., 1920, стр. 119); Risley H. The people of India. Calcutta, Simla, 1915, стр. 107—109; Фрейд З. Totem и taby. М.—Пр.—(б.и.и.) Rohheim G. Australian totemism. L., 1925, стр. 401—403, 422 и сл.

гатов его убийства — освободившихся женщин, заиретив инстинкт¹, стремясь этим позитивным послушанием не только успокоить свое чувство, но и умиротворить оскорбленного отца.²

Стало быть, половой инстинкт, ревность и большая исхиблa первобытного человека являются, по Фрейд, основными причинами происхождения тотемизма.

Очевидно, что эта теория является неверной уже потому, что она причины возникновения религиозных идей видит не в бытии человека, а в инстинктах.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что метод Фрейда совершенно неприемлем. Можно, конечно, объяснить, почему Фрейд, крупный психиатр, основоположник психоанализа, прославившийся среди буржуазии своими работами о сексуализме, видел в этом инстинкте начало начал всех эмоций, представлений, идей. Но понять, это значит лишь уяснить причину его ошибок, это значит установить, почему он, увлеченный своей идеей, преувеличивал ее значение, превратил ее в универсальную отмычку для разрешения всех вопросов. Беспристрастный исследователь, однако, никак не может понять, каким образом можно поставить знак равенства между психикой ребенка и притом невротика, больного фобией животных, и психикой первобытного человека. Если попытка провести параллель между психикой здорового ребенка и психикой первобытного человека вызвала сильнейшие возражения даже ряда буржуазных ученых, то сравнение ее с психикой больного ребенка вообще недопустимо, ибо отсюда следовало бы, что или все первобытные люди были больными, нуждающимися в лечении, или что религия зародилась в мозгу невротиков. Но первое предположение блестяще опровергается исследователями остальных племен, которые подчеркивают, что если эти племена и имеют более низкую культуру, меньше знаний, чем у европейцев, то в отношении целесообразности поступков, действий, в отношении способностей они отнюдь не уступают любому европейцу. Предположение, что религия зародилась у больных людей, опровергается также фактом повсеместного распространения религиозных верований и не отвечает на вопрос, почему здоровые уверовали в бред больных.

Теория эта исходит из неверной предпосылки, что первоначальной общественной ячейкой являлась „циклоническая“ семья. Но если признать, что первоначально существовал промискуитет, если даже допустить, что вначале была любая иная форма группового брака (а это сейчас признает и подавляющее большинство буржуазных ученых), то вся теория Фрейда теряет под собою почву, так как триггерия убийства отца сыновьями, так ярко им изображенная, является основой. К тому же она не объясняет, каким образом тотем одной циклонической семьи стал, как он утверждает, предком всего племени, почему он передавался по материнской линии. Теория Фрейда не объясняет, когда и каким образом возникают тотемы — растения и предметы неодушевленной природы; она не объясняет и происхождение всего тотемистического комплекса.

Теория эта, противопоставляющая обществу индивидуум, базирующаяся на неизменности якобы законов психической жизни, переопределяющая значение и роль полового инстинкта, инстинкта. И если фрейдизм является и ныне „модным“ среди буржуазии, то это

¹ Фрейд, указ. соч., стр. 136—152.

² Там же, стр. 154.

объясняется тем, что как это подчеркивал Ленин, „как бы буржуазно и революционно это занятие (копание в вопросах пола—Д. Х.) не стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно“. Подобная литература расцвела „на извозной почве буржуазного общества“. Сам факт изобилия „теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом, часто произвольными“ как указывал Ленин, „вытекает из личных потребностей. Именно из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную и чрезмерную половую жизнь и выпросить темперамент у себе...“¹.

Теории Фрейда и его последователя—Рохэйма близка теория Хипа и, в некоторой мере, Рислея. Разница заключается лишь в том, что если по Фрейду половой инстинкт приводит к тотемизму через Эдипов комплекс, то Хип полагает, что тотемизм является следствием заботы женщины о последствиях полового акта—материнстве и вызван стремлением матери объяснить тайну материнства происхождением от животных, а Рислей считает тотемизм частным законом экзогамии и название экзогамных групп по животным, веру в происхождение от последних объясняет любовью первобытных людей „представлять“ животных.

Но теории Хипа и Рислея по существу вообще ничего и не разъясняют. Кардинальнейший вопрос—почему отцовство приписывается именно животным, почему из любви имитировать животным появляется вера в происхождение от них, так и остается у них нерешенным. Тем более не решен у них вопрос о причинах происхождения названия тотемов по силам природы и неодушевленным объектам и тотемистического комплекса в целом.

Среди теорий происхождения тотемизма большое место занимают так называемые „экономические“ теории.

Повсеместное распространение идей марксизма не могло не оказать известного влияния на буржуазных этнографов. Наиболее добросовестные из них стали уделять значительное внимание экономике. Но так как в силу своей классовой ограниченности они не могли воспринять полностью марксизм или имели очень смутное представление о диалектическом методе и историческом материализме, то влияние марксизма свелось к элементарному экономизму, к созданию ряда своеобразных „экономических“, а по существу вульгарно-экономических теорий, получивших название „магико-экономических“, „торговых“ и т. д.

Такая экономическая теория выдвигается добросовестным и компетентным ученым Болдуином Спенсером и принимается в общем Джемсом Фрэзером, успевшим уже разочароваться в своей первой, реинкарнационной теории. Сущность ее сводится к следующему.

Тотемизм имеет религиозный и социальный аспект. Его религиозный аспект выражается в том, что члены группы имеют особую связь с материальным объектом, имя которого они носят, а социальный аспект выражается в запрещении супружеских отношений внутри данной группы, в обязанности совершения брака с другой тотемной группой.

Так как тотемические группы, по его мнению, существовали ранее образования экзогамии, то он считает, что тотемизм является первичным, а экзогамия—вторичным образованием.

И Б. Спенсер и Фрэзер считали, что главной функцией тотемиз-

¹ Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955, стр. 44.

ма являлось будто бы совершение церемонии иттичуму, цель которой — магическое содействие размножению животных, растений и т. д., считавшихся тотемами группы.

Так как отдельные тотемистические группы аранда ели свои тотемы, иногда обменивались ими с другими группами (тотем — кенгуру), то Спенсер полагал, что в прошлом не было запрета есть тотем.

Всея система магии австралийских племен, по их утверждению, направлена на то, чтобы, с одной стороны, способствовать размножению тотемного вида, который они сами могут есть лишь в ограниченных количествах, и, с другой стороны, к тому, чтобы обезопасить поедание тотема другими тотемными группами. Отсюда якобы обязательно возникает обмен между разными тотемными группами тотемным видом животных, растений и т. д.

Лучшим объяснением появления этого обмена, по мнению Спенсера, является предположение, что вкушение тотема в большом количестве создало бы отчуждение между членами группы и тотемными животными и растениями, отчуждение настолько значительное, что его не могла бы предотвратить даже церемония иттичуму.

Фрэйзер считал, что разделение на тотемистические группы возникло там, где человек стал испытывать некоторый недостаток в пище. Вследствие этого первобытные племена разделились на ряд групп, каждая из которых получила свои функции, в том числе заботу о размножении тотемного животного и растения посредством магических действий. Это давало якобы экономические выгоды всему первобытному племени, ибо, заботясь о размножении своего тотема, группа заботилась обо всем племени, а отказываясь от употребления в пищу одного вида животных или растений, группа этим самым получала право на все остальные виды.¹

Экономические теории тотемизма развивались и обосновывались рядом других исследователей — Хэддоном, Хоунттом, Рейтершильдом, Гребнером, В. Шмидтом и др.

Хэддон выдвигает так называемую „локально-экономическую“ теорию происхождения тотемизма.

Он исходит из правильного положения, что первобытные человеческие группы первоначально были численно небольшими и состояли из родственников. Локально они были ограничены, ибо, по его мнению, возникающие вследствие вторжения на их территорию других враждебных групп, вызывали стремление уменьшить занимаемую территорию.

Хэддон считал, что на территории, занимаемой группой, какое-либо животное или какой-либо вид животных и растений был более изобилен, чем остальные. Это животное или растение (или же их вид) в силу этого становились основной пищей группы, хотя она могла использовать и других добавочных животных и растений. Возникает своего рода специализация. И так как у соседних групп этот вид пищи будто бы отсутствовал совершенно или был редким, то остающиеся излишки обменивались с соседними племенами на животные или растения, которые водились в изобилии на территории последних.

Так как эта теория не может объяснить, каким образом произошло тотемистическое название группы, Хэддон вынужден был прибегнуть к номиналистической теории:

¹ Spencer B. and Gillen F. Some remarks on totemism as applied to Australian tribes. „J.A.L.“, 1899, (old series), т. XXVIII, стр. 277—288; ux же The northern tribes of Central Australia. L., 1904, стр. 160 и сл.; Frazer J. Observations on Central Australian totemism „J.A.L.“ L., 1899, т. XXVIII, стр. 281—286.

Соседи, обменивающие свои излишки с данной группой, могли всю группу назвать по тому животному, которое водилось в изобилии на территории соседей и являлось предметом обмена. (Такое название тотема, как „дождь“, с тем же значением, как считает Хэддон, в том смысле, что дождь является источником определенных растений). Происходит отождествление группы с данным животным и растением.¹

Крупный исследователь австралийского тотемизма Альфред Хоуитт развивает гипотезу, близкую Б. Спенсеру.

Как и Болдуин Спенсер, он полагал, что основным в тотемизме является церемония интичиумы, что желание размножить тотемистический культ показывает, что первоначально тотемами были животные и растения, употребляемые в пищу. Но, в отличие от Б. Спенсера, он считал, что первоначальным толчком для возникновения такого рода представлений явились случайные сновидения.

Голландский ученый Рейтершильд исходит из положения, что основное в тотемизме — отождествление рода и группы животных, которое выражается наиболее четко в том, что они носят одно имя. Поэтому основная задача сводится к тому, чтобы найти причину этой интичиумности. Едва ли можно допустить, справедливо отмечает он, что интичиумы привнесены извне, что соседняя группа отождествила род с животным, заметив его особенности, а группа название переняла. Отсюда Рейтершильд делает вывод, что сам род должен был якобы чувствовать свое тождество с животным, и это тождество должно было быть таким, чтобы оно могло быть воспринято и посторонними. Только этим можно, по его мнению, объяснить, что между родом и тотемом признавалась определенная связь. Предположение, что род воспринимал животный вид в качестве своего подобия или духа-покровителя, исключается.

Почему появляется представление о тождестве с животным видом? Рейтершильд видит причину этого в мышлении первобытного человека, для которого не существует различия между человеком и животным, ибо основной чертой этого примитивного мышления, по его мнению является бросающаяся в глаза ассоциация. На ранней ступени истории человечества личность не играла никакой роли. Поэтому речь могла идти об ассоциации группы людей с видом животных. „Тотемизм, — подчеркивает он, — явно коренится в коллективном восприятии, а никоим образом не в каком-нибудь чувстве индивидуума“. В нем „группа людей входит в связь с растительным и животным видом“.

Но уловив в основном правильно важнейшие элементы тотемизма, Рейтершильд оказался беспомощным в решении происхождения тотемизма; в последнем вопросе он склоняется к „экономической теории“ Б. Спенсера и Хэддона.

Человек, отмечает он, на этом этапе не мыслил себя господином природы, а целиком от нее зависел. Животные являлись для первобытного человека господином над многими, что для него необходимо (зубы, кости, когти, рога, шкура и т. д.). Группа людей, жившая в определенной местности, научилась использовать, каждая по своему, окружающую естественную среду для изготовления предметов одежды, утвари и т. д. тем способом, который характерен для его культуры. Так как животные играли для них главную роль, то первобытный род якобы чувствовал себя связанным с тем животным видом. с

¹ Haddon A. C. Opening address to the British Association of Belfast. Nature, 1902, стр. 562—564.

² Howitt A. W. The native tribes of south-east Australia. L., 1904, стр. 151—155.

которым он делил территорию, которое для него было наиболее полезным. Запрещение есть тотемных животных и создается якобы для того, чтобы сохранить начинающий исчезать или уменьшаться вид животных, полезных человеку.

Инициации, по его мнению, показывают, что сознание самоочевидного тождества между родом и видом животных исчезло и, значит, инициации возникли позже отождествления группы с тотемом. Точно так же более позднего происхождения и интичума, долженствующая размножить животных, которых запрещается есть.¹

Следует подчеркнуть, что в ряде случаев экономические теории происхождения тотемизма принимали и развивали враги марксизма в целях борьбы с ним, ибо „...теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами“.²

В частности, эту теорию взяли на вооружение наиболее реакционные представители венской этнографической „культурно-исторической школы“ — В. Шмидт, Гребнер, Копперс и др.

Фактический основатель этой школы Франц Гребнер выдвинул „торговую“ теорию происхождения тотемизма.

Гребнер утверждает, что тотемизм не универсален, что он возникает лишь в одном из „культурных кругов“. Место его возникновения установить невозможно. Он считает, что разнообразие естественных условий Австралии должно было неизбежно вызвать обмен между разными племенами, а обменивались они главным образом, теми животными и растениями, которые преимущественно водились на территории группы. Каждая группа стремилась поэтому увеличить свои излишки для получения продуктов соседей. Так как у первобытных племен существовало убеждение в возможности добиться увеличения нужного вида животных посредством магических действий, в которых участвовали все члены группы, то это привело в итоге к организации церемонии интичумы.³

Теория „культурных кругов“ Гребнера с ее отрицанием закономерности исторического развития была оценена по достоинству и подхвачена главой католической этнографической школы, венским этнографом патером Вильгельмом Шмидтом. Он внес некоторые поправки и в теорию „культурных кругов“ и в теорию происхождения тотемизма Гребнера, но в общем принял их.

По утверждению Шмидта, „тотемизм не является необходимой промежуточной формой для всех народов. Еще менее того он является началом развития всех народов“.⁴

Так как Шмидт исходит из прамотеистической теории происхождения религии, то, естественно, что он не считает тотемизм религией. „В отношении тотемов, — указывает он, — проявляется вообще не религиозное почитание, а некоторая почтительная боязнь, которая выражается в двух запретах: нельзя убавать тотем или наносить ему вред, если это животное, и нельзя его есть; если же это неодушевленный предмет, то его нельзя употреблять и часто к нему прикасаться“.⁵

Причины возникновения тотемизма Шмидт ищет в экономике и для

¹ Рейгерскаельс А. Тотемизм. „Арекет“, № 20—21, 1927, стр. 68—70.

² Ленин В. И. Собр. соч., т. 18, стр. 546.

³ Gribner F. Das Weltbild der Primitive. München, 1924, т. II.

⁴ Schmidt W. Totemismus, Vielgötterisches Nomadismus und Matrerecht. „Anthropos“, N 10—11, 1915—1916, стр. 508.

⁵ Schmidt W. und Koppers W. Völker und Kulturen. Regensburg, 1924, т. I.

объяснения его происхождения поддерживает „торговую“ теорию Грессера.¹

Шмидт считает, что запрещение есть тотем, церемония инициации и возможность употребления в пищу тотемных животных и растений другими группами — основное в тотемизме. Как и Рейтершильд, он полагает, что основной смысл запрета есть и убивать тотемных животных и растения в ограничении или прекращении уничтожения запасов пищи. Табу устанавливается сначала на период кормления, высиживания птенцов, созревания растений и позже превращается в полный запрет есть его, а еще позже и убивать тотем. Табу, как и инициума, подчеркивалось тем, что группа называла себя или получала от соседней название по животным или растениям, наиболее распространенным в области ее обитания.

Тот факт, что даже такой обскурант, как патер Шмидт, стал поддерживать „экономическую“ теорию происхождения тотемизма, далеко не случаен и весьма показателен. Теоретическая победа марксизма внушает его врагов считается с этим всеильным учением. Они стремятся использовать интерес к экономическим проблемам для протаскивания своих, сугубо антинаучных концепций.

Рассмотренные нами „экономические“ теории объединяются тем, что решение задачи их авторы ищут в какой-либо экономической причине. Но исходят они, как правило, лишь из роли тотемного животного в экономике первобытного общества: преобладания тотемного животного на известной территории, значения тотемного животного, как главной пищи, его роли в обмене и т. д.

Теория эта получила распространение в тридцатых годах в нашей стране, проникла даже в массовые атеистические издания. Объясняется это тем, что некоторых недостаточно марксистски грамотных советских ученых соблазнил сам факт, что тотемизм, как идеология, объясняется экономическими причинами.

В силу указанных причин мы постараемся осветить эту группу теорий более полно.

Наиболее рациональной из них кажется теория Хэддона, согласно которой первоначальные тотемы — это животные, наиболее распространенные в местности, занимаемой первобытной группой, являющиеся в силу этого их основной и любимой пищей, излишки которой группа обменивала у соседей на другую пищу.

Но и эта гипотеза не подтверждается этнографическим материалом: таких первобытных племен, которых изображает Хэддон, в природе не существует и не существовало в прошлом. Это вполне понятно, если учесть, что первобытные люди едят все мало-мальски съедобное и, даже при этих условиях, им, в силу несовершенства орудий труда, приходится частенько голодать.

Впрочем, если бы мы приняли положения Хэддона, то осталось бы непонятным, какие мотивы побудили людей совершенно отказаться от ранее любимой пищи.

Утверждение Хэддона, что отождествление тотемного вида и рода должно было возникнуть в силу существующей между ними связи, основанной на голоде, что названия роду давались соседями, также лишено оснований, ибо, как мы уже указали, наименование соседей не всегда принимается группой, а даже наличие такой связи не объясняет, почему тотем стал считаться предком рода.

Вариация этой теории Б. Спенсера и Фрэзера слишком неправдо-

¹ Schmidt und Koppers, указ. соч., т. I, стр. 102.

подобна. Недаром именно невероятность существования такой сложной социальной организации, в которой все племена разделили бы все важнейшие продукты питания и силы природы, заставило самого Фрэзера отказаться от этой теории,¹ в пользу концептуальной, которая нами уже рассмотрена.

Гипотеза Хоуитта, что первоначальный толчок возникновению тотемистических представлений дало случайное сновидение, неприемлемо потому, что не объясняет, каким образом сон, приснившийся одному человеку, был принят всем родом и почему внутри племени тотем никогда не повторяется. Не отвечает эта теория и на вопрос, почему такая „случайность“ получила распространение на всех континентах, у всех племен мира.

Теории Шмидта, Гребниера, Копперса по существу не прибавляют почти ни одного аргумента, который нуждался бы в дополнительных возражениях. Их утверждение, что запрет есть тотемных животных вызван якобы стремлением сохранить тотемных животных для торговли с соседями, настолько невероятно, что не может всерьез обсуждаться. К тому же эта „теория“ обходит весьма важный вопрос—почему возникает вера в происхождение от тотема.

Более логична из этой группы теорий, на первый взгляд, концепция Рейтершильда.

Рейтершильд правильно считает, что важнейшее в тотемизме—идентичность рода людей и вида животных, но упускает другую, не менее важную его сторону,—происхождение от тотема. Он несомненно прав, когда ищет ответа на вопрос о происхождении тотемизма в мышлении первобытного общества. Но когда он видит специфику этого мышления в том, что тотемизм коренится не в эмоциях индивидуума, а в коллективном восприятии, он ошибается, ибо любые представления и идеи в любом обществе воспринимаются только через чувства и мышление отдельных лиц. А когда он ищет причину этой идентичности в экономической связи рода, тотема и территории, он входит в конфликт с фактами: для того, чтобы группа научилась использовать растение, животное или его часть, распространенные на его территории, „способом, характерным для ее культуры“, требуется, чтобы, во-первых, флора и фауна соседних родов резко отличалась; во-вторых, культура этих групп должна отличаться столь же резко от соседей и настолько, чтобы даже соседи ощущали разницу этих культур и признавали тождество тотема-растения или животного, наиболее распространенного на данной территории, и группы. Между тем, этнографические данные этого не подтверждают. Не подтверждается фактами и то, что тотем—животное или растение, наиболее распространенное в данной местности и самое полезное. Стало быть, и теория Рейтершильда остается недоказанной.

Близкая Рейтершильду теория Ван Геннепа² не разрешает проблемы по тем же мотивам.

Ван Геннеп, конечно, прав, когда утверждает, что первоначально группы были территориальными. Он несомненно, прав, что со временем возникла необходимость расчленения этой группы на части, выделения из нее второстепенных групп. Однако отсюда еще не следует необходимость в классификации групп на тотемистической почве; отдельные группы едва ли было возможно связать „с определенным видом животных, живущих на данной территории, или растений, произраставших на ней“ уже потому, что на близких территориях, как

¹ Frazer, 1910, т. IV, стр. 57.

² Геннеп указ. соч., стр. 344. и сл.

мы это показали на австралийском материале, флора и фауна почти однородны. К тому же при сравнительном обилии животных и растительный выбор возможен довольно богатый, и остается непонятным, почему группа в своем выборе должна была предпочесть один вид другому, почему ее выбор мог остановиться, как это часто наблюдается, на каком-нибудь насекомом или неодушевленном предмете.

Как мы видим, „экономические“ теории проблемы тотемизма не решают, хотя отдельные соображения, высказанные отдельными учеными из этой группы, несомненно, заслуживают внимания.

Известный интерес представляют теории Уильяма Робертсона Смита, Джевонса и Дюркгейма.

Робертсон Смит, Джевонс и Дюркгейм имеют много общего: все они считают тотемизм первоначальной религией, предшествующей антропоморфным богам и притом стадией в развитии религиозных верований, все они исходят из коллективного характера тотемистических представлений, все они разделяют точку зрения, сформулированную Джевонсом, что человек переносит свою социальную организацию на окружающий его мир одушевленных и неодушевленных предметов. Однако проблему происхождения тотемизма они решают по-разному.

Робертсон Смит выдвинул теорию происхождения религии, известную под названием „родовой жертвы“. Сущность ее сводится к следующему: тотемизм является первоначальной религией, предшествующей антропоморфным богам. Тотемами же, по его мнению, являются якобы демоны, олицетворяющие силы природы. Они делятся на виды подобно человеческим группам, обитают в местности, где живут люди, и становятся добрыми духами по отношению к человеку.¹ Каким образом совершается превращение враждебных демонов в дружественных — сказать нельзя.²

В тотемный период род дикарей верит, что состоит в родстве с некоторыми видами одушевленных и неодушевленных предметов, обычно с некоторым видом животных. Каждое животное этого вида рассматривается, как брат или сородич. Но такое же родство предполагается между богами и этим же определенным видом животных, с одной стороны, и между богами и их почитателями — с другой. Эти отношения вначале были такими же, как и отношения между двумя сочленами одного рода, между двумя друзьями, точнее, между отцом и детьми, так как тотем считался предком. Отсюда предполагалось наличие родства между группами людей и видом животных, которые были связаны в силу того, что являлись сородичами.

Связь между людьми и богами, по его мнению, осуществлялась посредством принесения в жертву тотемного животного на религиозном пиршестве, на котором все члены рода приобщались к тотему путем его поедания.

Наиболее древней формой жертвы, более древней, чем употребление огня и тем более знакомство с земледелием, по его утверждению, была жертва животного, мясо и кровь которого поедалась совместно богом и верующими. Такое жертвоприношение являлось общественным торжеством, праздником целого рода, ибо религиозный долг был частью социальных обязанностей.

Совместная трапеза с богом выражала убеждение людей в их общем происхождении, так как, по его мнению, с чужаками трапезы не делают.

¹ Robertson Smith W. Lectures on the religion of the semites. L., 1894, стр. 131, 126

² Указ. соч., стр. 136—137.

Жертвенных животных он отождествлял с древним животным тотемом. В более же поздние времена, по его мнению, существовали два вида животных, приносимых в жертву: домашние животные, употребляемые в пищу, и животные, запрещенные для еды, как нечистые. Эти „нечистые“ животные были раньше священными, были тождественны богу и ему посвящены. Однако первоначально не было деления на обыкновенные и „мистические“ жертвы: все животные были одинаково священны, их убийство было запрещено и мясо могло быть употреблено в пищу лишь при участии всех членов рода, в торжественных случаях, так как заколоть животное все равно, что пролить кровь племени.

Убиение и поедание такого священного животного в торжественном собрании было необходимо, ибо только таким образом можно было установить священную связь между участниками трапезы и богом¹.

Концепции Робертсона Смита близка теория англичанина Джевонса, изложенная им в работе „Введение в историю религии“.

По мнению Джевонса, первобытный человек представляет, что весь окружающий мир, все окружающие его предметы одушевлены, подобно ему самому, и являются убежищем духов, сверхъестественных сил. Как он полагает, вполне естественно, что человек в целях безопасности пожелал установить дружеские отношения, заключить союз с некоторыми из этих сил, прежде всего с животными, позже и реже с растениями, обладающими таинственными силами.²

Но в первобытном обществе, по утверждению Джевонса, все племена враждебны друг другу и отдельные индивидуумы могут существовать только при поддержке рода. Отсюда человек полагает, что и окружающие его предметы, одушевленные и неодушевленные, тоже разделены, подобно человеческому обществу, на роды и племена, признающие кровную месть, договора и т. д. Поэтому он может заключить союз с целым видом. Но внутри рода связь имеет лишь одно внешнее проявление—кровнородственный союз. Неудивительно, что человек обнаруживает такую же связь и у всех окружающих его видов одушевленных и неодушевленных предметов. Для установления связи с тем или иным духом признается необходимым заключить со всем видом животных, растений и т. д., с которым он заключает союз, договор крови. Отсюда неизбежно принимается родство человека с соответствующим видом предметов, признается происхождение человека и тотемного животного или растений от общего предка. Запрет убивать и есть животных является следствием признания того, что тотемный вид и члены рода принадлежат к одной плоти, одной крови³, а его вкушение якобы подтверждает договор крови, укрепляет его союз с тотемом.

Постепенно культ тотемного вида превращается в жертвоприношение индивидуальному божеству.

Жертвоприношение Ягве является, по утверждению Джевонса, высшей формой монотеизма, в которой родом совершается жертвоприношение уже не тому или иному виду предметов, а одному богу, воплотившемуся в форме животного или растения⁴.

¹ Указ соч., стр. 124 и сл. 289, 304.

² Jevons F. B. An introduction to the history of religion. L., 1896, стр. 11—12.

³ Jevons, указ. соч., стр. 96—104.

⁴ Указ. соч., стр. 391.

Робертсон Смит и Джевоис выдвигают ряд правильных положений, оба они считают тотемизм первоначальной религией, предшествующей антропоморфным богам и притом стадией в развитии религиозных верований, оба они исходят из родового характера первоначальных тотемистических представлений. Особо ценно положение, выдвинутое Джевоисом, что человек переносит свою социальную организацию на окружающий его мир одушевленных и неодушевленных предметов. Но не случайно эти теории почти не нашли себе сторонников: они явно надуманы, навязаны Библией и противоречат фактам.

Теория Робертсона Смита базируется, как это отмечалось, на изначальности жертвоприношения. Наиболее древней формой жертвы, более древней даже, чем употребление огня, как мы помним, он считал жертвы животных, поедаемых богом и членами рода, а совместная трапеза с богом выражала убеждение людей в их общем происхождении.

Но отсюда следует, во-первых, что человек уже организованно охотится за животными в эпоху эолита (ведь синантроп уже применял огонь); во-вторых, что в это время уже был род и, в-третьих, что человек в это время уже совершал жертвоприношения.

Все эти положения не соответствуют фактам:

Примитивные эолитические орудия не были пригодны для охоты и человек, как это признает подавляющее большинство археологов, заимался в эту пору почти исключительно собирательством. Организованная охота стала возможной значительно позже, когда огонь уже был известен. Род возникает, вероятно, лишь в верхнем палеолите, а жертвоприношения отсутствуют у наиболее примитивных племен и появляются в период разложения отцовского рода, когда тотемизм уже отмирает, превращается в пережиток. Это вполне понятно: жертвоприношения стали возможны только тогда, когда с развитием производительных сил человек имел излишки продуктов.

Впрочем, если бы мы и игнорировали несоответствие теории Робертсона Смита исторической действительности, мы не смогли бы ее принять в силу внутренних противоречий.

Если, по мысли Робертсона Смита, первоначально любое животное запрещалось убивать члену рода в отдельности, если это разрешалось только роду в целом, если при этом каждое убитое животное подалось членами рода совместно с богом, то остается совершенно необъяснимым, по каким мотивам тотемом стал лишь один вид, почему ему оказали предпочтение перед другим.

Во-вторых, если только совместная трапеза с богом, поедание тотемного животного выражала убеждение в их общем происхождении, то чем объяснить возникновение тотемов неодушевленных предметов?

И, наконец, эта теория не объясняет, почему род верил, что состоит в родстве с видом одушевленных или неодушевленных предметов. А ведь это один из основных неразрешенных вопросов этой сложной проблемы.

Это несоответствие исторической действительности и противоречивость делает теорию Смита неприемлемой.

Джевоис более логичен, чем Робертсон Смит, и остроумно устраняет ряд противоречий теории последнего. Но прежде всего, как это правильно подметил Ю. П. Францов, перенос социальной организации людей на животных или представление о родстве человеческого общества с миром животных, о содружестве этих двух миров еще ре-

дигией не является.¹ Джевонс же не отвечает на вопрос, какие причины вызывают превращение тотемизма в религию.

Во-вторых, если тотем признается, в силу „договора крови“ сородичем, то остается непонятным, почему разрешается его есть, несмотря на то, что поедание сородичей не практикуется. Утверждение, что вкушение тотема будто бы утверждает договор, укрепляет связь с тотемом, звучит явно необедительно: если союз возникает на паритетных началах, то почему не практикуется поедание сородичей или попеременно тех и других?

В-третьих, теория Джевонса не разрешает, как это справедливо отмечал еще Л. Я. Штернберг,² коренного вопроса: почему при одинаковой психологии первобытного человека и при однородности в общем природных условий соседние племена не выбирали все вместе одного тотема, а каждый род выбирал особого, почему этим тотемом не являлись самые могущественные из окружающих его объектов природы, почему таким тотемом могли быть объекты, абсолютно ничем не выдающиеся (червь, муравей, мышь).

Оригинальную теорию происхождения тотемизма, отличающуюся кажущейся стройностью и законченностью выдвинул французский социолог-позитивист Эмиль Дюркгейм. Она заслуживает нашего пристального внимания, так как Дюркгейм до сих пор имеет значительное число сторонников среди буржуазных ученых. Поэтому мы изложим ее более подробно.

Дюркгейм отмечает, что все известные религиозные верования делят все реальные или идеальные вещи, представляемые человеком, на две противоположные группы — „священные“ (sacré) и „мирские“ (profane). По его утверждению, различие между ними заключается не в ранге, не в степени, а в качестве. Мирское и священное по происхождению гетерогенно. Эти две категории глубоко дифференцированы, радикально противопоставлены одна другой. Для того, чтобы перейти из одного такого мира в другой, требуется, чтобы существо умерло и возродилось. Первобытные люди считают, что церемония посвящения осуществляет эту смерть и возрождение не символически, а буквально. Священные вещи охраняются и изолируются запретами, а мирские вещи — это те, к которым запреты не применяются.³

У австралийцев, которых Дюркгейм признает наиболее примитивными обществами мира, „по-видимому, начинается социальная жизнь и, несомненно, также и религия“. Вот почему в тотемизме он и видит первоначальную стадию развития религиозных верований, присущих всем племенам и народам мира.⁴

Тотемистические роды Австралии характеризуются, по Дюркгейму, двумя основными чертами: члены его, во-первых, считают себя связанными родством, однако не потому, что между ними существуют определенные кровные отношения, а якобы потому, что они носят одно и то же имя. Во-вторых, имя, которое носит род, принадлежит также определенному виду материальных предметов, с которым он считает себя связанным узами родства.

Тотем, по его утверждению, является не только именем или названием: это эмблема, настоящий герб. „Это — символ, ярлык, знак, печать, которыми человек отмечает свою принадлежность к определен-

¹ Францов Ю. Фетишизм и проблема происхождения религии. (М.), 1910, стр. 111.

² Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 200—201.

³ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie. P., 1912, стр. 50—51.

⁴ Там же, стр. 135—136.

ному роду¹. Эти тотемистические изображения являются священными, но такое же религиозное чувство вызывают и изображаемые ими животные, растения и другие предметы. Отсюда запрет есть тотемных животных и растений, а иногда даже прикасаться к ним.¹

Эти запреты менее многочисленны и, по его мнению, гораздо менее строгие, нежели те, которые касаются эмблемы: изображения тотемистического существа являются якобы более священными, чем животные, растения и т. д., которые воспроизводятся ими.²

Люди сопричастны религиозному и священному характеру тотемов приблизительно так же, как и растения и животные: человек верит, что он одновременно является и человеком и растением или животным тотемистического вида, так как для первобытного человека тождество имени означает тождество природы. Существующие мифы о происхождении тотемистических предков и созданы, по его утверждению, для объяснения этой двойственности. В них чувствуется потребность логически истолковать верование, что человек может слыть одновременно человеком и животным.

Так как эмблема, тотемное животное или растение и члены рода являются в одинаковом качестве, хотя в разной степени священными, то их религиозный характер не может быть объясним ни одним из индивидуальных свойств, отличающим эти вещи одну от другой. Для появления такого почтения или страха в отношении этих объектов необходимо существование чего-то общего всем этим вещам, „какой-то силы, которая обнаруживается в каждой из них, не сливаясь, однако, ни с одной из них, силы, которая им предшествует и их переживает, которая внушает религиозное чувство везде, где она проявляется, силы безмянной и безличной, которую представляют себе то под видом животного, то под видом растения, то под видом члена рода“.³

Тотем—это будто бы только „материальная форма, в которой изображение первоначального человека представляет эту не материальную субстанцию, эту текучую энергию, которая пронизывает все разнообразные вещи и которая одна является объектом подлинного культа“.⁴

Эта идея текучей и безличной силы, которая лежит якобы в основе религии, находится в эмблемах и только отражению падает и на реальные объекты, которые эмблемы изображают.⁵

Эти эмблемы являются с одной стороны, и внешними и чувственными формами тотемов, а с другой стороны, каждая из них является также символом рода. „Но раз тотем является и символом бога (т. е. тотемистического начала), и символом общества, то не происходит ли это потому, что бог и общество—это одно и то же? Бог рода, т. е. тотемистическое начало, не может быть, следовательно, ничем иным, как самим родом, но родом гипостазированным и чувственно представленным в виде растения или животного, которое служит тотемом“.⁶

Если дикарь не поклоняется непосредственно подлинному богу—роду, если дикарь представляет себе род в образе животного или растения, и если их изображения, а не род являются предметом культа, то это, по Дюркгейму, объясняется тем что род является для него

¹ Указ. соч., стр. 154--155.

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 289.

⁴ Там же, стр. 270.

⁵ Там же, стр. 294.

⁶ Там же, стр. 294--295.

якобы слишком сложной реальностью, чтобы рудиментарное сознание могло его отчетливо представить.

Если эти эмблемы были заимствованы из мира растений и животных, главным образом, последних, то это объясняется тем, что было необходимо чтобы эмблема воспроизводила такой предмет, который можно было бы рисовать, с другой стороны, нужно было, чтобы они принадлежали к тем вещам, с которыми у членов рода существовали наиболее непосредственные и наиболее привычные связи. Этому условию соответствовали в наиболее высокой степени животные. Весьма вероятно, что каждый род взял в качестве эмблемы животное или растение, которое было наиболее распространено в местности, где группа обычно собиралась.

Если животные или растения считаются, хотя и в меньшей степени, чем эмблема, тоже священными, если их запрещено убивать и есть, то лишь в силу сходства с тотемистической эмблемой, лишь потому, что эмблема изображает их. Лишь в силу сходства с эмблемой тотемистические животные и растения должны были внушать к себе аналогичное почтение, лишь в силу этого сходства первобытные люди должны были предположить, что они таят в себе такие же силы. „Люди тоже, но в еще меньшей степени сопричастны к таинственным свойствам тотема, так как они являются членами рода, эмблемой которого является тотем. Родство между человеком и тотемом люди вообразили задним числом для того, чтобы объяснить себе самим верования и обряды, источник и глубокий смысл которых были им непонятны.“

Теория Дюркгейма содержит отдельные любопытные положения, но в целом она идеалистична, противоречива, не подтверждается фактами и не решает проблемы.

✓ Большой интерес представляют соображения Дюркгейма относительно деления первобытным человеком всех вещей на „священные“ и „мирские“. Но Дюркгейм без всяких оснований ставит непреходимую грань между этими двумя мирами. В самом деле существует много переходных ступеней, стирающих эту грань, делающих этот переход из одного мира в другой незаметным. Воспользуемся примерами самого Дюркгейма и сравним хотя бы чурингу или вайиннгу с изображениями на теле и на щите. Очевидно, что если чуринга или вайиннга полностью запретна и относится к той категории вещей, которые он называет „священными“, то изображение на теле относится уже к полузапретным и знаменует как бы переход из одного мира в другой, а изображение на щите уже почти полностью принадлежит к вещам „мирским“ и соблюдение каких-нибудь серьезных запретов в отношении их практически невозможно.

Но если это деление более чем условно, то очевидно, что неверно и определение религии Дюркгейма. Но если религия не является, как он утверждает, „связной системой верований и обычаев, относящихся к священным вещам“, если религия в самом деле представляет, как известно, лишь фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые над ними господствуют в повседневной жизни, то и вся концепция Дюркгейма теряет под собою почву.

Противоречат фактам основные положения его концепции: австралийское общество является, по его утверждению, самым примитивным, где начинается и социальная жизнь и религия. Эта первоначальная религия — тотемизм обуславливается существованием якобы какой-то безымянной и безличной силы, является конкретизацией этой силы. Стало быть, религия вечна, и в Австралии мы стоим у ее истоков.

Но, во-первых, тезис об извечности религии сам по себе более чем спорен. Мало того, он опровергается фактами: вплоть до позднего мустье никаких следов религии в археологических стоянках не обнаружено, а вера в маиа, оренда, ваканда, в которых, по Дюркгейму, конкретизируются преанимистические верования, наблюдаются лишь у тех племен, у которых родовой строй находится уже в стадии разложения.

Во-вторых, если австралийское общество, по Дюркгейму, самое примитивное из когда-либо существовавших, то это утверждение не соответствует действительности потому, что орудия у австралийцев ранне-неолитические и ему предшествуют общества палеолитические. Значит, в этом случае ему следовало бы доказать на археологическом материале существование религии в эолитическую или шельскую эпохи, а это невозможно. Если же он признает австралийское общество самым примитивным из существующих, то ведь в нем нет веры в безличную силу и нет самопочитания группы в тотеме. Стало быть, „общество“, которым оперирует Дюркгейм, — не австралийское общество, а общество абстрактное, вне времени и пространства, а все его рассуждения — домысел, противоречащий фактам.

Надумана, скажем более, фантастична и вся построенная им схема развития тотемистических представлений.

По утверждению Дюркгейма, как нами отмечалось, основную роль играет эмблема; животные и люди священны и родственны друг другу только потому, что их объединяет эмблема. Она вызывает и запрет убивать и есть тотем.

Мало того, по его утверждению, даже идею текучей и безличной силы дикари почерпнули в той же эмблеме. Эмблема является, как мы помним, и внешней и чувственной формой тотемов и символом рода потому, что бог рода, т. е. тотемистическое начало является ничем иным, как гипостазированным родом, чувственно представленным в виде тотема — животного или растения. Род нуждается в эмблеме как связующем центре, а сам он не может явиться таким центром, ибо, по мнению Дюркгейма, представляет „слишком сложную реальность“ и заимствует ее из мира животных и растений потому, что с ними связан и их было легко воспроизвести.

Мы видим, что Дюркгейм выворачивает наизнанку весь действительный ход событий: для каждого логически мыслящего человека очевидно, что стремление изобразить тотем может появиться лишь тогда, когда о нем уже существует представление, что вера в родство человека и тотема, тотема и животного вида не может возникнуть из эмблемы, что люди связаны родством не потому, что носят общее имя, а, наоборот, имеют общее имя потому, что являются родственниками. Для каждого непредубежденного человека ясно, что источник происхождения религиозных идей следует искать в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, фантастическим отражением которого является религия, а у Дюркгейма идеи обуславливают материальную жизнь общества.

Мы приведем, наконец, последний аргумент: если общество, по Дюркгейму, нуждается в эмблеме, как связующем центре, если австралийское общество, как отмечено и как признано всеми археологами, не является первоначальным, то как обходилось без эмблемы общество нижнего палеолита, где как известно, никаких изображений не существовало? Значит, никакой „безличной силы“ не было? Тогда ведь тезис Дюркгейма об извечности религии придется отбросить. Или они обходились без эмблемы? Тогда придется признать несостоятельной теорию происхождения тотемизма Дюркгейма.

В самом деле, как известно, течение ряда тысячелетий человек не верил в сверхъестественные силы, в богов, и общество прекрасно обходилось без них. В течение тысячелетий оно развивалось, двигалось вперед по пути прогресса, не нуждалось в „безличной силе“, организуя свои общественные порядки, им самим установленные.

И прекрасным ответом Дюркгейму являются слова В. И. Ленина, сказанные им по аналогичному поводу:

„Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальное чувство. Это—богдановский *идеализм*, затупшевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,—идей, *закрепляющих* эту придавленность, *усыпляющих* классовую борьбу... В действительности „зоологический индивидуализм“ обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла „социальные чувства“, подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства... Никогда идея бога не „связывала личность с обществом“, а всегда *связывала* угнетенные классы верой в *божественность* угнетателей“.¹

Переходим к рассмотрению взглядов ученых, освещающих проблему или пытающихся ее разрешить с позиции *диалектического материализма*. Из зарубежных ученых к ним относятся Г. Эйльдерман и Ш. Эншлен, а из советских—А. М. Золотарев, С. А. Токарев, С. П. Толстов, Ю. П. Францев и др.

Все они признают тотемизм религией, присущей всем племенам и народам мира на известном этапе общественного развития. Религию все они определяют в духе марксизма-ленинизма, как фантастическое отражение тех внешних сил, которые господствовали над человеком в его повседневной жизни. Разгадку тотемизму они ищут в условиях материальной жизни и производственных отношениях людей. Но к отдельным вопросам проблемы, в частности, к вопросу о сущности и происхождении тотемизма они подходят по-разному.

Некоторые из них находились под влиянием концепций буржуазных ученых и не смогли их преодолеть. Так, немецкий ученый Г. Эйльдерман рассматривает тотемизм не как религию, а как особую форму производственных отношений. Вслед за Хэддоном и Гребнером он утверждает, что тотемизм возникает как система распределения пищи. Тотемистическое название, по его мнению, дает орде ее глава или предводитель, который имеет верховный надзор над самым главным видом пищи.² К этой концепции по существу присоединяется и прогрессивный французский историк Ш. Эншлен,³ который в своей работе „Происхождение религии“ высказал ряд интересных соображений о сущности и происхождении первобытной религии.

Из советских ученых вульгарно-экономическую теорию поддерживали П. Токин⁴ и С. Урсынович⁵. В. Г. Богораз присоеди-

¹ Ленин В. И. собр. соч., т. 35, стр. 93.

² Эйльдерман Г. Первобытный коммунизм и первобытная религия. М., 1930, стр. 127—131; Eildermand H. Die Urgesellschaft. Ihre Verwandtschaftsorganisationen und ihre Religion. В., 1950, стр. 393—396.

³ Эншлен Ш. Происхождение религии. М., 1954, стр. 65—67. Он, кстати, без достаточных оснований утверждает, что тотемизм возникает после анимизма и магии (указ. соч., стр. 6).

⁴ Токин П. Первобытное искусство и тотемизм. „Ленин“, № 24, 1928, стр. 28; его же. Очерк происхождения религиозных верований. М.—Л., 1930, стр. 36, 40—41.

⁵ Урсынович С. Религия туземных народностей Сибири. М., 1930, стр. 16.

ившая к номиналистической теории¹, а Д. К. Зеленин — концепци-
ональной.²

За недостатком места мы не даем анализа и критики этих теорий,
да в этом и нет нужды, так как аналогичные взгляды мы уже рас-
смотрели, и ничего нового, содействующего решению проблемы, они
не вносят.

Новую, несомненно интересную точку зрения о сущности тотемиз-
ма и ряд ценных соображений, содействующих решению, с позиций
исторического материализма, проблемы в целом, высказывает извест-
ный советский археолог и этнограф С. П. Толстов.

Он обращает наше внимание на явления полового тотемизма и
отмечает, что „половой тотемизм, как социальный институт—явление
в масштабе земного шара чрезвычайно редкое, сохранившееся лишь
у немногих австралийских племен“.³ Вместе с тем он считает, что по-
ловой тотемизм нельзя рассматривать, как своеобразную историческую
случайность, ибо в „мифологическом преломлении, не как живой ин-
ститут, а как сюжет генеалогического и космогонического мифа, по-
ловой тотемизм является почти универсальным явлением“.⁴ А сочета-
ние слабой распространенности в качестве живого социального ин-
ститута народов, стоящих на грани материнской и отцовской фи-
лиации, с необычайно широкой распространенностью в качестве
элемента генеалогических мифов, позволяют ему выдвинуть гипотезу,
что „явления полового тотемизма представляют собой институт более
ранний, чем современная социальная организация тех племен, у кото-
рых мы его наблюдаем“,⁵ что уже у этих племен „он выступает в
качестве пережитка более ранних ступеней общественного развития“.⁶
Эту социальную организацию он видит в обществе, „которое расчле-
нено (не считая деления на поколения) лишь на два брачных класса—
мужской и женский, то есть в кровнородственной семье“⁷. С. П. Тол-
стов признает тотемизм не особой стадией доклассового общества, пред-
шествовавшей родовому строю, а идеологией, однако, не родового
общества в целом, но „идеологией общества, кровные и отсюда со-
циальные связи которого основаны на групповом браке“ (подчеркнуто
С. П. Толстовым). Он полагает, что „тотемизм—это извращенное от-
ображение общественных отношений, предшествовавших возникнове-
нию парной семьи—кровнородственной семьи, переходной формы
брачно-классовой системы, первичной дуальной организации, как пер-
вой ступени консолидации рода, и, наконец, первичных форм рода,
предшествующих возникновению парной семьи“.⁸ Он считает, что „то-
темизм есть форма осознания связи коллектива, его единства, его проти-
воположности другим коллективам на том этапе общества, когда кров-
ное родство в собственном смысле, генеалогическая общность коллек-
тива не могла еще быть осознана в силу отсутствия неперемнной пред-
посылки для осознания кровной связи—парной семьи“.⁹

¹ Богораз—Тан В. Т. Распространение культуры на земле. М.—Л., 1928., стр. 82—83.

² Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. Тр. ИААЭ, Эги. серия. Вып. 3, М.—Л.,
1936, стр. 250—251.

³ Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. Пробл.
ист. докп. форм., № 9—10, 1935, стр. 23.

⁴ Указ. соч., стр. 22.

⁵ Указ. соч., стр. 23.

⁶ Указ. соч., стр. 24.

⁷ Указ. соч., стр. 25.

⁸ Указ. соч., стр. 26.

⁹ Там же.

С. П. Толстов первым из советских ученых высказывает положение, что тотемизм возникает в верхнем палеолите, как он полагает, в мадлене.¹

По мнению С. П. Толстова, существует три типа представления о тотеме: 1) тотем, как предок; 2) тотем—не предок, но родственник (брат, сестра); 3) тотем, как не предок и не родственник, а как род предметов, с которым себя отождествляет коллектив. Тотем в своей исходной форме—не предок, ибо без парной семьи, как уже отмечалось, нет предпосылок для создания кровной связи. «Представление о тотеме, как родственнике, уже представляет известную степень осознания кровного родства», а представление о тотеме, как предке, «фактически снимает тотемизм, как таковой, превращающийся здесь в переход к культу предков людей, еще долго, вплоть до гибели родового строя несущих традиционные тотемистические черты».²

Отсюда, как полагает Толстов, из существующих форм тотемизма родового, секционного и родового—наиболее древним является половой, в котором тотем выступает как брат, а наиболее поздним—родовой, где он выступает как предок.

Эти интересные положения С. П. Толстов, к сожалению, не развивает. Он отмечает: «Что это так, что культ тотема предка есть позднейшая модификация тотемизма, а представление о тотеме, как о брате (т. е. члене коллектива) и еще раньше отождествление коллектива с тотемом—предшествующие ему стадии, говорит нам все направление развития, движущегося в сторону культа человеческих предков, процесс антропоморфизации тотема, как заключительный этап тотемизма».³

Справедливо возражая против вульгарно-экономической теории Хэддона, Гребнера, Шмидта и др., что «тотемизм возникает на базе интерлокального разделения труда», он подчеркивает, что «корни тотемизма лежат внутри коллектива». «Тотемизм,—пишет он,—есть идеологическое отражение реальной производственной внутригрупповой дифференциации, по-видимому, носившей первоначально лишь временный характер и лишь впоследствии дифференцировавшей коллектив на постоянные, константные в смысле людского состава группы».⁴

Инициумы он считает первично-тотемистическими церемониями и высказывает весьма интересную, на наш взгляд правильную, мысль, что первоначально эти церемонии «...и по-видимому, связанные с ними пищевые и производственные запреты, тотемная табуация, отнюдь не были направлены каждой конкретной группой на один только вид животных».⁵ Один и тот же индивидуум в различное, а иногда и в одно и то же время, охотясь на различных животных, нес различные производственные и пищевые запреты и участвовал в различных магических церемониях размножения того или иного животного «тотема».⁶

Культ предков, как правильно, на наш взгляд, полагает С. П. Толстов, возникает позже тотемизма.

А. М. Золотарев также полагал, что тотемизм—идеология родового строя, но считал, что «тотемизм есть первая форма религиозного осознания родственных отношений»,⁷ и возник «на почве примитивного охот-

¹ Толстов С. П. Проблемы родового общества, «Сов. Этнол.» № 34, 1931, стр. 92.

² Толстов, 1935, стр. 26.

³ Там же.

⁴ Толстов, указ. соч., стр. 92.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, стр. 6.

ничесобирательного хозяйства палеолита"¹. Разложение тотемизма, по его мнению, обусловлено общим развитием родовых отношений. „Осознание родства делает излишним тотемистическое представление о родстве и совместно с расцветом отцовского рода постепенно отмирает тотемизм“².

А. М. Золотарев считал также, что культ тотемистического предка есть первая форма культа предка вообще, но его полное развитие относил к более высоко развитому родовому обществу — австралийцев, америндов, негров-меланезийцев.

Происхождение от общего предка указывает, по его мнению, „не на генезис от одной брачной пары, а на одинаковое социальное положение и на одинаковую роль в производстве, которая лишь санкционируется представлением о происхождении от предка зверя, полувзвря или вообще мифического существа, давшего начало коллективу в незапамятные времена. Культ тотемистического предка есть первая форма культа вообще...“³.

Высказав, как вы видим, ряд правильных и интересных положений о сущности тотемизма, А. М. Золотарев совершенно неожиданно утверждает, что „тотемистический предок есть персонализация, впрочем никогда не принимающая строго персональные формы, коллектива в зверино-мифологическом образе“⁴, т. е. повторяет идеалистическую концепцию Дюркгейма.

Следует также отметить, что А. М. Золотарев не учитывал, что осознание кровного родства происходит не в эпоху отцовского, а в эпоху материнского рода, что, следовательно, если принять эту концепцию, то следует признать, что тотемизм отмирает значительно раньше. Наконец, А. М. Золотарев ставил знак равенства между австралийцами, у которых род только возникает, и американскими индейцами и меланезийцами, у которых или материнский род был в расцвете, или уже был отцовский род, причем у части племен находился на стадии его разложения.

А. М. Золотарев высказал и свою точку зрения на происхождение тотемизма. Он правильно считал, что если синонимом родовой связи служит животное, то это объясняется тем, что, во-первых, животное играет колоссальную хозяйственную роль в жизни первобытного человека и не может не занять соответствующего места в его мировоззрении и, во-вторых, тем, что „аналитические способности первобытного охотника-собираателя развиты так слабо, что он совершенно не выделяет себя из природы и, меряя природу по своему образцу, рассматривает ее, как нечто одушевленное“.

„Род, как экзогамный социальный институт,—подчеркивает Золотарев,—регулирует распределение и воспроизводство рабочей силы. Его тотемистическая надстройка „регулирует“ магическим путем (интичиума) размножение тотемного вида, идеально проецируя родовую организацию на животное-растительный мир“⁵.

В этом направлении, по его мнению, и следует искать генезис тотемизма.⁶

Происхождение же тотемистических запретов А. М. Золотарев

¹ Указ. соч., стр. 8.

² Там же.

³ Указ. соч., стр. 9.

⁴ Там же.

⁵ Указ. соч., стр. 10.

⁶ Указ. соч., стр. 10, примечание 1.

объяснил, и мы не можем с ним не согласиться, из представления о тотеме, как о родственнике.

Наш обзор мы закончим изложением точки зрения о тотемизме и гипотезы о его происхождении известного советского этнографа С. А. Токарева:

Под тотемизмом он понимает веру „в сверхъестественную связь или родство, якобы существующие между группами людей и определенными видами материальных предметов, чаще всего животными и растениями.“¹

Причину возникновения тотемистических представлений у австралийцев он правильно видит в неразвитости их производительных сил, порождавших „узко ограниченные формы их общественного быта и столь же ограниченные формы сознания“. Общественные отношения австралийцев, которые строились на кровно-родственных связях, переносятся на окружающую природу, в частности, на животных. Первобытное сознание человека еще не противопоставляется внешнему миру, поэтому животное оказывается для него „старшим братом“, „отцом“.²

С. А. Токарев отмечает, что гораздо более трудно ответить на вопрос, почему каждый род верит в родство с одним, определенным видом животных или растений. „Можно только думать, — пишет он, — что тут сказалась, прежде всего, нерасторжимая связь каждого отдельного охотничьего коллектива со своей территорией“. Он считает, что в австралийских „тотемических верованиях главное место занимает, пожалуй, не представление о самом тотемическом животном, а те священные места, особые у каждой локальной группы, которые связываются с тотемическими мифами и обрядами“.³ С. А. Токарев допускает, что в выборе того или иного тотема была доля случайности, но считает возможным, что „тотемом группы становилось животное, водившееся в большом изобилии в данной местности“.⁴

Мы считаем, что не со всеми высказанными С. А. Токаревым положениями можно согласиться. Так, нельзя отрицать, что некоторые тотемы действительно водились в изобилии на территории только того или иного рода, но ведь такие тотемы были скорее исключением, чем правилом; обычно одни и те же животные водились на территории всех родов одного и того же племени, а еще чаще — ряда племен. Такая гипотеза не объясняет не только, каким образом появились тотемы — неодушевленные предметы, но даже и то, почему появились такие своеобразные тотемы, как например, москит, мартовская муха, червь, мышь.

На наш взгляд, единственно правильным будет второе предположение С. А. Токарева, что в выборе данного конкретного тотема играла роль случайность. Но С. А. Токарев не отвечает на другой вопрос, который, с нашей точки зрения, является гораздо более важным: почему тотемы родов никогда не повторяются внутри одного и того же племени, но могут совпадать у родов разных племен. На этот вопрос, нам кажется, нельзя ответить, если исходить из положения, что основное в тотемизме — *родство* с тотемным видом, но легче ответить, если исходить из того, что в тотемизме основное в вере в *происхождение* от тотемистических предков: два рода одного и того же племени не могут иметь одного предка. Приняв эту концепцию, можно

¹ Народы Австралии и Океании, Под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956, стр. 209.

² Там же.

³ Указ. соч., стр. 226.

⁴ Там же.

объяснить, почему религиозные верования австралийцев связаны в самом деле не столько с тотемистическим животным, сколько с «тотемистическими центрами»: ведь в этих священных убежищах хранились их чуринги и находились ратапа, т. е. души их тотемистических предков; именно с этими предками связаны все их священные церемонии, об этих предках говорят их мифы, а тотемные животные (растения) являются только их родственниками в силу того, что в стародавние времена в них воплощались те же легендарные предки.

* * *

Изучение многочисленных работ буржуазных, а также дореволюционных русских и советских ученых, показывает, что огромный труд, затраченный учеными всего мира на разрешение проблемы, был далеко не бесплодным. Все советские и подавляющая часть буржуазных ученых признают сейчас, что тотемизм является только религией. Значительная часть ученых признает тотемизм присущим всем племенам и народам мира на определенной ступени развития, т. е. явлением универсальным. Большое число ученых признает его первоначальной формой родовой тотемизм. Некоторые ученые высказали правильную гипотезу о его палеолитической древности. Были сделаны серьезные попытки решить проблему тотемизма в связи с развитием мышления первобытного человека. Были высказаны, наконец, интересные и правильные соображения об отношении тотемизма к социальной организации—возникающему роду.

Вместе с тем мы должны признать, что ни по одному из основных вопросов проблемы до сих пор нет единой, общепринятой точки зрения, а проблема происхождения тотемизма и по сей день остается нерешенной, хотя советские ученые наметили возможность ее решения в духе марксизма-ленинизма.

При решении вопроса о происхождении тотемизма следует учесть следующие положения:

1) Тотемизм является только религией и присущ всем племенам и народам мира на известном этапе развития. Он может быть понят только как фантастическое отражение условий материальной жизни коллектива людей, рода.

2) Тотемистический комплекс в эпоху своего возникновения должен был отличаться от тотемизма даже наиболее примитивных племен, известных нам по этнографическим источникам.

3) Возникновение и изменение тотемистических представлений тесно связано с развитием материального производства и общественного сознания этой эпохи.

4) На возникновение тотемистических представлений несомненное влияние оказало перенесение социальной организации людей на силы природы.

Нами отмечалось, что основное в тотемизме—вера в происхождение от тотема. Мы признали, что наиболее архаичным является представление о тотеме-предке не человеке, а фантастическом существе—получеловеке-полуживотном, или человеке, животном и растении одновременно.

Очевидно, что основной задачей исследования является выяснение поэтому вопроса, почему возникло столь, на наш взгляд, необычное представление о первопредках, почему, коль скоро оно уже существовало, человек отождествлял себя с обычным животным, расте-

шем, предметом неорганической природы, притом не с одним животным или растением, а с породой животных, видом растений.

Разрешение интересующего нас вопроса следует искать в условиях материального производства и тесно связанных с последним социальных отношениях того времени и обусловленном ими сознании первобытного человека. Но наиболее архаичные представления о предках — фантастических существах, как нами установлено в предыдущей главе, уже существовали в зачаточной форме в верхнем палеолите, а почитание вида животных, растений и т. п., отождествление с последним нам удалось проследить значительно позже, лишь начиная с раннего неолита. Стало быть, трансформацию тотемистических представлений следует искать в изменениях, происшедших в материальном производстве.

Как же нам представляется процесс возникновения и развития тотемистических представлений?

Процесс возникновения и развития тотемизма тесно связан с вопросом о происхождении религии и идеализма вообще:

Еще как полуживотные, не осознавшие собственных сил, беспомощные перед силами природы, подавленные трудностью борьбы за существование, вступают люди в историю.

Примитивным условиям материальной жизни соответствовала и вся духовная жизнь, которая была первоначально непосредственно вплетена "... в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни"¹.

Характеризуя сознание человека этого периода, Маркс и Энгельс писали: „Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан“².

Как и животное, он не задумывался над причинами явлений; не осознал он еще своего бессилия перед природой. В силу этого, у него не могло быть и не было религиозных представлений.

В. И. Ленин указывает, что „раздвоение сознания человека и возможность идеализма (-религии) даны уже в первой элементарной абстракции („дом“ вообще и отдельные дома“)³.

Такие элементарные абстракции, конечно, были уже и в начальный период истории, ибо способность абстрагирования — одно из свойств человеческого сознания. Но для того, чтобы возможность возникновения религии как ирреального отражения бытия превратилась в действительность, потребовалось возникновение более или менее сложных общих понятий, т. е. более значительное развитие производительных сил и связанного с ним сознания человека. Это происходит в значительно более поздний период, как это можно проследить по археологическим памятникам, по-видимому, в конце мустье.

Развитие производительных сил, усиление воздействия на природу приводят постепенно к осознанию ближайшего окружения, ограниченной связи с другими лицами и вещами, всей противостоящей ему природы.

Однако законы природы, обуславливающие полезные результаты деятельности человека, как правило, оставались недостижимыми для человеческого сознания.

¹ Маркс и Энгельс. Собр. соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 24.

² Указ. соч., стр. 30.

³ Ленин. Философские тетради. 1917, стр. 308.

Бессилие перед силами природы, незнание законов природы, трудность их познания и связанные с этим ложные представления о природе и самом человеке и приводят к фантастическому отображению реального мира — религии.

Не представляя себе иной жизни, чем та, которую первобытные люди знали непосредственно как человеческую жизнь, они переносили свои собственные качества и социальные отношения человеческого общества на силы и явления природы. Поэтому ее явления и предметы, даже неорганические, наделяются сознанием; они чувствуют и действуют как люди. Так происходит олицетворение природы. А когда человек осознает свое бессилие перед ней, он наделяет ее силы сверхъестественными качествами.

Так явления природы превращаются в самостоятельные сверхъестественные существа. „Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*“¹.

В условиях материальной жизни того времени люди не могли бороться с окружающими силами природы и хищными животными в одиночку и были сплочены в тесно связанные коллективы — первобытные общины. Крайне неразвитое производство обуславливало весьма редкое население и довольно значительные пространства отделяли общины одну от другой. В силу этого группы могли состоять только из кровных родственников. Первоначально это родство едва ли было осознано. Коллектив осмысливается лишь как производственный и социальный. Но только в нем человек мог видеть свою опору в борьбе за существование, ему (коллективу) каждая личность была подчинена не только в своих действиях, но и в мыслях и чувствах.

Развитие производства, улучшение способов охоты в начале верхнего палеолита стимулируют рост населения и делают возможным сужение территории обитания групп и сближение разных племен. Группа осознает себя как родственный коллектив, сплоченный внутри для совместной борьбы за существование, противостоящий другим коллективам. Но осознание родства означало и осознание общего происхождения. Название и явилось внешней формой признания группы родственной или, наоборот, чужеродной.

В этом родовом коллективе огромную роль играли старики как хранители опыта, знаний, как бы ограничены они ни были, традиций и обычаев, как воспитатели молодежи. К этим старикам и обращались за советом во всех трудных случаях. У них, очевидно, искали помощи и в борьбе с силами природы, перед которыми человек чувствовал себя бессильным. Но ведь эти старики, как это хорошо было известно всем членам коллектива, были обыкновенными людьми, хотя и более знающими и мудрыми, а противодействовать этим сверхъестественным силам можно было только силами, по крайней мере, равными по могуществу. Вот почему возникает представление, отражающее в фантастической, искаженной форме бытие, что такой силой обладали их легендарные старики — предки. Этим предкам, наделенным необычными чудодейственными качествами, и приписывалась возможность влияния на силы природы.

Предки могли быть женщинами, так как женщина в ту пору играла видную роль и занималась, главным образом, собирательством, которое имело большое значение. К тому же, при существовавшем тогда групповом браке и невозможности установить отцовство, она была признанной матерью своих детей.

¹ Ленин. Философские тетради. 1947, стр. 307.

Однако, так как в экономической жизни первобытных общин, как нами отмечалось, громадную роль, вероятно, большую, чем женщины, играли старики-мужчины, а причина рождения была неизвестна, то в фантастических представлениях людей в роли первопредков, в большинстве случаев, выступали мужчины или „мужчины, смешанные с женщинами“, наделенные сверхъестественными качествами. Они признавались большей частью не только предками, но и культурными героями и демургами всего существующего, наделялись способностью перевоплощения, и, по верованию людей, часто превращались в животный или растительный вид, имя которого носили, а иногда и в несколько родов.

Мы отмечали, что одним из важнейших вопросов проблемы является объяснение, почему своих первопредков люди представляли не только людьми, но и животными, растениями, силами природы или полулюдьми-полуживотными, полурастениями и т. д.

Ответ на этот вопрос следует искать в специфике материальной деятельности людей этого времени и определяемой ею неразвитостью сознания человека этого периода.

„Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы“¹. В силу этого он не ощущает резкой грани между человеком, животным, растением и предметом неорганической природы.

Объясняется это характером деятельности людей, связывающей человека и природу. От изобилия животных и растений, от удачливости охоты зависело существование человека. Но животных и растений не всегда хватало, а охота далеко не всегда была удачной.

Человек не только не противопоставлял себя животным, но, наоборот, как это отмечено еще Г. В. Плехановым, во многих случаях признавал их превосходство над собой². Непонятное для него исчезновение животных из места их обычного обитания, появление ранее незамеченного камня, о которой он споткнулся при преследовании дичи, ускользание из рук, казалось бы, пойманного зверя,— все это объяснялось их качествами: умом, изворотливостью, хитростью, даже способностью превращения. Вот почему, например, „для австралийских племен нет затруднения в предположении, что животное или растение может действительно превратиться в человека“³. Вот почему „священно первоначально то, что мы переняли от животного мира, *животный элемент*“⁴.

Не в меньшей мере человек зависел и от явлений и сил природы: буря делала и охоту и собирательства невозможными и часто приносила непоправимые бедствия, уничтожая растения—одни из основных источников питания; сильный ветер отклонял в сторону их стрелы, дротики, даже копья и препятствовал охоте; солнце давало тепло и жизнь растениям, а зной уничтожал растения и, в конечном счете, значительно уменьшал количество животных, являющихся объектом охоты человека; дождь мог принести неисчислимыя беды человеку, но мог принести ему и большую пользу. Даже луна, и та была связана с деятельностью людей: ее отсутствие содействовало нападению врагов, а наличие—ночной охоте.

Эти силы природы, перед которыми человек был бессилён, наделялись, как нами отмечалось, сознанием, для борьбы с ними и при-

¹ Ленин. Философские тетради. 1947, стр. 67.

² Плеханов, собр. соч., т. XVII, стр. 221.

³ Spencer B. and Gillen F. The Arunta. T. II, L. 1927, стр. 79—80.

⁴ Маркс и Энгельс, собр. соч., т. XXIV, стр. 598.

влекались старики, в знаниях которых концентрировался опыт поколений. Они лучше других могли определить местонахождение отдельных видов растений и животных, время их размножения, повадки животных, лучшие методы охоты и т. д. По разным приметам они могли предсказать и погоду. К ним, а через них — к своим легендарным предкам, как отмечалось, и обращались члены коллектива для воздействия на силы природы. Это воздействие, как это известно по этнографическим данным, выражалось в обрядах, во время проведения которых старики рядились в животных, растения и т. д., являвшихся объектом обряда, имитировали их повадки, охоту на них и т. д., пели песни о похождениях „предков“, связанных с проводимым обрядом. Казалось, что старик, проводивший церемонию „предок“, о похождениях которого он рассказывает и животное (растение), повадки которых он имитирует, составляют одно неразрывное целое.

И если охота или сбор растений после проведенного обряда будет удачной, члены коллектива, для которых „все за одного, один за всех“ являлось правилом их жизни, будут убеждены, что в этом им помог „предок“, который, возможно, сам перевоплотился в то или иное животное или растение, чтобы спасти родственную группу от смерти.

И, наделяя своих предков сверхъестественными качествами, человек присваивал им и способность принимать облик животных, растений и сил природы. Поэтому он их и предствлял себе то людьми, то животными, то предметами неорганической природы.

По этим легендарным предкам группа и получала свое название. Но человеку того времени не была известна причина зачатия. У многих племен мира было широко распространено воззрение, что женщина может родить не только человека, но и разных животных, и что виновником зачатия может быть и животное, и растение, и предмет неорганической природы. Отсюда один шаг до верования, что может родиться получеловек-полуживотное.

Так возникают и развиваются в фантазии человека представления о предках — полулюдях-полуживотных.

Чем больше человек познавал природу и на нее воздействовал, тем более развивалось его сознание. На практическом опыте он убеждался, что обычное животное и нормальный человек не обладают способностью перевоплощения. Но религиозные представления консервативны, поэтому вера в реинкарнацию сохранилась, но переносилась в прошлое или перевоплощение допускалось после смерти члена рода.

Однако и позже многие племена, в силу традиции, по-прежнему представляют своих предков в получеловеческом-полуживотном образе. Этим объясняется пестрота представлений о тотемистических предках у разных племен, даже столь близких друг к другу, как австралийцы.

Лишь значительно позже, в эпоху неолита и даже бронзы, эти предки полностью антропоморфируются. Но и в этом случае пережитки старых представлений сохраняются в той или иной форме.

Можно предполагать, что тотемистические предки не были вначале связаны с одним определенным видом животных. По-видимому, первоначально эти предки, как нами отмечалось, привлекались для противодействия всем стихийным силам, перед которыми человек был беспомощен. Лишь позже, с ростом и расщеплением групп, человек переносил свою социальную организацию на природу, разделил последнюю между разными группами. Так, появление фратрий вызывает и первое разделение природы на две половины, а расщепление фратрий

и образование новых родов вызывает и дальнейшее дробление тех объектов природы, на которые этот предок может влиять. Так возникает тотемизм в том виде, в котором он нам известен по Австралии, когда один род может воздействовать только на один тотемистический вид.

Естественно, что ранее тотемы наследовались по материнской линии, ибо счет родства был матрилинейный. Лишь значительно позже, когда материнский счет родства сменился отцовским, дети стали наследовать тотемы не матери, а отца.

Разделением сил природы между фратриями и родами, имеющими разное происхождение, можно объяснить и то, почему внутри племени тотемные названия не повторяются. И если одинаковые тотемы могут быть у соседних групп, то это находит свое объяснение в том, что первобытные общины во времена возникновения тотемистических представлений, как нами отмечалось, жили на далеких расстояниях друг от друга и каждая из них представляла собой небольшой сплоченный, но замкнутый мирок, который жил и действовал самостоятельно, первоначально почти не общаясь и не сталкиваясь с другими. Совпадение тотемов у разных племен, известных нам по этнографическим данным, вытекало из одинаковых условий материального существования, а различия коренились опять-таки в местных условиях, так как тотемы были связаны с местностью, ибо тотемом мог стать только такой предмет органической или неорганической природы, который был группе известен. С дальнейшим развитием производительных сил и усилением воздействия на природу первобытный человек проникает в отдаленные от постоянного обитания местности и получает возможность расширить круг своих тотемов.

Первоначально тотемами могли быть только те животные, растения и силы природы, от которых зависело существование человека. Такие тотемы, как мартовская муха, москит, ветка или орудия труда, изготовленные человеком, возникают, несомненно, позже, как следствие саморазвития тотемистических представлений.¹

Крайне трудно, скажем более, невозможно ответить на вопрос, почему данный род избрал тот или иной тотем. Может быть, тотемы-птицы и рыбы распространены потому, что резко отличались от человека своими способностями подниматься ввысь или жить постоянно в воде, пчела и муравей — своими удивительными архитектурными способностями... Но скорее всего в выборе тотемов играла роль случайность: птица, возвестившая о появлении опасного хищника, или открывшая своим криком скрывающегося зверя, являвшегося объектом охоты человека, пчела, из улья которой человек добыл в трудный момент мед, спасший, возможно, от голодной смерти коллектив, дождь, неожиданно пролившийся на землю и давший жизнь растениям — все это могло стать поводом для выбора того или иного тотема.

В представлениях о том, что люди, даже предки, являлись полудюдьми-полуживотными, еще нет ничего религиозного, хотя такие воззрения и фантастичны. Но превращение предков в существа, наделенные сверхъестественными качествами, способные противодействовать силам природы, возникновение обрядов, связанных с этими предками, означает превращение этих представлений в религиозные.

Так как тотем, признаваемый предком группы, представлялся животным, растением или предметом неорганической природы, то родственниками признавалась не только группа людей и их тотемисти-

¹ См. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. М., 1940, стр. 50.

ческий предок, но и тот предмет природы, имя которого он носил, предмет, от которого, как они верили, они произошли.

Человек, как нами уже отмечалось, в условиях того времени, не только не выделял себя из коллектива, но и подчинялся ему во всем, во всех мыслях и чувствах. Так как свою собственную социальную организацию люди переносили и на природу, то родственным признавался не только тотем, но и весь вид предметов природы, в который тотемистический предок мог превращаться.

Но если группа людей считала своим родственником какой-либо вид животных, растений и т. д., то очевидно, что и относиться к ним они должны были, как к родственникам. Сородича каждый член рода обязан защищать, его нельзя обидеть, тем более убить или есть.

Значит, табуация возникает, как правильно, на наш взгляд, объяснил А. М. Золотарев, из представления о тотеме как родственнике.

По мере накопления опыта и знаний люди все более и более осознают различие между собой, животными, растениями и предметами неорганической природы. Это ведет к тому, что запреты становятся менее строгими, а затем и снимаются полностью. Начало этого процесса можно проследить в Австралии.

Неотъемлемым элементом каждой религии является культ, выражающийся в поклонении сверхъестественным силам, в обращении к ним с заклинаниями, просьбами, в совершении религиозных обрядов. К таким обрядам относят, в частности, причащение тотемом и обряд инициумы.

Инициумы возникают, как это можно проследить по археологическим данным, одновременно с тотемизмом. Однако, по-видимому, прав С. П. Толстов, что первоначально эти обряды были направлены на размножение не одного, а ряда видов животных. Это подтверждается тем, что в верхнем палеолите изображения этих предков окружены рисунками разных животных.

Лишь с развитием тотемизма эти представления модифицировались, и тотемистический предок мог уже воздействовать только на один тотемный вид.

Причащение тотемом является логическим следствием развития тотемистических представлений: если тотемный вид не только родственник, но и предок, то очевидно, что его вкушение может передать тотемной группе частицу его сверхъестественных сил. Но есть его можно лишь небольшими дозами, ибо избыток сил может убить или нанести вред.

Всякая религия закрепляет нормы, обычаи, мораль, возникшие раньше или позже ее зарождения, и освящает их своим авторитетом. И запрещение брака между родственниками разных категорий, возникшее, по нашему мнению, независимо от тотемизма, фантастически отражается в запрещении брака между тотемными группами, которые в реальной жизни являются родственниками.

К явлениям того же порядка, наконец, относятся и инициации. Мы не можем на основании данных современной археологии окончательно решить вопрос о времени их возникновения. Несмотря на это, у нас есть все основания считать, что инициации и тотемизм разного происхождения, ибо корни инициаций, как нами уже отмечалось, иные: этот институт отражает один из важнейших моментов жизни первобытного человека—наступление зрелости, переход юноши в группу основных добытчиков—охотников. Тотемизм включил в себя и этот обряд, дал ему религиозную санкцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Привлеченные нами данные этнографии и археологии показали несостоятельность утверждения значительного числа буржуазных ученых, воспринятого некоторыми советскими учеными, что существовал якобы какой-то особый тотемистический социальный строй. Факты подтвердили общепризнанное ныне советской наукой положение, что тотемизм и у наиболее примитивных племен, известных этнографии, и в пору его возникновения, несомненно являлся лишь религией.

Анализ этнографических фактов показал, что из всех тотемистических группировок позже всех образовались тотемы племенные, возрастных групп, семейные и личные.

Исследование сущности тотемизма у наиболее примитивных племен мира—австралийцев—привело нас к заключению, что наиболее архаичная социальная группировка, у которой наиболее полно сохранился тотемистический комплекс, являлась ничем иным, как возникающим родом. Это подтвердило положение, выдвинутое некоторыми советскими учеными, что **тотемизм—религия возникающего рода**.

Подробное рассмотрение всего тотемистического комплекса показало, что основным и наиболее архаичным элементом тотемистического комплекса следует признать веру в происхождение от первопредков, представляемых в виде фантастических существ—то людей, то животных, то полулюдей-полуживотных, полурастений и т. п., обладающих способностью перевоплощения.

Продолжая работу ряда исследователей, мы мобилизовали дополнительные материалы, в особенности собранные русскими учеными и путешественниками и советскими этнографами, для выяснения вопроса универсальности тотемизма. Факты подтвердили, что единственно правильным является положение, принятое советской этнографической школой, что тотемизм универсален и присущ всем племенам и народам мира на известном этапе общественного развития.

Поиски истоков тотемизма обратили нас к археологическим памятникам. Анализ произведений палеолитического искусства привел нас к заключению, что в так называемых антропоморфных и зооморфных изображениях, а также в „замаскированных фигурах“ верхнего палеолита и следует, вероятно, видеть изображения тотемистических предков.

Стремление уточнить время возникновения этих изображений привело нас к выводу, что традиционная датировка так называемых антропоморфных и зооморфных изображений мадленом устарела и дол-

жна быть пересмотрена, ибо в некоторых археологических памятниках изображения этого типа имеются уже в культурном слое солиутре, даже ориньяка.

Так как мы признали некоторые верхнепалеолитические изображения тотемистическими, а тотемизм — религией родового строя, то это значит, что наш вывод подтверждает положение, принятое советскими археологами, что род возникает в верхнем палеолите, в ориньянке.

На основе анализа фактов, исходя из марксистско-ленинского учения о религии, базируясь на положениях, уже разработанных советскими учеными, мы попытались дать решение проблемы происхождения тотемизма и всего тотемистического комплекса. Мы стремились показать, как возникают эти фантастические представления, которые, как и всякая религия, затемняют сознание человека, „обрекая его на пассивность перед силами природы, сковывают его творческую активность и инициативу“¹.

Таким образом, ряд важнейших вопросов проблемы тотемизма, запутанных зарубежными учеными, находит свое объяснение. Но это не значит, что целиком исчерпан весь комплекс вопросов, связанных в той или иной мере с тотемизмом. Остается много вопросов, выяснение которых было бы интересным и нужным.

Не установлена последовательность исчезновения элементов тотемистического комплекса и степень их сохранения в более поздних последующих религиях. Желательным явилось бы изучение пережитков тотемизма у тех немногих племен и народов, у которых он еще не обнаружен или найдены его слабые следы. Было бы интересно проследить, почему конкретно у отдельных племен тотемистический комплекс сохранился в полной мере, а у других, иногда стоящих на одинаковой ступени развития, он давно исчез или оставил еле заметные следы.

В процессе исследования нам пришлось, как это часто случается, столкнуться с рядом важных и сложных проблем, имеющих лишь косвенное отношение к тотемизму; проблемы происхождения дуальной организации, экзогамии, искусства являются основными из этой группы вопросов, которые были нами лишь затронуты в той мере, в какой это было необходимо для решения нашей основной задачи. Эти проблемы ждут окончательного и полного разрешения.

¹ Постановление ЦК КПСС „Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения“. „Правда“ от 11 ноября 1954 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3—4
I. Тотемистический комплекс у наиболее примитивных племен мира	5—52
II. Распространение тотемизма	52—86
III. Древнейшие формы тотемизма	86—108
IV. Происхождение тотемизма	108—148
— Заключение	149—150